

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

**МАТЕРИАЛЫ 2-й МЕЖДУНАРОДНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ
ПО САМОДИСТИКЕ**

(посвящается 100-летию со дня рождения
Натальи Митрофановны Терещенко)

16 – 18 октября 2008 г.

Санкт-Петербург
«Нестор-История»
2008

Материалы 2-й международной конференции по самодистике – посвящается 100-летию со дня рождения Натальи Митрофановны Терещенко (16 – 18 октября 2008 г.): СПб.: Нестор-История, 2008.

Редакционная коллегия: А.П.Володин, Е.В.Головко, М.Д.Люблинская (отв.редактор), А.М.Певнов, И.П.Сорокина.

Утверждено к печати Институтом лингвистических исследований РАН

Издание подготовлено при содействии Российского гуманитарного научного фонда (грант № 08-04-00167а «Редкие и уникальные явления в языках Российской Федерации, находящиеся под угрозой исчезновения»).

Издание осуществлено с оригинал-макета, подготовленного в ИЛИ РАН.

©Коллектив авторов, 2008
©ИЛИ РАН, 2008

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. Н.М. ТЕРЕЩЕНКО, ЕЕ НАУЧНАЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

<i>И.П. Сорокина</i>	6
Наталья Митрофановна Терещенко	
<i>Е.Г. Сусой</i>	14
Бесценный труд Н.М. Терещенко	
<i>Р.И. Канюкова</i>	20
Современные проблемы звуковой культуры речи	

II. ЛИНГВИСТИКА

<i>А.В. Байдак, Н.П. Максимова</i>	27
Способы категоризации концепта смерть в селькупской языковой картине мира	
<i>С.И. Буркова</i>	49
Средства выражения эпистемической модальности в диалектах ненецкого языка	
<i>В.В. Быконя</i>	60
Самодийское направление Томской лингвистической школы	
<i>Б. Вагнер-Надь</i>	68
Типология средств выражения стандартного отрицания в самодийских и обско-угорских языках	
<i>А.П. Володин, М.Д. Люблинская</i>	85
Примерный проспект научной грамматики ненецкого языка	
<i>М. Katzschmann</i>	89
О tempora, o modi! (About past and future tense and other curiosities in Enets - a new theory about an old question)	

<i>В.Ю. Гусев</i>	114
Ауслатное -w в самодийских языках: нганасанско-маторская изоглосса	
<i>Г. Клумп</i>	129
Личные имена в камасинском языке (тезисы)	
<i>Н.Б. Кошкарева</i>	131
О лексикографическом описании диалектов ненецкого языка	
<i>Е.А. Крюкова</i>	137
Применение теории поля при описании и классификации частей речи	
<i>А.И. Кузнецова</i>	143
Прямая и косвенная речь в селькупском языке	
<i>Р.И. Лантандер</i>	153
Перевод фольклорных текстов с ненецкого языка на русский (на примере текста «Няхар’’ Пути»)	
<i>Л. Лейсиё</i>	158
Употребление притяжательных суффиксов в нганасанском языке	
<i>М.Д. Люблинская</i>	171
Фонологические единицы ненецкого языка в «лингфонном курсе» М.Я. Бармич	
<i>Ю.В. Норманская</i>	179
Реконструкция прасамодийских метеорологических названий	
<i>Sándor Szeverényi</i>	195
On Samoyedic Metaphors (based on investigating property concepts in Nganasan)	
<i>Florian Siegl</i>	208
Re-approaching the passive in Forest Enets	
<i>А.Г. Тучков</i>	214
Учебники П.А. Афанасьева для кетских селькупов	

- М.В. Филимонов* 223
 Енисейский ингредиент в прасамодийском: фонологическое и морфологическое диагностирование
- О.В. Ханина, А.Б. Шлуинский* 234
 К вопросу об изменениях в фонологии лесного диалекта энецкого языка

III. ЭТНОГРАФИЯ, МУЗЫКОВЕДЕНИЕ

- О.Э. Добжанская* 242
 Шаманская музыка самодийских народов как универсальный язык общения человека с духами сверхъестественного мира
- О.Э. Добжанская, В.К. Биче-оол, Н.В. Левочкина* 251
 «Энциклопедия художественной культуры нганасан» – мультимедийный проект
- Л.Р. Павлинская* 257
 Шаманский костюм в свете мифологии
- Г.П. Харючи* 267
 Защищающие природу табу

И. Н.М. ТЕРЕЩЕНКО, ЕЕ НАУЧНАЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

И.П. Сорокина

Институт лингвистических исследований РАН
г. Санкт-Петербург

НАТАЛИЯ МИТРОФАНОВНА ТЕРЕЩЕНКО

Н.М. Терещенко родилась 17 марта 1908 года на хуторе Ново-Никольский Царицынской губернии (впоследствии поселок Ворошилова Волгоградской области). Украинка. Родители из крестьян: мать — учительница, отец — служащий. В 1926 году началась ее трудовая деятельность. С 1926 года по 1929 год она работала секретарем–машинисткой краевого отдела профсоюза транспортных рабочих в городе Саратове. В 1929 году ее послали на кратковременные педагогические курсы в город Архангельск. С 1930 года Наталья Митрофановна начала работать педагогом в ненецкой национальной школе в селе Тельвиска Ненецкого национального округа.

В 1931 году Комитет Севера и Архангельский краевой отдел народного образования направили Н.М.Терещенко на учебу на Северное отделение Педагогического института им. А.И.Герцена в Ленинграде, который она закончила в 1935 году по специальности «Русский и ненецкий языки и литература». Затем до 1940 года она продолжала занятия в аспирантуре Института народов Севера, в котором с 1933 года преподавала ненецкий язык. Двухлетний перерыв в занятиях был связан с выполнением правительственного задания по переводу на ненецкий язык политико–массовой литературы. В том же году

Н.М.Терещенко защитила кандидатскую диссертацию на тему «Категория определения в ненецком языке».

Во годы учебы в институте и аспирантуре Н.М.Терещенко занималась переводческой работой и участвовала в создании учебной литературы для национальной ненецкой начальной школы. Параллельно она вела педагогическую работу в Институте народов Севера и заведовала лингвистической секцией Научно–исследовательской ассоциации этого института.

Во время войны, в конце 1941 года, Н.М. Терещенко была эвакуирована из Ленинграда в село Мухино Кировской области, где работала воспитателем детского сада. В 1942 году ее направили в Омский педагогический институт, где она работала деканом факультета народов Севера и заведующей кафедрой северных языков. В 1943 году ее утвердили в звании доцента. В 1945 году Н.М. Терещенко вместе с факультетом вернулась в Ленинград, в должности доцента и заведующей кафедрой угро-самодийских языков на факультете народов Севера Ленинградского университета. Тогда же она была зачислена по совместительству старшим научным сотрудником в Институт языка и мышления АН СССР. После преобразования этого института в 1950 году в Институт языкознания АН СССР она стала сотрудником северного сектора, позднее – сектора палеоазиатских и самодийских языков. В 1948 году ей было присвоено ученое звание старшего научного сотрудника. После ликвидации факультета народов Севера в Ленинградском университете в 1953 году Н.М. Терещенко перешла на работу в Ленинградское отделение Института языкознания. В 1968 году, за два дня до своего 60-летия, в Москве в Институте языкознания она защитила докторскую диссертацию на тему

«Вопросы лексики ненецкого языка и принципы построения двуязычных словарей языков разных систем с различной письменной традицией». С 1973 года Н.М. Терещенко – старший научный сотрудник–консультант Ленинградского отделения Института языкознания. Она вела большую общественную работу, несколько лет являлась ученым секретарем Ученого совета Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР, имеет правительственные награды, в том числе награждена медалью “За доблестный труд в Великой Отечественной войне”.

Список печатных научных работ Н.М. Терещенко включает свыше 80 названий, в том числе 6 монографий и 3 фольклорных сборника. Значительная часть работ посвящена словарному запасу и грамматическому строю ненецкого языка. После защиты в 1940 году кандидатской диссертации о категории определения в этом языке она пишет ряд учебников и учебных пособий для ненецкой национальной школы. Ей принадлежат такие работы, как: «Очерк грамматики ненецкого языка»; «О развитии грамматических категорий ненецкого языка (на примере категории причастия)»; «В помощь самостоятельно изучающим ненецкий язык»; «Опыт сопоставительной грамматики ненецкого и русского языков»; «К вопросу о ненецко-хантыйских языковых связях»; «Слова табу в ненецком языке»; «Об основных понятиях идиоматики в ненецком языке». Отдельно следует отметить книгу «Материалы и исследования по языку ненцев», посвященную самым разным проблемам ненецкого языка. В ней собраны данные о названиях и самоназваниях отдельных групп ненцев, ряд очерков по грамматике (О выражении грамматического числа, категории переходности и непереходности, союзах и

союзных словах и пр.) и диалектологии (общие сведения о наречиях и говорах, отличительные особенности ямальского говора), образцы фольклорных и бытовых текстов.

Особого внимания заслуживает деятельность Н.М. Терещенко по составлению словарей ненецкого языка: «Русско-ненецкий словарь (соавтор А.П. Пырерка, около 15 000 слов)»; «Ненецко-русский словарь (около 8 000 слов)»; «Ненецко-русский словарь (около 22 000 слов)». Последний является уникальным по своей значимости, самым полным словарем ненецкого языка в мире. Этот словарь является сокровищницей финно-угорских и самодийских языков. Свой богатый опыт в этой области Н.М.Терещенко обобщила в докторской диссертации «Вопросы лексики ненецкого языка и принципы построения двуязычных словарей языков разных систем с различной письменной традицией», которую защитила в 1968 году, за два дня до своего 60-летия, в Москве, в Институте языкознания.

Внимание Н.М. Терещенко всегда привлекала малоизученная область грамматики самодийских языков – синтаксис, которому посвящена ее кандидатская диссертация, ряд статей, например: «Именное сказуемое в ненецком языке»; «Способы выражения качественного определения»; «Выражение сложной мысли средствами простого предложения (на материале ненецкого языка)». Со временем Н.М. Терещенко расширила поле своих синтаксических исследований на все самодийские языки, о чем свидетельствуют следующие труды: «О выражении поссесивных отношений в самодийских языках»; «Именное сказуемое в самодийских языках»; «Соответствия как особый тип синтаксической связи между главными членами предложения (на материале самодийских языков)». Этот ряд

завершает обобщающая монография: «Синтаксис самодийских языков. Простое предложение» – первое специальное исследование по синтаксису всей группы самодийских языков (за исключением камасинского). Работа имеет описательно–сопоставительный характер, насыщена новыми оригинальными идеями, написана на основе и с приведением богатого материала по ненецкому, энецкому, нганасанскому и селькупскому языкам, открывает новую эпоху в изучении синтаксиса самодийских языков.

Проблемами самодийских языков в целом Н.М. Терещенко занималась не только в рамках синтаксиса. В качестве примеров можно привести следующие ее работы: «К вопросу взаимоотношений самодийских языков к языкам других групп»; «К проблеме соотношения агглютинации и флексии в самодийских языках»; «Обоснования исконного родства языков самодийской группы»; «Выражение совместимости в самодийских языках»; «Склонение в самодийских языках»; «К вопросу о Nomenverba в свете данных самодийских языков»; «Основные проблемы изучения самодийских языков».

Языковые материалы и произведения народного творчества Н.М. Терещенко записывала во время многочисленных экспедиций в различные районы расселения сначала ненцев, а позднее также энцев и нганасанов. Новые данные по малоизученному энецкому и нганасанскому, кроме ее монографии по синтаксису самодийских языков, представлены, например, в статьях: «К сравнительному изучению самодийских языков (язык энцев)»; «Энецкий язык»; «Нганасанский язык»; «Некоторые синтаксические особенности нганасанского языка»; «Некоторые особенности падежной системы нганасанского языка»; «Влияние русского языка на язык нганасанов». В 1979

году вышла из печати ее книга «Нганасанский язык», до настоящего времени единственное полное описание языка.

Велики заслуги Н.М. Терещенко в области исследования самодийских языков. В течение многих лет она входила в редколлегию основного журнала «Советское финно-угроведение», была почетным членом Финно-угорского общества (Suomalais-ugrilainen Seura) в Хельсинки.

Н.М. Терещенко много сил отдавала преподавательской деятельности, подготовке исследовательских кадров по самодийским языкам и педагогических кадров для Севера. Она принимала самое непосредственное участие в культурном строительстве на Севере, в развитии ненецкой письменности, ненецкого литературного языка.

Важнейшие работы Н.М. Терещенко

Категория определения в ненецком языке. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1940.

Очерк грамматики ненецкого языка. Л., 1947.

Русско-ненецкий словарь, соавтор А.П. Пырерка (около 15 000 слов). М., 1948.

Именное сказуемое в ненецком языке // Советское финно-угроведение I. Ученые записки Ленинградского государственного университета № 105. Серия востоковедческих наук 2. Л., 1948, с. 316–329.

О развитии грамматических категорий ненецкого языка. (На примере категории причастия) // О русских влияниях на ненецкий язык. (По материалам лексики). Языки и история народностей Крайнего Севера СССР. Л., 1953, с. 60–83.

Ненецко-русский словарь (около 8 000 слов), Л., 1955.

- Материалы и исследования по языку ненцев. М.–Л., 1956.
- К вопросу взаимоотношений самодийских языков к языкам других групп // Вопросы языкознания, 1957, № 5, с. 101–103.
- В помощь самостоятельно изучающим ненецкий язык. Опыт сопоставительной грамматики ненецкого и русского языков. Л., 1959.
- К вопросу о ненецко-хантыйских языковых связях // Вопросы языкознания, 1959, № 2, с. 96–103.
- Грамматика и лексикология. М.–Л., 1964, с. 146–155.
- Выражение сложной мысли средствами простого предложения (на материале ненецкого языка). // Вопросы финно-угорского языкознания. Грамматика и лексикология. М.–Л., 1964, с. 146–155.
- К проблеме соотношения агглютинации и флексии в самодийских языках // Морфологическая типология и проблемы классификации языков. М., 1965, с. 164–169.
- Ненецко-русский словарь (около 22 000 слов). М., 1965.
- К сравнительному изучению самодийских языков (язык энцев) // Советское финно-угроведение I, Таллин, 1965, с. 121–128.
- Самодийские языки // Языки народов СССР. Т. III. Финно-угорские и самодийские языки. М., 1966, с. 364–375.
- Ненецкий язык // Там же, с. 376–395.
- Энецкий язык // Там же, с. 438–457.
- Нганасанский язык // Там же, с. 416–437.
- Слова табу в ненецком языке // Советское финно-угроведение III, Таллин, 1967, с. 123–130.
- Об основных понятиях идиоматики в ненецком языке // Советское финно-угроведение V, Таллин, 1969, с. 77–82.

- О выражении поссесивных отношений в самодийских языках // Вопросы финно-угорского языкознания IV, Ижевск, 1967, с. 234–242.
- Вопросы лексики ненецкого языка и принципы построения двуязычных словарей языков разных систем с различной письменной традицией. Дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1968.
- Именное сказуемое в самодийских языках // Советское финно-угроведение V, Таллин, 1969, с. 287-297.
- Соответствия как особый тип синтаксической связи между главными членами предложения. (На материале самодийских языков) // Вопросы финно-угорского языкознания V, Йошкар-Ола, 1970, с. 148–156.
- Синтаксис самодийских языков. Простое предложение. Л., 1973.
- Обоснования исконного родства языков самодийской группы // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1973, с. 8–11.
- Выражение совместимости в самодийских языках // *Commentationes fenno-ugricae in honorem Erkki Itkonen.* (MSFOu 150), Helsinki, 1973, S. 404–412.
- Склонение в самодийских языках // Склонение в палеоазиатских и самодийских языках, Л., 1974, с. 33–50.
- К вопросу о *Nomenverba* в свете данных самодийских языков // Вопросы финно-угроведения вып. VI, Саранск, 1975, с. 200–207.
- Основные проблемы изучения самодийских языков // Вопросы языкознания, 1975, № 1, с. 111–121.
- Некоторые синтаксические особенности нганасанского языка // СIFU II, с. 530–537.

Некоторые особенности падежной системы нганасанского языка // JSFOu 72, 1973, с. 427–433.

Влияние русского языка на язык нганасанов // Вопросы советского финно-угроведения. Языкознание, Петрозаводск, 1974, с. 99–102.

Нганасанский язык. Л., 1979.

Е.Г. Сусой
Музей-квартира Л.В.Лапцужа,
г. Салехард

БЕСЦЕННЫЙ ТРУД Н.М. ТЕРЕЩЕНКО

Наталья Митрофановна Терещенко является продолжателем исследования самодийских языков и создания ненецкой письменности. Мы с ней познакомились в 1953 году, когда она впервые приехала на Ямал, в Салехард, со своими учениками — студентами Ленинградского университета народов Севера и Дальнего Востока.

Великий труд Н.М. Терещенко трудно оценить одним–двумя словами. Ею созданы книги: «Ненецко-русский словарь», «Материалы и исследования по языку ненцев», «Нганасанский язык», «Очерки истории изучения палеоазиатских и самодийских языков» в соавторстве с И.С. Вдовиным. В 1982 году в журнале «Советское финноугроведение» Академией наук Эстонской ССР к юбилею ненецкой письменности были изданы материалы её исследований. Она внесла великий труд в продолжение по изучению и возрождению ненецкой письменности.

Наши связи, возникшие в те далёкие времёна, продолжались

до нашей разлуки с ней в этом мире.

В год её приезда на Ямал я окончила II курс Салехардского педагогического училища. Целью приезда Натальи Митрофановны было более глубокое изучение особенностей говора ямальских ненцев. Об этом свидетельствуют ее слова из предисловия к книге «Материалы и исследования по языку ненцев», изданной в 1956 году: «Имеет целью научное освещение ряда вопросов грамматики и фонетики ненецкого языка».

В тот период она приступила к более тщательному изучению различий между говорами ненцев двух округов – Ненецкого округа Архангельской области и Ямало-ненецкого округа Тюменской области.

Её незаменимым собеседником тогда была моя мама — Ебцота, которая не владела русским языком, поэтому в эту работу включили и меня в качестве переводчика, я же разъясняла ей смысл слов, а также помогала определять падежи имен существительных, личных форм местоимений и т. д.

Тем визитом Натальи Митрофановны ямальцы остались очень довольны — особенно радовало всех то, что русская женщина интересуется нашим языком, много знает о культуре ненцев. Описанию ненецкого языка помогало и то, что она была женой первого ненецкого ученого Антона Петровича Пырерки, отдавшего жизнь в Великую отечественную войну.

Наталья Митрофановна занималась изучением нашего языка и культуры в мельчайших подробностях. Ее работа помогла нам осознать многие особенности в различиях говоров ненцев Архангельской и Тюменской областей — Большеземельского и Ямальского говоров. После её разъяснений нам стал понятен говор большеземельцев, мы смогли общаться с ними, в частности, во время нашей учебы в Ленинграде, в пединституте им. Герцена.

Наталья Митрофановна четко определила, что энецкий и нганасанский языки действительно входят в число самодийских, а не являются диалектами ненецкого языка. Оба они имеют свои отличительные особенности в области фонетики, грамматики, и представляют собой самостоятельные языки.

Наталья Митрофановна большое значение придавала научно-исследовательской работе всемирно известного исследователя М.А. Кастрена, который тщательно изучил камасинский язык, а ненецкий язык, язык самого многочисленного из числа малочисленных народов, назвал самодийским.

Название «самодийские языки» принято в советское время по инициативе Г.Н. Прокофьева. Оно образовано от слова «самоди» — так называли тогда ненцев. В дореволюционной литературе все эти народы называли самоеды-юраки: енисейские самоеды — энцы, тавгийские самоеды — нганасаны, остяко-самоеды — селькупы.

До Великой октябрьской революции русские называли ненцев «самоеды», «самоди», «самодины», сами они использовали название *ненэць'* «человек». Самоедами называли и энцев, и нганасан. Ненцев также называли юраками, хотя сами ненцы не отказывались от своего самоназвания *ненэць'* «человек». Лесные ненцы были известны в литературе как *ханде-яры*.

Результаты научных исследований Н.М. Терещенко бесценны. В одной из своих статей, опубликованных в год 60-летия СССР, в сборнике Академии Эстонской ССР, она с гордостью вспоминает пути создания письменности самодийских народов – ненцев, энцев и нганасан. Финский учёный Отто Доннер так определял эту величайшую миссию: «Одна из самых ближайших задач, прежде всего, финского научного исследования должна, как мне кажется, заключаться в том, чтобы самоедский язык сделался

предметом изучения и собирания материалов. Дело всей жизни Кастрена знаменует собой поворотный пункт тем, что он в почти неисследованной области языкознания представил грамматическое изложение пяти сильно отличающихся друг от друга диалектов, которые принадлежат одному из таких своеобразных и сложных, благодаря богатству форм языков, как самоедский. Для того, чтобы нашим исследователям не оставлять в стороне эту область, они призваны продолжать работу Кастрена, прежде чем этот исчезающий народ не сойдёт с арены. Собрать настолько фонетически точно записанный материал, и определить насколько это вообще возможно. Научная трактовка, наверняка, не останется невысказанной».

Когда праздновалось 60-летие СССР, ненецкой письменности исполнилось полвека. Наталья Митрофановна высоко оценила выход первого ненецкого букваря на родном языке «Ядэй вада», составленного замечательным ученым-языковедом Г.Н. Прокофьевым. Благодаря этому букварю, дети кочевого населения в национальных округах могли учиться грамоте по своему первому учебнику — букварю, изданному в 1932 году в Ленинграде, понятному и доступному каждому из них. Ненецкий народ с большим воодушевлением воспринял великий труд выдающегося просветителя северных окраин России — диву давались и говорили: «Как можно с листом бумаги или посредством каких-то знаков на нем вести разговоры с людьми о самых важных событиях жизни, узнавать много нового, неизвестного». Люди с энтузиазмом восприняли новые методы в области просвещения. Ведь при царизме о таких методах им никто не говорил: миссионерские школы на Ямальском полуострове и в других регионах Севера не могли содействовать созданию и процветанию письменности малочисленных народов.

Поначалу ненцам-тундровикам, бравшим в руки букварь,

трудно было понять, как можно узнать о многом, важном для жизни из того, что начиркано на листке бумаги? Как книга может рассказать о том, что заложено в их традициях, выработанных с древних времен, научить тому, что принесла новая жизнь? Общение с новым «собеседником» – книгой порождало большие надежды, гордость и радость за значимость своего родного языка, за древние традиции и культуру.

Со временем родители перестали бояться отдавать своих детей в школы–интернаты. Дети и их родители очень бережно относились к первому букварю и к последующим учебникам, которые примерные ученики получали как премиальные подарки за хорошую учебу и поведение. Свои подарки дети привозили в тундру во время каникул, читали их своим братьям и сестрам, которым предстояло через 2–3 года пойти в школу.

В этих букварях и в учебниках много интересного находили и взрослые. Их поражало то, что рассказывается о традиционных сторонах жизни ненцев и, радовало то, что они узнают много нового о традициях русскоязычных народов. Становилось легче общаться с другими народами, которым мало знакомы языки, традиции, уклад жизни и культура северных народов, особенно ведущих кочевой образ жизни.

Обо всем более подробно можно узнать из статьи Н.М.Терещенко «Основные проблемы самоедологии в СССР».

Сегодня благодаря работам Натальи Митрофановны Терещенко и ее учеников учителя родного языка могут плодотворно работать, прививая детям любовь к языку и культуре своего народа.

При этом ни одна национальная школа Ямала не обходится без связи с родной тундрой, с традициями, которые и сегодня проявляются в их трудовой деятельности, культуре общения на род-

ном и русском языках.

Сегодня во многих ненецких школах родной язык и литература преподаются с 0 по 9 классы.

Благодаря исследователям, среди которых Наталья Митрофановна Терещенко занимает видное место, мы имеем возможность продолжать дело сохранения и возрождения самодийских языков, группы языков малочисленных народов Севера.

Р.И. Каныкова
ОГУ «Этнокультурный центр
Ненецкого автономного округа»,
г. Наръян-Мар

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗВУКОВОЙ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ

В этнической среде идет формирование человека национальной культуры, и усвоение родного языка неотделимо от усвоения культуры народа, так как здесь осуществляется опыт передачи традиций и обычаев от одного поколения другому, и приоритет родного языка очевиден.

Но мы живем в поликультурном обществе, где идет глобализация культурной среды, происходит культурная и языковая ассимиляция отдельных этнических групп.

Если в XVIII веке на территории Нижнепечорья проживали ненцы, русские и коми то в XXI веке этническая картина резко изменилась. Данные «Территориального органа Федеральной службы государственной статистики Ненецкого автономного округа» по переписи 2002 г. показывают, что в национальный состав нашего округа входят 89 разных народов, из них десять – представители народов Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока. Из коренных малочисленных народов Крайнего Севера (КМНС) основную массу населения составляют ненцы (7754 чел., что составляет 14% всего населения). По сравнению с 1989 годом, в пять раз увеличилось количество эвенков — их насчитывается теперь 136 чел.; появились негидальцы и долганы (по одному человеку), чуть больше стало кетов (6 чел.) и нивхов (2 чел.), не изменилось количество хантов (5 чел.), вы-

были из округа манси, ительмены, эвены, коряки, селькупы и эскимосы.

Сравнительный анализ данных переписи населения 1959 г., 1970 г., 1971 г., 1989 г. и 2002 г. говорит о том, что в Ненецком автономном округе количество ненцев, которые считают родным язык своей национальности, постепенно уменьшается.

Национальный состав населения

	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.
Всего ненцев (чел.)	4957	5851	6031	6423	7754
Владеет ненецким языком (чел.)	3174	3525	3260	2875	2509
В % ко всему кол-ву	64%	60%	54%	44%	32,4%

Напрашивается вывод, что необходимо менять методологический подход к изучению ненецкого языка.

Вспоминается высказывание Г.Н. Прокофьева «Все языки, в том числе и литературные, находятся в постоянном движении: изменяется строй языка (форма слов и словосочетаний), изменяется звуковой состав его, изменяется лексический запас его, смещаются значения слов и т.п. В каждом языке (в том числе и в каждом литературном языке) имеется множество вариантов слов и словесных оборотов, служащих для выражения одних и тех же мыслей» («Родной язык в национальной школе», с. 10).

С учетом современным условий в 1989 г. обновился методический аппарат букваря, упрощены тексты, букварь был приспособлен для детей, слабо владеющих ненецким языком, тогда как букварь А.И. Рожина был составлен для обучения родной

грамоте детей, свободно владеющих родным языком.

Наряду с методистами кабинета родного языка, истории, культуры и этнографии Ненецкого окружного института переподготовки и повышения квалификации (НОИППК) новый подход к обучению ненецкому языку осуществляли и мы, работники ОГУ «Этнокультурный центр Ненецкого автономного округа» — реализуя свой проект «Эколингва ‘Вада – Слово’». В данный проект включены разделы: этнолингвистика и культура народов Севера, в который входит и примерная сквозная тематика устного курса ненецкого языка «Инзеледм – лаханадм» (Слушаю и говорю), где даны образцы монолога, диалога и полилога на большеземельском, малоземельском и канинском говорах. Позднее часть диктофонного материала передана методистам НОИППК для составления учебного пособия по звуковой культуре речи (дивидиверсия).

Реализации проекта освещалась в СМИ, была организована многонациональная группа, совершенно не владеющая ненецким языком. Обучение ненецкому языку начали со знакомства с буквами, которые обозначают определенные звуки ненецкой речи, сопоставляли со звуками русского языка и завершили курс конструированием предложений для монолога, диалога и полилога.

Изучая ненецкий язык, одновременно находили сходные слова, сравнивали материальную культуру родственных народов: энцев, нганасан, селькупов, а затем ханты, манси, саамов, финнов и делали вывод, что с первыми мы относимся к одной языковой (самодийской) группе, а со вторыми – составляем одну языковую (уральскую) семью. Без внимания не осталась материальная культура других народов. В этом разобраться нам помогла серия книг энциклопедии школьника «Арктика – мой

дом», журнал «Северные просторы» и альманах «Мир коренных народов. Живая Арктика».

Ученики группы тут же попросили перейти к письму. Для изображения гласных звуков различной длительности (долготы) мы использовали надстрочные знаки «Ненецко-русского словаря», составленного Н.М. Терещенко, сравнивали изображение гортанных смычных и *ң* в книгах разных лет издания.

Наталья Митрофановна намного раньше предвидела нашу современную ситуацию, наши современные проблемы и обратилась с инновационным в то время предложением по совершенствованию алфавита, графики и орфографии ненецкого языка. На эту же тему я разговаривала с нашим поэтом Василием Ледковым, который согласился с моим подходом к ненецкой письменной речи. Мои взгляды на эти проблемы представлены в заметках, которые я писала в нашу окружную газету «Няръяна вындер». Видимо, читатели страницы «Ялумд» этой газеты соглашались со способами предлагаемого письма.

С вековым развитием общества меняется и практическая графика, и грамматика. Проанализировав учебные пособия разных авторов разных времен, можно сказать, что со временем в письменной ненецкой речи происходят изменения. Так, М.Александр Кастрен в своей грамматике 1854 г. при склонении имени существительного дает гортанный смычный только в родительном падеже. Например, на с. 125 при склонении слова *варңа*. В «Самоучителе ненецкого языка» (М.Л., 1936 г.) Г.Н. Прокофьева, как и у М.А. Кастрена, падежные формы, кроме родительного падежа, даются без гортанного смычного. Например, в предложении *Нопой хабтм ядам*. (урок 11), слова *мядм*, *вадм* (урок 24) и сводная таблица (§19, урок 6) даются без гортанного смычного. То же самое можно видеть в учебнике

Н.М. Терещенко «Очерки грамматики ненецкого языка» (1947г.). Например, на с. 137 в конструкции *Сидя һацекеы хэван ядальюв'* (Я направился в сторону двоих детей) существительное в дательном-направительном падеже дано без гортанного смычного, как и в таблице русско-ненецкого словаря А.П. Пырерки, Н.М. Терещенко и словаря Л.В. Хомич.

Гортанный смычный как показатель винительного и дательного-направительного падежа я заметила в учебном пособии «В помощь самостоятельно изучающим ненецкий язык» (учпедгиз, 1959 г.) Н.М. Терещенко, с. 59.

На наш взгляд в примере конструкции на с. 120 пособия «В помощь самостоятельно изучающим ненецкий язык» Н.М. Терещенко существительное *тёня* может быть не только дополнением (с гортанным смычным), но и определением (без гортанного смычного). *Вэсако тёня' тэвам' манэ''а.* (Старик увидел хвост лисы.) *Вэсако тёня тэва' манэ''а.* Старик увидел лисий хвост.

В теме «Имя числительное» конструкции с числительным и именем существительным в именительном падеже дают только три автора: Г.Н. Прокофьев *Самляһе хасава то.* 'Пять мужчин пришли' (урок 11). *Яха вархана си''ив харад тая.* 'На берегу реки имеется семь изб.', Н.М. Терещенко *Сидяхава яля мале ваера* (с. 72), А.В. Алмазова *Мат'' харад таяна һа* 'Шесть домов там находится' (с. 26); *Си''ив һацекеы сехэрэвна хая* 'Семь учеников по дороге ушли' (в примерах 6,7 на стр. 44 учебного пособия «Самоучитель ненецкого языка», 1961 г.). В учебных пособиях остальных авторов такие примеры отсутствуют, даже в последнем издании учебника «Ненецкий язык» (1985 г.).

Чрезвычайно интересно предложение Натальи Митрофановны Терещенко в письме – обращении от 4 декабря 1979 года, направленном в три ненецких округа и ответ Ненецкого окружного отдела народного образования (г. Нарьян-Мар) от 27 декабря 1979 года (в устном выступлении будут представлены текст письма Н.М. Терещенко и ответ на него).

Учителя всегда были настроены консервативно и при знакомстве с предложениями Натальи Митрофановны, и при знакомстве с рукописью ненецкого букваря (знаю это как один из авторов). В настоящее время мы как раз столкнулись с трудностями, от которых Н.М. Терещенко хотела нас предостеречь. Ведь современному человеку намного легче запомнить фразу *Малё"ян' юр" няхарью" тет хибяри то.* (дословно На собрание пришли сто тридцать четыре человека), чем фразу *Малё"ян' юр" няхар" ю" тет хибяри то.* (дословно На собрание пришли сто три десять четыре человека). И никто не будет спорить, какое предложение точно выражает мысль «Мои двойняшки желают петь»: *Сидя якаков хыно"ман харва* или *Сидя якаков хыно"ман харваҏаха'.*

Если в учебном пособии появятся предлагаемые Натальей Митрофановной Терещенко надстрочные знаки и новые упрощенные правила правописания, составленные современными учеными – самодистами, то это будет одним из инновационных подходов к преподаванию ненецкого языка и облегчит усвоение ненецкого языка обучающим и обучаемым.

Литература и документы

- Алмазова А.В. Самоучитель ненецкого языка. Л., 1961.
Кастрен М.А. Грамматика. СПб, 1854 (копия: Гронинген, 1966).

- Куприянова З.Н., Хомич Л.В., Щербакова А.М. Ненецкий язык. Л., 1961.
- Куприянова З.Н., Бармич М.Я., Хомич Л.В. Ненецкий язык. Л., 1985.
- Ответ Ненецкого окрону Главному управлению школ, члену коллегии Министерства образования РСФСР от 24 декабря 1979 г.
- Прокофьев Г.Н. Самоучитель ненэцкого языка. М.Л., 1936 (копия).
- Пырерка А.П., Терещенко Н.М. Русско-ненецкий словарь. М., 1948.
- Терещенко Н.М. Очерк грамматики ненецкого языка. Л., 1947.
- Терещенко Н.М. В помощь самостоятельно изучающим ненецкий язык (опыт сопоставительной грамматики ненецкого и русского языков). Л., 1959.
- Терещенко Н.М. Ненецко-русский словарь. М., 1965.
- Терещенко Н.М. Предложения по усовершенствованию алфавита, графики, орфографии ненецкого языка. Копия запроса Министерства образования РСФСР от 4 декабря 1979 г.
- Хомич Л.В. Ненецко-русский словарь. Л., 1954.

II. ЛИНГВИСТИКА

А.В. Байдак, Н.П. Максимова
Томский политехнический университет,

СПОСОБЫ КАТЕГОРИЗАЦИИ КОНЦЕПТА СМЕРТЬ В СЕЛЬКУПСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Данная статья является частью исследования концепта *смерть* в селькупской языковой картине мира и включает в себя анализ сочетаемости и контекстуальный анализ лексемы — *qigu* ‘умереть’, являющейся базовым языковым репрезентантом данного концепта. Мы придерживаемся точки зрения, на основании которой методика исследования структуры концепта включает в себя анализ сочетаемости (Стернин 2001: 62), а также контекстуальный анализ лексем, объективирующих концепт в языке. Сочетаемость и контекст позволяют, по нашему мнению, выявить способы категоризации концептуализируемого явления.

Базовым языковым репрезентантом концепта *смерть* в селькупском языке является лексема *-qigu*, выполняющая роль смыслового центра концепта. Данная лексема и ее фонетические варианты зафиксированы во всех диалектах селькупского языка. Этимологически данная лексема связана с прасамодийской основой **kãð*, так как селькупские данные сопоставимы с данными других самодийских языков (Janhunen 1977: 56–57). Прослеживаются также корреляции с языками финно-угорской группы, ср. ‘умирать’: ф. *kuole-*, эс. *koole-*, мр. *kole-*, у. *kul-*, к. *kul-*, х. *kãla-*, мс. *χol-*, в. *hal* (ОФУЯ 1974: 407).

Кроме основного значения ‘умереть’, как в южных диалектах селькупского языка, так и на севере слово *-qugi* в сочетании с дополнительными компонентами получает новые значения:

1) ТазО *apsqo (apsjtqo) quntyqo* ‘голодать (букв: за еду умирать)’:

ТазЕ *ket kunti nä l qorqi apsjtqo quna* ‘за зиму медведица изголодалась (букв: за еду умирала) (während des Winters magerte die Baerin ab); ТазО *äsäny qulä pülä man apsqo qumpak* ‘После того, как мой отец умер (букв: моего отца умерши), я голодаю (букв: за еду умираю)’; Ив. *pönege aßgalik qumba* ‘разбойник от голода (букв: без еды) умер’;

2) ТазО *ützy quqo* ‘утонуть (букв.: в воду умереть)’: ТазЕ *qumōqi ütti qunaqi* ‘двое мужчин утонули (букв: умерли в воду)’ (die zwei Männer ertranken); М. *ütti qupil qum* ‘утопленник’ (букв: в воду умерший человек) (ins Wasser gestorbener Mensch);

3) погибнуть: ДС (кет.) *man қумпан мӯдэған* ‘он погиб на войне’; Зуб. *mudandit kott'i qum qumbind* ‘на войне (букв: из-за войны) многие люди умерли’.

Контекстуальный анализ, а также материалы словарей позволяют выявить слова, родственные базовому языковому репрезентанту концепта *смерть*: ТазО *quntyptä* ‘умирание’; *äsyli quptäqyt qaj topsyту ?* ‘Ваш отец, когда умирал, (букв: в умирании) что сказал?’; ДС (тур.) *кукулансә* ‘умирание’; ТазО *qurta* ‘смерть’; ДС (тур.) *кульчинтә* ‘смерть’; ДС (тур.) *қукмы* ‘смерть’; ТазО *qurəmtуqo* ‘искалечить’; ДС (об. с.) *құғунтэгу* ‘умертвить, убить’; ДС (об. с., ш.) *қуби* ‘мертвый’; ДС (об. ч., вас., тым.) *қубыл* ‘мертвый’; ДС (об.ш.) *қубә қум* ‘мертвый че-

ловек, покойник'; ТымУ *kumba* 'покойник'; М. *qukjñčijil'* 'бессмертный'; С-Л. *kuubel-qum ille meeptéägan tyusaŋ* 'я пришел с могилы' (ich kam vom Begräbnis des Verstorbenen).

Субъектно-предикативные, атрибутивные словосочетания конструкции, одним из компонентов которых является базовая языковая репрезентация концепта *смерть* -*qigu* 'умереть' и родственные ей лексемы, характеризуют смерть с точки зрения ее принадлежности кому-либо.

Субъектами смерти в селькупском языке являются люди и животные. При этом термин *suirip* 'животное' в селькупском языке шире, чем в русском: *surip* по селькупски и зверь, и птица, и даже рыба, ср. *timpjijil' surip* 'птица' (букв: летающий зверь). По мнению А.А. Ким в данном случае селькупский язык отражает древнее, прасамодийское состояние, где лексема **sārmā* могла обозначать и животных и птиц (Janhunen 1977: 136, Ким 1999: 182).

Примеры: Вольд. *aḏaute kūya* 'отец умер'; ДС (об. с.) *пэ́кке тав пилеказэ́н а́мдыле қалыу, пизы́ле-пизы́ле, кыргат пассэ́у, пэ́кке қуан* 'рябчик на этой стороне сидеть остался, хохотал-хохотал, пузырь-его лопнул, рябчик умер'; Нельм. *na qut, iral qula kumbadit* 'те люди, древние люди умерли' *ukkjir nelgunnan beś čarželat qumbadit* 'у одной женщины все родные умерли'; Зуб. *kuľeβle, tep kβedissət šid imd* 'умерев, он оставил два сына'; Нельм. *il audi qumbay* 'родители умерли'; ДС (тур.) *кульчимпыль ämä* 'мертвый олень'; (об.ш.) *куби қвэл* 'мертвая рыба'; Нельм. *čwečon ketkaut, šepka quľčka* 'Об землю ударяем, бурундук умрет'; Ив. *manan kušaj ort eza mat barg arap kettap, tep qumba* 'изо всех сил медведя ударил, он сдох'; ТазЕ *man pos soma kanaanij qusa* 'моя лучшая собака

сдохла' (mein bester Hund kam um); *torńak qussa* 'телята сдохли' (Renkälber kamen um).

Данные селькупского языка подтверждают, таким образом, философское толкование смерти. Смерть присуща «лишь организмам, размножающимся исключительно половым путем, т.е. высокоорганизованным живым существам» (КФЭ 1994: 419). В лексикографических источниках отмечается тенденция разделения смерти человека и смерти животного или растения: человек как высшее существо, имеющее душу, способную воскреснуть, противопоставляется низшим существам (животным и растениям), лишенным души, и, следовательно, не имеющим возможности жить вечно, ср. со словарем В.И. Даля: «Смерть человека, конец плотской жизни, воскресенье, переход к вечной, духовной жизни. Смерть животного, конец бытия его, или возвращение жизненных сил его в общий источник, и разложение плоти. Смерть растения, то же, отделение от него растительной силы, или поступление его во власть законов неживой природы» (Даль 2003: 153).

В архаичной картине мира селькупов человек не противопоставлялся животному миру. Родовые животные и птицы считались предками человека. Еще в начале 20-го столетия селькупы без труда определяли свою принадлежность к тому или иному роду, названному по имени животного. На уровне языка взаимосвязь человека с животными проявляется непосредственно в их номинации: использование терминов родства для наименований тотемных животных широко распространено у народов Сибири, в том числе у селькупов. Для наименования медведя используются такие слова, как брат, сестра, старик, жена и т.д., ср. Келл. *il'ča*; Ласк. *il'dakoti*; УО *il'dika* 'дед, дедушка'; Ив. *warg ara* 'большой старик'; Вольд. *man mydamy* 'мой

младший брат’; Ласк. *mjd'ara* ‘младший братишка-старик’. В селькупском языке отмечены также топонимы, имена собственные, обозначения родовых группировок с компонентом *-qorgy* ‘медведь’, ср. *quorgaj ky* ‘медвежья река’ (название Кети жителями п. Маковское); *qorgyt soq* ‘медвежий мыс’ (название п. Каргасок) и пр. (Ким 1999: 190–196). Генетическая связь человека с медведем прослеживается и при анализе фольклорных материалов (Ураев 1994: 84, Ким 1997: 144–147). Номинация орла в селькупском также связана с терминами родства, ср. обращения к орлу *tim'namy* ‘букв: брат мой’, *mykamy* ‘младший брат мой’ (Прокофьева 1952: 97).

Селькупская мифология как северного, так и южного ареала изобилует метаморфозами ‘человек – животное’ (см. об этом также МС, 2004: 94–95). В тексте, записанном М. А. Кастреном на Кети герой сказки *mādur šī* –богатырь, способный превращаться в соболя (Кастрен 1860: 299–301). *pjka ī* ‘бык-сын’–герой сказки, записанной в Нельмаче (МС, 2004: 254). Часто в сюжетах сказок метаморфозы происходят через надевание/ снятие шкуры животного, например, в сказке нарымских селькупов *nēge kut tarēdyk azymba* ‘Рябчик становится человеком’ (СНС 1996: 51–59, 139–153). Не менее редкими являются метаморфозы ‘человек–птица’. В сказках из архива Л.А. Варковицкой человек из рода Орла превращается в орла, богатырь из рода Кедровки становится кедровкой, третий богатырь превращается в глухаря. В ворону превращаются злые люди, а также ведьмы и черты (МС, 2004: 263–264; 148). В сказке, записанной Г.Н. Прокофьевым в североселькупском диалектном ареале, шаман Ёмпа превращается то в горностаю, то в белку (Прокофьев 1935: 108). В сказке нарымских селькупов *čion nē* ‘Дочь Земли’ девушка превратилась в птичку, прикоснувшись к

драгоценным камням (СНС 1996: 102, 173); в этой же сказке дочь Солнца превращается в лебедя (СНС 1996: 105, 175).

Превращения в рыбу характерны для сюжетов северного ареала: черти могут превращаться в налима, шаман оборачивается щукой (МС, 2004: 223, 241). Превращения животного в человека также характерны для сюжетов селькупских сказок. В сказке *темня и нення* 'Брат и сестра', записанной в Нельмаче встречаются сразу три таких метаморфозы: лягушка превращается в красивую девушку, медвежата, ударившись об землю, превращаются в ребят, медведица – в женщину (СНС 1996: 116–118, 183–184).

Отождествление человека с животным миром выражается на уровне языка в использовании одного и того же глагола в значении 'умереть' как по отношению к людям, так и по отношению к животным. Для сравнения в русском языке о скотине говорят, что она пала, о собаке, что она околела или издохла (сдохла), глагол «сдохнуть» употребляется и по отношению к некоторым другим домашним животным.

Для селькупской картины мира характерно восприятие смерти как исчезновения. Актуализация семы исчезновения особенно четко прослеживается в контексте «умер=исчез, и вследствие этого стал невидимым». В публикуемом ниже тексте №2 мальчик, замерзший в лесу, становится абсолютно невидимым для живых людей, при этом его чует собака. Отождествление смерти с исчезновением прослеживается на материале многих древних языков, ср.: др.-инд. *ñasūyati* 'умирает, исчезает'; авест. *nasueiti* 'исчезает, умирает'; тох. *nāk-* 'исчезать, погибать' (Гамкрелидзе, Иванов 1984: 822).

В ходе развития концепта смерть в картине мира селькупов происходят изменения, связанные с реальными историче-

скими условиями существования людей, социальной организацией, характерной для определенного этапа общественного развития. Для современного концепта характерно восприятие смерти как потери, утраты, причем потери близкого человека. На языковом уровне это выражается в многочисленных примерах глагольно-именных словосочетаний, объединенных общей моделью: глагол *qigu* + имя, обозначающее термин родства, ср.: Вольд. *üčedekikannan ađad, ambad qumbaŷ* ‘у мальчика отец, мать умерли (двое); Нельм. *ažam qōda, qumba* ‘отец-мой болел, умер’; *il audi qumbaŷ* ‘родители умерли’; ЮШ *ewit qüdemba, qumba, šidj nedj qalimbady* ‘мать болела, умерла, две дочери остались’; Вольд. *naññanan eradj kumbjya, tabjyn ned kumba* ‘У сестры муж (ее) умер, ее дочь умерла’.

Трагическое восприятие смерти реализуется через употребление сочетаний с глаголом *turygu* ‘плакать’, например: УО *na matqjn nejekunnan gore: tepannan irrat kuanə. tēp turaŷ* ‘В доме этой женщины горе: у нее муж умер. Она плачет’; *menaŷ eβem kus, man βeś pit turasan* ‘У меня умерла мать, я проплакала всю ночь’; Вольд. *ambam kumba, man ambanyko čuriŷak* ‘Моя мать умерла, я по матери плакала’.

Анализ контекста и сочетаемости лексемы *qigu* позволяет выявить причины, по которым может наступить смерть. Причины смерти в архаичной картине мира селькупов исследовала А.И. Кузнецова (Кузнецова 1998: 232–237). Самым древним объяснением смерти или болезни, по ее мнению, следует считать вхождение в тело человека злого духа *lōsji*, насланного как правило, злым божеством *kizji*, обитающим под землей. Другой причиной смерти человека является похищение его души лозом или умершим родственником, другом, а также врагом. По древ-

ним представлениям селькупов, душа, вероятно, локализуется во внутренностях человека. На этом представлении основаны фольклорные сюжеты, повествующие о том, что смерть наступает от того, что черт (великан-людоед *p̄ñnegusse*) съедает живот человека, при этом «развешивает по деревьям кишки» (Ким 1997: 176). Для современного концепта эти причины болезней и смерти перестали быть актуальными, всерьез в настоящее время селькупам признаются такие причины, как нарушение запретов, порча, сглаз. Многие запреты описываются в текстах. Например, в тексте, записанном Н.П. Максимовой от Д.Н. Чининой в п. Каргасок в 1983г., нарушение запрета вырубать лес на шаманском мысе и строить там дома, приводит к смерти людей, гибели коров и коней (опубликован: Ким 1997: 178). Опасно задеть покойника, нарушить завещание умирающего (архив Варковицкой, цитировано по: Кузнецова 1998: 236). В текстах, записанных в прошлом столетии выявляются следующие причины, по которым по представлениям селькупов может наступить смерть:

1) от удара молнии (букв: удар стрелы молнии бога): Вольд. *minan kraqyt aya uruk kondakkyt nagur nedep kannop kβatpat. matty aya t'abymba, nedelikat kumbadyt* 'У нас в Каргаске недавно трех девушек молния убила. Дом не сгорел, девушки умерли;

2) от укола, причем в качестве орудия убийства могут быть различные предметы: сверло, нож, пика и даже корешок травы, например: ТазО *nunu innäny illä coqqoñyty täqäsä. ukkыр contōqyt imaqota coqqolñyty i qattēty* 'Потом сверху вниз тычет пикой. Наконец старуху ткнул и убил'; *pāñysä kuty kos pärqylpaty, imal qumpa* 'Ножом кто-то ее заколол, твоя жена умерла'; *illä cam ñyty – timñal'aty qumpa. pursä töttēlä qumpa*

‘Сняла (сумку) – а ее братишка умер. Сверлом уколвшись умер’; *īḡyṭy nūtyt kontyp, nātāḡkap qōt šīmyn pārqylṇyṭy i qāṇnyṭy illä* ‘Взяла корешок травы, Нэтэнку через ухо проколола и убила’. В фольклоре северных селькупов уши, вероятно, являются жизненно важным органом. В другом контексте отец, желая наказать дочь, отрезает ей уши и оставляет ее умирать: *TasO kārtylä ira qāḡgolamnyṭy, mōṭty tō tilyṇnyṭy. nāl’anty qōp tō mattēḡnyṭy. ... nātāk heññymǎny: «tē mašip tō šip cattysōlyt mōt koptōt qyḡynō»* ‘Откочевывая, старик собрался уезжать, чум снял. Своей дочери уши отрезал... Девушка рассердилась: «Вы меня бросили на чумовище умирать»’.

3) Причиной смерти может стать отравление: Нельм. *ñim-bika matty tömba, qaıda ödembad, ambad i qumba* ‘Бабушка домой пришла, что-то выпила, съела и умерла’;

4) Человек может умереть в результате нападения на него дикого зверя, например медведя: Вольд. *ḡurup tabim oralbad, na nelgip i malnežambad, pužoyol otomde βes ambad, kademde, šydemde ambad, βađemde ambad* ‘Медведь ее схватил эту женщину и разорвал, все внутренности съел, кишки, сердце съел, мясо съел’;

5) Смерть может наступить и от сильного испуга: Вольд. *ara kašβatpa i qumba* ‘старик испугался и умер’; *amba kol’dimbad, kašβatpa, oñže al’imba i qumba* ‘Мать посмотрела (на голову Поры), испугалась, сама упала и умерла’;

6) Частой причиной смерти является голод: Ласк. *tab aβ-galk qušpa* ‘Он умирает с голоду’;

7) частные примеры свидетельствуют о естественной или физиологической смерти человека, наступающей в результате старения организма. В таких случаях часто используются глаго-

лы *pajambigu /arambygu* со значением ‘состариться’. При этом существуют гендерные различия в употреблении данных глаголов: *pajambigu* используется по отношению к женщине, *arambygu* — по отношению к мужчине. Например: Нельм. *aβem čenča : ček qula, pajambak* ‘Мать говорит: «Скоро умру, состарилась»’; Вольд. *man arambak* ‘я состарился’. Представление о смерти, как о естественном явлении характерно только для современного концепта.

В отличие от людей, смерть нечистой силы (чертей, ведьм) наступает исключительно от огня. В рассказе о том, как мужик черта одолел, записанном от Чининой Д.Н. из п. Вольджа «семь мужиков пробовали одолеть черта силой...*na teβilqur teβer čadedjmbad, loγop teβeγe tüγe čadjmdad. loγo qumba, tü ambad* ‘Тот мужик бересту поджег, черта берестой огнем сжег. Черт умер, огонь съел’.

Для человеческого сознания смерть всегда вторична, но при этом неизбежна и поэтому в той или иной степени трагична, что на языковом уровне приводит к установке на эвфемистичность самих номинаций умирания. Смерть часто бывает табуирована для открытого называния, ср. в русском языке: *пребывать на небесах, вечный сон, сыграть в ящик*. В селькупском языке отдельные языковые примеры демонстрируют выражение концептуального смысла «смерть= сон»: Ласк. *kužat onž hakut pajamdə šjdiγu, tab a qil’ža* ‘Когда он попробовал разбудить свою жену, она не проснулась, (=она умерла)’. В подобных примерах с одной стороны обнаруживается табуированность смерти, с другой стороны—сравнение смерти со сном: сон, как и смерть, представляет собой переход в иное состояние, но, в отличие от смерти этот переход временный.

В фольклорных материалах наблюдается стирание границы между сном и смертью: здесь, смерть, как и сон, может быть временной. Например, в сказке «Пять карповых братьев», записанной Н.М. Воеводиной в 1971г. от К.Н. Кондуковой из Усть-Озерного старик отрезал своей старухе голову, «...умершая было старуха встала, зевает: «Я долго спала»...» (опубликовано: Беккер 1978: 194). Это подтверждается и этнографическими данными. По древним представлениям селькупов смерть может носить временный характер и покойник может быть оживлен в том случае, если труп его находят на вершине лиственницы, считавшейся деревом жизни. Если же труп захоронен на кедре – дереве, традиционно связанным с миром мертвых, то смерть унесла человека безвозвратно (Прокофьева 1976: 115).

Представление о смерти как об уходе, является, вероятно, всеобщим, При персонификации смерть в разных культурах регулярно представляется как возница, кучер, шофер. Подобные персонификации предопределены устойчивостью общей метафоры *Death is departure* (смерть – это уход) (Lakoff , Turner 1989), которая «работает» и на материале селькупского языка. Представление о смерти как об уходе реализуется в следующих примерах: Карг. *ad'ad tabjnnan menergu kβjɪnba i ugulʒe aya tōmba, ukkɪrɪk kβjɪnba* ‘Отец у него охотиться ушел и домой не вернулся, навсегда ушел’; Вольд. *ad'ade mad'onde kβjɪnba, mad'oute čβesse ugulʒe aya tōmba. ad'ukade tabɪp onʒe pɪreɣende imbad* ‘Отец в лес ушел, из леса обратно домой не вернулся. Бабушка его (Итю) к себе взяла’; Вольд. *kudə ütte kombɪl , kudə olga kujem kβjɪnba i qumba* ‘Кто в воде утонул (букв.: умер), кто так куда-нибудь ушел и умер’. Такого рода перифрастические описания, практически не нуждаются в реконструкции. В них акцент с процесса умирания переносится на посмертное сущест-

вание (видимо души умершего). Сам факт наличия данных выражений предполагает существование в коллективном сознании говорящих пространства иного мира, куда после смерти отправляются умершие. Не всегда в описании иного мира просматривается четкая пространственная локализация (МС, 2004: 75). По нашим материалам местом локализации мира мертвых у селькупов, являлись лес и река.

Ярким свидетельством того, что души умерших людей живут в лесу, является текст №1, публикуемый ниже. По данным селькупской мифологии в леших (*mačjil' qip*) превращаются души людей, умерших неестественной смертью (МС, 2004: 197). Вероятно существенные признаки общества, связанные с тем или иным видом хозяйственной деятельности (в данном случае занятия преимущественно охотой и рыболовством) переносятся и в мир мертвых. Для сравнения индоевропейцы представляли загробный мир в виде пастбища, на котором паслись души умерших людей и принесенных в жертву животных. Такие представления обусловлены характером скотоводческого общества. (Гамкрелидзе, Иванов 1984: 823). По свидетельству одного из тымских селькупов, с которым удалось поговорить в начале XX столетия К. Доннеру, загробный мир предстает в виде «...черной реки, в которой множество людей пытается выбраться из черной воды. Некоторые из них погружались все глубже. Другие карабкались вверх по скользкому склону, держась за него окровавленными руками, но снова падали в воду. Из реки торчала огромная до неба жердь, многие люди пытались забраться по ней наверх. Вокруг них порхали какие-то большие птицы, отпугивающие людей. Там были также люди, которые ловили рыбу и не пытались сбежать, казалось, им неплохо живется на песчаных отмелях. В лесах за рекой охотились люди,

словно это было на земле. Многие были здесь со своими семьями, другие ждали своих жен и детей» (Доннер 2008: 69–70).

Часто глагол *qigu* встречается в предложениях в сочетании с обстоятельством времени или в, например: ТазО *mat täly qaryt quntak* ‘Я завтра утром умру’; УО *pondan man eβem qusan* ‘В прошлом году моя мама умерла’.

В селькупско-русском диалектном словаре зафиксированы другие непереходные глаголы в значении «скончаться=умереть=исчезнуть» ДС (об.ч) *шэжяугу*; ДС (вас.) *шэдявыгу*; ДС (об.ш) *шэдялгу*. Приведем примеры их употребления в предложениях: Ласк. *mat eβem ponde pod šižauha* ‘Моя мать в прошлом году умерла’; *kužañ meka šädə pod eγa, man äm šižauh* ‘Когда мне было два года, мой отец умер’; Вольд. *ambam kand'eimba, uruk ködelba, šed'aβimba* ‘Моя мать простыла, тяжело заболела, умерла’. Анализ языкового материала показал, что сфера употребления данных глаголов шире, чем у глагола *qigu*, который может употребляться, только по отношению к конкретным одушевленным денотатам (людям и животным), в то время как ДС (об.ш) *шэдялгу* (и его варианты) может сочетаться не только с одушевленными, но и с неодушевленными конкретными и абстрактными именами, например: Вольд. *ařamıdjı šünumba* ‘Еда кончилась’; Нельм. *mi elfanmyt šunžešpadyt* ‘Наши жизни кончились’; Вольд. *nidi kade naj šund'eγa* ‘Так зима кончилась’. В таких случаях значение данного глагола эквивалентно русским непереходным глаголам «кончиться» и «израсходоваться». Контекстуальная синонимия глаголов *qigu* и *šed'algu* (основное значение ‘кончиться’) свидетельствует о восприятии смерти как исчерпанности и завершенности. В тазовском диалекте также

зафиксирован глагол ТазЕ *sühčiqo*, но он не встретился нам в значении ‘умереть’. Сфера его употребления в тазовском диалекте, вероятно, ограничена значением ‘кончиться’, ‘израсходоваться’. Возможно, значение ‘умереть’ у данного глагола в южных диалектах возникло по аналогии с русским языком.

Анализ синтагматических связей ключевого слова-репрезентанта концепта ‘смерть’ позволяет сделать некоторые выводы, порой противоречивые, относительно способов категоризации данного явления. Субъектами смерти в селькупской языковой картине мира являются люди и животные. Отождествление человека с животным миром выражается на уровне языка в использовании одного и того же глагола *qugi* в значении ‘умереть’ как по отношению к людям, так и по отношению к животным. Смерть по представлениям селькупов может носить временный характер, и тогда она отождествляется со сном. Смерть – это уход в иной мир, не всегда имеющий четкую пространственную локализацию. В ином мире люди (или души людей) продолжают свое существование, как в реальном мире, но становятся невидимыми для людей, живущих в реальном мире. Для современного концепта характерно восприятие смерти как потери, утраты.

Текст № 1
mađet kut

Записан Максимовой Н.П. от Чининой Д.Н.
в п. Каргасок 1983 г.,
ПМ Максимовой Н.П.

1) *nıdık qun ejadıť, tabın mattı ßargymbadyt, mi tabdyp aya konžernaut.* 2) *na aya qut, na kubyl kudyť elledıť ellelımbadyt naŕeyıt.* 3) *kudy ütte kombıl, kudi mađoyıt kannımba, kudi olga kujem kßınba i kumba.* 4) *tabıdıť el mađet kutko eđembadıť.* 5) *ßargıdıł qut tabıdıñ komdep pengadıť, pot könde pellade, molaude lypkar harellade.* 6) *ugon ir eyadyť made pužoyıt tobyul porelikat.* 7) *menertıl qup mađoyıt astep, peqqar kßatku çežalguk, nadə kßallede peqqar qajl'emil peqqal'ikap kßallede, kobımde tak kerelde, čagırel'de porelikamde adald'e.* 8) *mađet qup našşaqıt tabın ežılla : “kušşak tat kıgand, našşak kßadešpet!”.* 9) *tab koček peqqar kßadešpad, kušşak kıga.* 10) *mađet nelqup tabın mešpat.* 11) *tab nıdık tabın mel'de, na tebelqup našşakıt tabın nadırıld'e, tabın ukkıřık mađonde ñekkelešpat.* 12) *mađet tebelqut čumil nelqude elladıť, kužakkıt tab mađonde kßenguk na nelqup, tab tärba qajl'emıl ƒa hurup kßatku, tab uż na nelqut tanep tanut.* 13) *tabın moyout koja, üdet nelqup koreyend töla, a tab naj töla ñańneyıt, nińga, tabın čenča : “mat tekka töllak”.* 14) *tab čenča : “tat kudont ?”.* 15) – *man mađet tebelqußok.* 16) – *man larımbak, tan mekka igı töješ !* 17) – *tan igı larımbes, mat tekka ƒa meryul hurudım mellage.* 18) *ç töješ !* 19) *tab ella tabıhe, tabeyınnan elmatte ekkuk ; mađet tebelqup elmannımdə ugulže onže pıreyend ikkud.* 20) *elmatte mađet qut kojed'ellade, tabdıp kudınnaj aya konžırnadıt, tabıt mižnıt konžırnadıt.* 21)

*kužaqt tabeyınnan elmatte edellade, naşşakıt na nelqur uruı
mađoyonde kıgak kβengu elmatte konžergendıgu.*

Лесные люди

1) Такие люди есть, они в домике живут, мы их не видим. 2) Это не люди, это умерших людей души живут там. 3) Кто в воде утонул, кто в лесу замерз, кто так просто куда-нибудь ушел и умер. 4) Их души лесными (лешими) становятся. 5) Живые люди им деньги кладут, возле деревьев положат, на ветке ленты привяжут. 6) В старину были в лесу на ножках амбарчики. 7) Охотник в лес оленя, лося добывать пойдет, потом добудет лося или плохонького лосяшку убьет, шкуру сдерет, высушит, в амбарчик повесит. 8) Лесной человек тогда ему скажет: «Сколько ты хочешь, столько и добывай!». 9) Он много лосей добудет, сколько захочет. 10) Лесная женщина ему делает так. 11) Она так ему сделает, этот мужчина тогда ее полюбит, его с тех пор в лес тянет (зовет). 12) Лесные мужчины с чумылькупками живут; когда она в лес пойдет эта женщина, она думает какого-нибудь хорошего зверя добыть; он уже этой женщины мысли знает (знает, что она думает). 13) За ее спиной идет вечером, женщина в балаган придет, а он тоже придет впереди (перед домом) стоит, говорит ей: «Я к тебе приду». 14) Она говорит: «Ты кто?». 15) – Я — лесной. 16) – Я тебя боюсь, ты ко мне не ходи! 17) – Ты не бойся, я тебе хороших дорогих зверей. 18) – Приходи! 19) Он живет с ней, у них дети есть; лесной ребенка домой к себе возьмет. 20) Дети лесными людьми станут, их никто не видит, а они нас видят. 21) Когда у них дети появятся, тогда эта женщина часто в лес захочет ходить, чтобы детей видеть.

Текст №2

maðet ara i üčedelika

Записан Максимовой Н.П. от Чининой Д.Н.

в п. Каргасок, 1983г.,

ПМ Максимовой Н.П.

1) *ir ellekumba ßargikumba üčedelika.* 2) *aðad tabjnnan menergu kßjnba i uгул'že ага төмба, ukkijrik kßjnba.* 3) *ambade arijk tebelqun kßjnba.* 4) *egud ага nadjrelljmbad üčedelikap, tab pajayende čenča : " mi tabjр maðoyit kßedellaj".* 5) *ambade čura, tab kakaljmba.* 6) *ukkijr bar egude i ambade üčedelikan naj maðonde kßennjmbadi.* 7) *ambade čuremba i eželba ärayen : "kßedellaj!"* 8) *tabeу maðet karamolikap kombadi, pop pačalbadit, түр čabembadi, tabjн ағамjр kßedjmbadi : " t'ekka maðet ära tölla, tažjнд illa, тül ellega aptedi".* 9) *üčedelika čureljmba.* 10) *tabeу madap pohe čančembadi, onže kßjnbay.* 11) *üčedelika amda, čura, ағамjди šünümba, pode naj čabimbad, тüд elle kapteðemba.* 12) *tab šjди t'el qaimnaj ага ambad, kobond onže piremde tamdjlbad, njdik eppjmba, kandešpelljmba, üндjдid kudi koj töšpa, madan aktj töмба, podjр takkelešpelimbat.* 13) *üčedelika kačeßatpa, tab tañetemba, tabjн korуe töмба.* 14) *madam nökkežemba, üčedelika elle patkjlba, atelžemba.* 15) *tab üндjд'id, kudi koj tabjн čenča : " enne ßažeš !* 16) *tat enekal töya!* 17) *aßjreš!"* 18) *ära tabjн töмба, kobjр enne ßačembad, čenča : "tat kandedemand, mat t'ekka түр čadellage!"* 19) *üčedelika hajomde nömbad, mannjmbad, ärap uruу äramba, onže (čare ek) kojerba eja.* 20) *ara түр čabembad, üčedelikap aßdjmьad, konnjmbay.* 21) *karjт ära čenča : "mat pajayek kßelajhe!".* 22) *nay madelikaute kßinnay, tabeу üдjт tömbay.* 23) *madelika šjди tjдjт ködeуjн amda.* 24) *pajalžika ärayende hoyonža : "tat kudjр*

tadinnand?". 25) – üčedel'ikap tadjyak, tab mi i'ikaβi ella. 26) tab oroβla menerlelilla. 27) künde üčedel'ika tabeyinnan bargimba, bargil oromba. 28) ukkir bar mannimba na tidikkj qailda hurul'ika amda. 29) tidit köyit menertil qup koja, tab kuβan olop üdymbad, hurul'ika elle al'temba. 30) na tebelqup hurul'ikap kožayend penbad, kβinba. 31) üčedel'ika tārba: "qajto na tebelqun miyenit aya šerna?" 32) tab enekayende horonža; enekad tabjn ežalgumba: "mi niđin matkijn bargaut, kudijnaj mižnit aya konžirnad." 33) mi konžirnaβut, a mižnit aya konžirnad. 34) üčede bargi üčedetko oromba, tab menergu kβinba, tabep kβadešpad, šip kβadešpad. 35) tab kigellimba onže edeyende kojagu. 36) tab kombad koče tebelqun amdel'imbadiť kit paroyit, qaip koj aβešpadiť. 37) kužakit üčedel'ika tabđin menerba, kanaktijn mudellemba. 38) na menertil qut tārbadit: "qajnaj t'anguk, kananmun muda". 39) üčedel'ika tabđin tömba, čenča: "toroβa!". 40) tabit qaimnaj aya kadymbadiť, kudijnaj aya konžirnadiť. 41) ukkir tebelqup komde kadoleltembad, qaj koj lanimba. 42) üčedel'ika uruk parčemba: "toroβa!". 43) tebelqut enne βažymbadiť, tabit köyit kojaadiť, üčed'em aya konžirnadiť. 44) üčede tarba: "tabit mažin aya konžirnadiť", niđo kβinba.

Лесной старик и мальчик

1) Давно жил-был мальчик. 2) Отец у него охотиться ушел и домой не вернулся, навсегда ушел. 3) Мать за другого человека вышла замуж. 4) Отчим не полюбил мальчика, он жене говорит: «Давай мы его в лесу оставим!» 5) Мать плачет, она горюет. 6) Однажды отчим с матерью тоже в лес пошли. 7) Мать поплакала и сказала мужу: «Оставим». 8) Они лесную избушку нашли,

огонь развели, ему еды оставили, (сказали): «К тебе лесной дедушка придет, тебя заберет, огонь смотри, чтоб не погас!». 9) Мальчик плачет. 10) Они дверь завалили, сами ушли. 11) Мальчик сидит, плачет, пища кончилась, дрова тоже сгорели, огонь погас. 12) Он два дня ничего не ел, в шкуры сам себя обернул, так лежит, замерзать начал, слышит, (что) кто-то идет, к двери подошел, дрова разбирать начал. 13) Мальчик испугался, он подумал, что к нему медведь пришел. 14) Дверь открывается, мальчик вниз залез, спрятался. 15) Он слышит, кто-то ему говорит: «Вставай! 16) Твой дедушка пришел! 17) Поешь!» 18) Дедушка к нему подошел, шкуру приподнял и говорит: «Ты замерз, я тебе костер разведу!» 19) Мальчик глаза открыл, смотрит – старик очень старый, сам белый, седой весь. 20) Старик огонь разжег, мальчика накормил, спать легли. 21) Утром старик говорит: «К моей старухе пойдём!». 22) Эти (двое) из избушки вышли, они к вечеру пришли. 23) Избушка между двух кедров стоит. 24) Старуха старика спрашивает: «Ты кого привел?». 25) – Мальчика привел, он нам сыном будет. 26) Он вырастет, охотиться будет. 27) Долго мальчик у них жил, взрослым стал. 28) Однажды смотрит на кедре какой-то зверек сидит. 29) Возле кедра охотник ходит, он стрелу пустил, зверек упал. 30) Этот мужчина зверька в сумку положил и ушел. 31) Мальчик думает: «Почему этот человек к нам не зашел?». 32) Он у дедушки спросил; дедушка ему ответил: «Мы в таком доме живем, никто нас не видит». 33) Мы видим, а нас не видят. 34) Мальчик взрослым парнем стал, он охотиться ходит, белок добывает, соболей бьет. 35) Он захотел в свою деревню сходить. 36) Он смотрит: много мужчин сидит на берегу реки, что-то едят. 37) Когда мальчик к ним подошел, собака залаяла. 38) Эти охотники думают: «Никого нет, а собака лает». 39) Мальчик к ним подошел, говорит: «Здравствуйте!». 40) Они ничего не слышат, никого не видят. 41) Один человек ухо почесал, что-то звенит. 42) Мальчик громко закричал: «Здравствуйте!».

43) Мужчины встали, они с ним рядом проходят, мальчика не видят. 44) Мальчик думает: «Они меня не замечают», тогда пошел.

Литература

- Беккер Э.Г. Категория падежа в селькупском языке. Томск: изд-во Томского ун-та, 1978. –206 с.
- Быконя В.В., Кузнецова Н.Г., Максимова Н.П. Селькупско-русский диалектный словарь. Томск: изд-во ТГПУ, 2005. –348 с.
- Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Ч.2. Тбилиси: изд-во Тбилисского ун-та, 1984. –1328 с.
- Доннер К. У самоедов в Сибири./Пер. с нем. А.В. Байдак. Томск: Ветер, 2008. –176 с.
- Кастрен М.А. Путешествие М.Александра Кастрена по Лапландии, северной России и Сибири // Магазин земледения и путешествий. Географический сборник. М., 1860. Т. VI., Ч.2.
- Ким А.А. Очерки по селькупской культовой лексике. Томск: изд-во НТЛ, 1997. –219 с.
- Ким А.А. Селькупская культовая лексика как этнолингвистический источник: проблема реконструкции картины мира. Дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 1999. –356 с.
- Кузнецова А.И., Казакевич О.А., Иоффе Л.Ю., Хелимский Е.А. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Т.2. М.: изд-во МГУ, 1993. –196 с.
- Кузнецова А.И. Древние представления селькупов о болезни, смерти и сне (по материалам шаманских текстов и сказок) // Сибирь в панораме тысячелетий. Материалы международного симпозиума. Новосибирск, изд-во ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. Т.2, с. 231–241.
- КФЭ – Краткая философская энциклопедия. М., Прогресс. – Энциклопедия, 1994. –576 с.

- МС – Тучкова Н.А, Кузнецова А.И, Казакевич О.А., Ким-Малони А. А., Глушков С.В., Байдак А.В. Мифология селькупов. Томск: изд-во Томского ун-та, 2004. –382 с.
- ОФУЯ – Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). М.: Наука, 1974. –483 с.
- Прокофьев Г.Н. Селькупский (остяко-самоедский) язык. Селькупская грамматика. Л.: Институт народов Севера ЦИК СССР, 1935. Ч.1. –131 с.
- Прокофьева Е.Д. К вопросу о социальной организации селькупов (род и фратрия) // Сибирский этнографический сборник. М.Л., 1952. С. 88–107.
- Прокофьева Е.Д. Старые представления селькупов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л., 1976. С. 106–128.
- СНС – Сказки Нарымских селькупов (книга для чтения на селькупском языке с переводами на русский язык). Записи, перевод, комментарии Быконя В.В., Ким А.А., Купер Ш.Ц., Максимова Н.П., Ильяшенко И.А. Томск: изд-во НТЛ, 1996. –191с.
- Стернин И.А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: научное издание. Воронеж, 2001. С. 58–65.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 12 т. Т.11. М.: Мир книги, 2003. –400 с.
- Ураев Р.А. Отчет об этнографическом обследовании тымских селькупов Томским областным краеведческим музеем летом 1956. Домашний архив. –250 с.
- Ураев Р.А. Материалы к шаманизму тымских селькупов (по данным экспедиции 1956 года). Труды ТГОИАМ. Т.VII. Томск: изд-во Томского ун-та, 1994. С. 73–84.
- Castrén M.A., Lehtisalo T. Samojedische Sprachmaterialien. SUS, 122. Helsinki, 1960. –462 S.
- Erdélyi I. Selkupisches Wörterverzeichnis. Tas-Dialekt., Budapest: Akadémia kiady 1969. –315 S.
- Janhunen J. Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki 1977. –185 S.

Lakoff G., Turner M. More than cool reason: a field guide to poetic metaphor. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1989.

Сокращения

ДС – см.: Быконя и др. 2005.

TasE – см.: Erdélyi 1969.

TasO – см.: Кузнецова и др. 1993.

ТыМУ – см.: Ураев 1956.

C–L – см.: Castrén–Lehtisalo 1960.

С.И. Буркова
Институт филологии СО РАН,
г. Новосибирск

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭПИСТЕМИЧЕСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ В ДИАЛЕКТАХ НЕНЕЦКОГО ЯЗЫКА

Ненецкий язык принадлежит к самодийской ветви уральской языковой семьи. Это язык наиболее многочисленной народности из числа самодийцев¹, кроме того, он отличается гораздо лучшей сохранностью по сравнению с другими самодийскими языками². В ненецком языке выделяются два диалекта – тундровый и лесной, наиболее существенные различия между которыми наблюдаются в области фонетики. Однако и в области грамматики и лексики также отмечается ряд расхождений, в том числе и в сфере средств выражения модальной семантики. В частности, в диалектах различаются средства выражения эпистемической модальности, о чем и пойдет речь в докладе.

В целом ненецкий язык располагает достаточно обширным арсеналом лексических и грамматических показателей, служащих для выражения эпистемической модальности – характеристики говорящим описываемой ситуации *P* с точки зрения ее достоверности. При том что полисемия, при которой один и тот же показатель используется и для передачи модальных значений, характеризующих статус *P* по отношению к реальному

¹ По данным переписи 2002 г. численность ненцев составляет 39813 тыс. человек.

² По данным переписи 2002 г. 70.65 % ненцев владеют своим этническим языком.

миру, и для передачи эпистемической модальности, является типологически распространенной, в ненецком языке указанные значения разведены. Эпистемическая и ирреальная модальность кодируются в нем разными средствами.

Так, для выражения значений возможности и необходимости, принадлежащих сфере ирреальной модальности, оба диалекта ненецкого языка используют одни и те же лексические средства. Это зафиксированные в словарях тундрового и лесного диалектов модальные глаголы (т) *тараць/(л)*³ *mālāu* ‘быть нужным, быть необходимым, испытывать потребность в чем-л., ком-л.’, (т) *пиряць/(л)* *nela”u* ‘мочь, уметь, быть возможным’, (т) *я”мась/(л)* *дя”маш* ‘не мочь’, а также, по данным, полученным от информантов тундрового и лесного диалектов, модальные предикаты (т) *сер” Ню”/(л)* *šel Ню”* ‘можно (букв.: дело также)’ и (т) *хивы/(л)* *кивы* ‘нельзя’.

Для выражения эпистемической оценки используются, прежде всего, грамматические средства. Это специализированные показатели наклонений в составе словоформы финитного глагола. Имеются также и вводно-модальные слова с эпистемической семантикой.

Некоторые из грамматических показателей, связанные с выражением оценки говорящим достоверности *P*, подробно рассматривались в работах К. Лабанаускаса на материале тундрового диалекта ненецкого языка (Лабанаускас 1981, 1982; Labanauskas 1992). Однако и на сегодняшний день у исследователей ненецкого языка нет единой точки зрения как по вопросу об общем составе грамматических показателей эпистемической модальности в тундровом диалекте ненецкого языка, так и по

³ Далее: (т) – тундровый диалект, (л) – лесной диалект.

вопросу о структуре, семантике и функционировании отдельных форм. Лесной же диалект в целом изучен в гораздо меньшей степени по сравнению с тундровым, а способы выражения модальности в нем до сих пор вообще не попадали в поле зрения исследователей.

В тундровом диалекте ненецкого языка выделяется от двух (Терещенко 1952, 1965, 1973) до одиннадцати (Salminen 1997) эпистемических наклонений. Такой большой разброс в оценках объясняется, прежде всего, тем, что эпистемическая модальность в ненецком языке тесно связана с семантической зоной эвиденциальности. В свою очередь, эвиденциальность взаимодействует с темпоральными и аспектуальными значениями. Например, присутствие в словоформе финитного глагола некоторых показателей эвиденциальности блокирует употребление граммем времени, т.е. категория времени в ряде случаев оказывается рецессивной по отношению к категории эвиденциальности. На наш взгляд, сложное взаимодействие всех названных категорий, а также отсутствие исследований, в которых средства выражения модальности, эвиденциальности, темпоральности и аспектуальности в ненецком языке рассматривались бы в единой системе, и является причиной различных интерпретаций исследователями как форм, связанных с выражением эпистемической модальности, так и форм, связанных с выражением эвиденциальности.

Проведенное нами исследование позволяет утверждать, что в ненецком языке эвиденциальность и эпистемическая модальность грамматикализваны как самостоятельные глагольные категории, по-разному характеризующие *P*. В системе финитного глагола ненецкого языка наряду со специализированными показателями эпистемической модальности функционируют и

специализированные морфологические показатели эвиденциальности. При этом обнаруживаются функциональное взаимодействие и, отчасти, взаимозависимость названных форм. Так, некоторые эвиденциальные показатели могут употребляться в индикативе или сочетаться с показателями косвенных наклонений, выражающих эпистемическую оценку, другие употребляются только в сочетании с показателями косвенных наклонений. Аналогичным образом среди показателей эпистемических наклонений имеются такие, которые не сочетаются с эвиденциальными формами, а имеются такие, которые требуют обязательного присутствия в словоформе аффикса, указывающего на источник исходной информации, лежащей в основе эпистемической оценки.

В тундровом диалекте ненецкого языка имеется три морфологических показателя, связанных с выражением эпистемической оценки. Два из них, формы *-кы/-кэ*⁴ (пробабилитив или предположительное наклонение) и *-раха/-лаха/-рха/-лха* (аппроксиматив или наклонение кажущегося действия), выражают низкую степень уверенности говорящего в достоверности *P*. Оба показателя служат для выражения предположения о ситуациях в настоящем, прошедшем или будущем. Формы *-кы* и *-раха* противопоставлены по типу информации, лежащей в основе эпистемической оценки. В случае употребления пробабилитива на *-кы* в основе предположения лежит ментальный источник информации, а в случае употребления аппроксиматива на *-раха* – чувственный. Тип источника исходной информации конкрети-

⁴ В дальнейшем для удобства изложения мы будем обозначать рассматриваемые морфологические показатели по их базовым алломорфам.

зируется эвиденциальным показателем, который обязательно присутствует в словоформе финитного глагола.

В сочетании с показателем пробабилитива употребляются три эвиденциальных формы – инферентив, аффикс *-вы/-вэ/-мы/-мэ*: *Нуда ха-вы-кы-*’ (ЭПН: 374). ‘(Она все время плачет.) У нее, наверное, братья умерли’; эвиденциальный перспектив₁ с аффиксом *-биу/-цу/-зу/-су*: *Пярцавэй сохо’, сохо’ ниня ха”мина”* *Нэ-бца-кы-*” (НЭ: 272). ‘На поросшей кустарником сопке будут, наверное, лежать наши останки’; показатель презумптива/отсутствия источника информации, аффикс *-на/-да/-та*: *Хибя недана’ мюмна мибэй тецьда эрм хадхана ха-на-кы* (ЭПН: 399). – Тот, кто ехал по нашей дороге в холодную пургу, наверное, погиб’ (презумптив); *Тёняко хуна хэ-ня-кы* (ФН: 104). ‘Куда ушла Лиса, неизвестно’ (отсутствие источника информации).

С аппроксимативом сочетаются показатель визуального восприятия, нулевой аффикс: *Таня Надьбата не Нэ-Ф-рха* (НЭ: 46) ‘(Вдалеке кто-то бежит.) Как видно, это женщина’; показатель сенсорного, не-визуального, восприятия, аффикс *-вон(он)/-мон(он)/-вано(н)/-мано(н)*: *Нув’ пэвсюмзь пихи-пихиня сидя Хунгляр то-рха-ванон-ди*’ (НЭ 273) ‘Когда завечерело, снаружи приехали, слышать, двое Хунгля’; показатель эвиденциального перспектива₁ с аффиксом *-ванда/-манда*: *Хардана малхы Сава-Иленя-Васкуй мякана тю-ванда-рха-*” (ФН: 216) ‘На краю города, в доме Удачливого-Богатого-Купца свадьбу справлять собираются, кажется’; показатель отсутствия источника информации, аффикс *-на*: *Нер’ Нэцекы то-на-раха-сенё*’ (ЭПН: 376) – ‘Давеча ребенок, кажется, приходил?; показатель мира-

тива, аффикс *-вы*: *Пухутя’-Ню т -рха-вы-нию*”⁵ (ФН: 130) ‘Ребенок-Старухи, похоже, пришел’.

Третья форма, суперпробабилитив, аффикс *-ванҢгабя/-манҢгабя*, используется преимущественно в западных говорах тундрового диалекта. Она выражает высокую степень уверенности говорящего в достоверности *P*. Данная форма также может описывать ситуации, принадлежащие к прошедшему, настоящему или будущему временному плану, что выражается соответствующими временными показателями в составе словоформы финитного глагола. Суперпробабилитив не требует присутствия в словоформе эвиденциального показателя, при этом он может выражать эпистемическую оценку, базирующуюся как на ментальном, так и на чувственном источнике информации, ср.: (т) *Ямал тэта тэри абцухада вэвако хибяри ни а’, таго-ваҢгабя-да* (ЭПН: 405) ‘Оленевод Ямал ведь человек неплохой, он, может быть, и даст’ (оценка на основании общих знаний); (т) *Тедахава’ юкад вати’ по’ тюконя юседанан ха-ваҢгабя-м’*. *Пудна по э-ваҢгабя* (ЭПН: 303) ‘Теперь, лежа здесь больше десяти лет, наверное, я умираю. Это, наверное, последний год моей жизни’ (оценка на основании внутренних ощущение-

⁵ Как видим, в функции миратива аффикс *-вы* располагается не до, а после показателя аппроксиматива. Указанный аффикс может занимать в словоформе позицию и перед показателем аппроксиматива (ср. аналогичную позицию *-вы* в функции инферентива перед аффиксом пробабилитива *-кы*), однако при этом он реализует не эвиденциальное, как в случае сочетания с пробабилитивом, а результативное значение: *Сирю тухана парада-вэ-раха* (ФН: 178). – ‘(Я заходил в церковь, там нет ничего целого.) Все будто нарочно огнем выжжено’.

ний).

В лесном диалекте используется другой набор форм для выражения эпистемической модальности. Это два показателя, выражающие низкую степень уверенности говорящего в достоверности *P*. Как и аналогичные формы тундрового диалекта, они противопоставлены по признаку чувственный/ментальный источник информации, лежащей в основе предположения. Одна из форм, аппроксиматив с показателем *-laxa/-lxa*, имеет общее происхождение с показателем аппроксиматива в тундровом диалекте. Форма *-laxa* в лесном диалекте, как и аналогичная форма тундрового диалекта, выражает предположение на основании чувственного восприятия или непосредственного опыта говорящего. Она может употребляться по отношению к ситуациям в настоящем, прошедшем или будущем и всегда выступает в сочетании с тем или иным эвиденциальным показателем, конкретизирующим тип источника исходной информации: *Чуки naluHota мя” Hэ-Ø-lxa* (ЭМ-13: 154) ‘Похоже, это дом царя’ (зрительное восприятие + аппроксиматив); *Heиай to-laxa-вон* [АЛП] – ‘Кажется, отец пришел (слуховое восприятие + аппроксиматив)’; *Хыла чуват мант -вант-laxa* [АЛП] ‘Снег, кажется, вот-вот упадет с крыши (перспектив₁ + аппроксиматив)’; *Мань нянай Hамы нём тю’тыпё-та-laxa-ш* [АНК] ‘Кажется, кто-то стучал в дверь (отсутствие источника информации + аппроксиматив)’; *Нянь шелта-laxa-мэ-Hии!* [АНК] ‘Ты, я вижу, хлеб испекла! (аппроксиматив + митарив)’.

Вторая форма, пробабилитив, по происхождению представляет собой инвертированную отрицательную конструкцию. В обоих диалектах основным средством выражения отрицания является аналитическая конструкция, строящаяся по модели:

«отрицательный глагол *ни-* (т., л.) в личной форме + знаменательный глагол в неизменяемой форме коннегатива»: (т) *Хибя сит хабта хаена ни-м' мит'* (ЭПН: 378). 'Если кто-нибудь будет свататься к тебе, я не выдам тебя замуж'; (л) *Кытипё нимэй кай'*, *нешай ни-штумыта мис* [ААК] 'Она замуж не вышла, отец не отдавал'.

Инвертированная отрицательная конструкция также функционирует в обоих диалектах, однако выражает разные значения. В тундровом диалекте она, судя по имеющимся у нас данным, передает эмфатическое отрицание: (т) *Харебю' ни-н* (ЭПН: 372) 'Я [ведь] их (олений) не гоню'. В лесном диалекте при помощи инвертированной отрицательной конструкции выражается значение пробабилитива по отношению к ситуации в недавно прошедшем, настоящем или будущем времени: (л) *Вэ'кота нюл'' ни-та* [ААК] '(Я не знаю, где она.) Наверное, мужа себе ищет'; (л) *Нешал кунна тут'' ни* [ААК] 'Наверное, твой отец [скоро] придет'.

Для выражения значения пробабилитива по отношению к ситуациям в давно прошедшем времени используется та же инвертированная отрицательная конструкция, при этом к основе отрицательного глагола присоединяется вопросительный аффикс *-са/-ша*⁶: (л) *Кукэхэна мань хомяхам'' ни-ша-т* [ААК] 'Потом я, видимо, поправилась'. Интересно, что в тундровом диалекте ненецкого языка аналогичная конструкция с вопросительным аффиксом *-са* используется для передачи эмфатическо-

⁶ Г.Д. Вербов считал аффикс *-са/-ша* в лесном диалекте ненецкого языка формой вопросительного наклонения, и отмечал, что данный показатель одновременно является и формой прошедшего времени, т.к. употребляется только по отношению к ситуациям, имевшим место в прошлом (Вербов 1973: 99).

го утверждения: (т) *Тикы мякана хораком' тавы мань Нэ' ни-ся-дум'* (Щ-73: 153) 'Тот, кто тебе в том доме дал туесок, это ведь я была!'

Инвертированная отрицательная конструкция, служащая для выражения пробабилитива в лесном диалекте, по-видимому, находится в процессе синтезации. Об этом свидетельствует и сдвиг ее семантики в сторону эпистемической модальности, и ее постепенное стяжение. Так, в речи носителей лесного диалекта довольно часто наблюдается утрата гортанного смычного, являющегося формальным показателем коннегатива, нередко ин-форманты пишут указанную форму слитно, ср.: (л) *ЧетаН мялтуН тэв-ни-*' (достичь-NEG-REFL/3Sg) [ИЛА] 'Наверное, он уже добрался до дома'.

Модальные слова, как правило, выполняют в ненецком языке вспомогательную функцию при выражении эпистемической оценки. Обычно они выступают в предложении в сочетании с глаголом в форме того или иного эпистемического наклонения и служат для более тонкой дифференциации модальных смыслов, задаваемых грамматическим показателем. По своему происхождению они являются именами, сочетаниями имен с послелогоми или инфинитными формами глагола. Для каждого модального слова имеются свои ограничения на сочетаемость с формами эпистемических наклонений, обусловленные семантикой последних. Например, *ненэся Но'* (т) 'действительно' сочетается только с показателем суперпробабилитива, выражающего высокую степень уверенности говорящего в достоверности *P*: (т) *Ненэсянда о' теда' ха-ваҢгабя-ни'*. (ЭПН: 176) – Действительно, мы теперь погибнем'. *Мань няна*

(т, л) ‘по-моему (букв.: около, вблизи меня)’ сочетается только с показателем аппроксиматива, выражающего оценку на основании чувственного источника информации: (т) *Мань нянан хард” ня’ хибяхава сехэры’ мюня Нэдалёда’ то”о-лха-сь* [НЛ] ‘По-моему, в поселок кто-то по дороге приехал’; (л) *Мань нянай тин-лаха чукули* [АНК] – ‘По-моему, она тебя боится’, и т.п.

Литература

- Вербов Г.Д. Диалект лесных ненцев // Самодийский сборник. Новосибирск, 1973. С. 11–190.
- Лабанаускас К. Предположительное наклонение в ненецком языке // Советское финно-угроведение. Вып. XVII. № 1. Таллин, 1981. С. 49–61.
- Лабанаускас К. Наклонение кажущегося действия в ненецком языке // Советское финно-угроведение. Вып. XVIII. № 4. Таллин, 1982. С. 283–292.
- Терещенко Н.М. Синтаксис самодийских языков. Л.: Наука, 1973.
- Терещенко Н.М. О развитии грамматических категорий ненецкого языка (На примере категории причастия) // Вопросы теории и истории языка в свете трудов И.В. Сталина по языкознанию. М., 1952. С. 368–386.
- Терещенко Н.М. Ненецко-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1965.
- Labanauskas K. Der Obligativ II im Nenzischen // Linguistica Uralica. XXVIII. № 2. Tallinn, 1992. S.128 – 133.
- Salminen T. Tundra Nenets Inflexion. Helsinki, Vammalan Kirjapaino Oy, 1997.

Источники и их условные обозначения

- НЛ – Сусой Е.Г. Ненэцие’’ литература. Учебная хрестоматия для 6 – 7 классов, Л. 1990.
- НЭ – Терещенко Н.М. Ненецкий эпос. Материалы и исследования по самодийским языкам. Л. 1990.
- ФН – Фольклор ненцев. Новосибирск 2001. .

Щ-73 – Щербакова А.М. Ненецкая сказка «Искры, несущие смерть» // Языки и фольклор народов Крайнего Севера. Л. 1973. 148 – 160.

ЭМ-13 – Языки коренных народов Сибири. Экспедиционные материалы. Вып. 13. Новосибирск, 2004.

ЭПН – Куприянова З.Н. Эпические песни ненцев. М., 1965.

Сокращения имен информантов ненецкого языка

АЛП – Лидия Пандятовна Айваседа 1952 г.р., пос. Варёган Нижневартовского р-на Тюменской обл.

ААК – Айты Кольчевны Айваседа 1937 г. р., стойбище Чёньтиң (Лисий Пор), Белоярский р-н ХМАО.

АНК – Нёню Кольчевна Айваседа 1931 г.р., пос. Варьёган Нижневартовского р-на Тюменской обл.

ИЛА – Людмила Аулевна Иуси 1947 г.р., пос. Варьёган Нижневартовского р-на Тюменской обл.

В.В. Быконя

Томский государственный педагогический университет

САМОДИЙСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ТОМСКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

Историю развития самодийского направления в Томском государственном педагогическом университете можно поделить на два этапа. Первый датируется началом 70-х – концом 80-х годов XX в. На этот период приходится этап становления самодистики и время тесного сотрудничества с ведущим ученым в области самодийского языкознания, доктором филологических наук, профессором Наталией Митрофановной Терещенко. Светлой памяти Наталии Митрофановны мы посвящаем краткое описание лингвистического направления, которое развивается в Томске до настоящего времени.

Наиболее значительными работами томских ученых того времени являются научные статьи и монографические описания: Морев 1973 (рукопись); Больдт 1974 (рукопись); Воеводина 1974 (рукопись); Беккер 1978 (монография); Сусеков 1978 (рукопись); Глухий 1978 (рукопись); Алиткина 1979 (рукопись); Быконя 1983 (рукопись); Деннинг 1983 (рукопись); Беккер 1985 (рукопись); Быконя 1998 (монография); Ким 1986 (рукопись); Кузнецова 1986 (рукопись) и др. В течение двух десятилетий были проведены исследования морфологического, фонетического строя и фонологической системы селькупского, нганасанского и энецкого языков. Таким образом, научным исследованием были охвачены все самодийские языки. Ведущая роль в научной деятельности принадлежала старшему научному сотруднику сектора палеоазиатских и самодийских языков ЛО ИЯ АН СССР

Н.М. Терещенко, вся жизнь которой была посвящена изучению ненецкого языка.

Второй этап характеризуется развитием лексикологии и лексикографии. Первые работы лексикологического плана появились во второй половине 90-х годов XX в.: Быконя 1996 (рукопись); Быконя 1998 (монография); Ким 1997 (рукопись); Ким 1999 (монография); Хахалкина 2002 (рукопись); Булгакова 2003 (рукопись); Колбышева 2003 (рукопись) и др. В 2005 году был опубликован под редакцией В.В. Быконя селькупско-русский диалектный словарь, включающий ок. 25000 словарных статей.

В центре внимания томских лингвистов находятся фитонимы, анатомическая лексика, термины родства и свойства, этнонимы–самоназвания родов, родо-племенных союзов, совокупность которых и составляет селькупский этнос. Обращение к истории наименований селькупских родов позволяет свести воедино очень разрозненную и в большей степени мифологическую информацию о племенах, проживавших ок. XVII в. на территории Западной Сибири. Ретроспектива упорядочивает основные слои самоназваний племенных союзов, которые проходят по разным источникам, включая письменные фиксации современных диалектов. В качестве отправной точки берем самоназвания селькупов, отмеченные в период с XIX по XX вв. Среди них такие, как *süsüqum*, *söseikum*, *šöškum*, *šöškup*, *čumulqum*, *selkup*, *sölkup*, *šölkup*, *t'ujkum* ~ *t'ujyum*, *t'umil'qop*, *tümiqum*, *sojgum*, *sažgum*, *maželkup*, *qoltakup*, *pirgikum* и др. Их объединяет общий компонент *kum* ~ *kup* 'человек'.

По мере продвижения вглубь истории выходим на самоназвания с общим компонентом *gula* ~ *kula*. Для XVI–XVII вв. известным этнографом Г.И. Пелих восстановлены следующие самоназвания селькупов: *paj-gula*, *i-gula*, *süsü-gula*, *šieš-gula*, *šeš-*

gula, maš-gula, čumul-gula, sor-gula, ser-gula, sir-gula, sel-gula, t'e-gula, če-gula, ču-gula, parda-gula, kajban-gula, lonpu-kula и др. Этнические группы с данными самоназваниями являются предками современных селькупов.

Диахронический подход к исследованию позволяет провести периодизацию истории селькупского языка. В основу положены микро-, макроэтнонимы и предэтнонимы. Их внутренняя форма и возможность ее реконструкции через анализ составляющих компонентов позволяют говорить о трех периодах. Первое, что обращает на себя внимание, так это компонент, объединяющий этнонимы в определенные группы. Им является слово со значением «человек»—*gul, kul*. Форму со звонким анлаутным звуком считаем более древней. При расширении основы вокалическим элементом слово приобрело значение «люди». В форме *kul* оно представлено в анторопонимах Кулеев, Иткулов, Кулманаков, в наименовании священной горы Кулайка, в ойкониме Кулманы, а в форме *gul* – в самоназваниях с объединяющим компонентом *-gula*, который сохранился в ойкониме Тегульдет (ср. *t'egul + d'et* 'место рода'). В современных диалектах слово имеет значение «человеческий».

Лексемы со значением 'человек' *kul, qum, qur* позволяют, с одной стороны, выделять современный этнос с компонентами самоназваний *-qum, -qur*, а следовательно, и новоселькупский язык. В истории этноса ему соответствует процесс интеграции родоплеменных союзов в два подразделения – кумов и купов. Предшествующий исторический этап с компонентом самоназваний *-gul* позволяет выделить среднеселькупский период. В истории этноса ему соответствует этап дробления на родоплеменные союзы единого этнического подразделения. Каждое объединение соотносило себя с общим предком, что выразилось

в первом компоненте самоназваний: *i-gula*, *süsü-gula*, *šieš-gula*, *šeš-gula*, *maš-gula*, *čumul-gula*, *sor-gula*, *ser-gula*, *sur-gula*, *sel-gula* и др.

К среднеселькупскому периоду относим слово *kuβ* 'человек' 'свой человек'. Оно сохранилось в структуре лексем: кет. *quβəl̥i* 'родня' (наши люди, так говорят о богатырях), об. Ш *quβle az̥iɣu* 'стать человеком', ср. тым. *quβ-ej* 'дух', 'душа', 'дыхание' (ср. *kul-aj* 'дух'), тым. *quβ-an-ol̥i* 'стрела' (букв: человек-сначала-голова~верх~вершина). Лексема *quβ* вошла в наименования: кет. *quβam som̥žukutejmi* 'больница' и *quβarq̥i* 'сосна', вычленяется в предикативной форме: кет. *tat quβ-an-t̥i* 'ты человек (букв: человек-начало-низ)'. С фонетических позиций консонант *β* рассматривался в данных случаях как результат изменений *p* и *m* в интервокальной позиции, согласно которым последовал переход *p* и *m* > *β*: *qip* > *quβ*, *qim* > *quβ*. Но в селькупском языке имеются случаи, когда данный переход в тех же условиях отсутствует, например, об. С, Ш *kub'i*, *qubi*, *qube*, об. Ч, вас., тым. *qub̥il* 'мёртвый'; об. Ш *qube qum* 'мертвец'; тур. *kubanuk* 'кулак'; вас. *kup'es* 'купец'; вас. *kuplaga*; ел. *qip'ij* 'мёртвый'; *qip'ijm* 'мертвец'; тур. *kum̥ilaka* 'народ'; *kum̥ilaq* 'сосуд из берёсты'; *kumol'gup* 'селькуп', 'простой человек'; кет. *kumala* 'дети', что позволяет усомниться в достоверности вывода. Поэтому рассматриваем наименование человека *quβ* в качестве самостоятельной лексемы, употреблявшейся в этом значении в определённый исторический период. Совпадения корней в лексемах *quβ-arq̥i* 'сосна' и *quβ-le az̥iɣu* 'стать человеком', *tat quβ-anti* 'ты–человек' лежит в основе ассоциативной связи человека и дерева (сосны). На этой базе мог сформироваться фрагмент мировоззрения о происхождении человека от дерева, поэтому часть этноса называет себя 'таёжные'.

Для среднеселькупского периода выделяем две разнонаправленные тенденции в этносе и в языке. Первая приводит к образованию территориальных диалектов и сохранению племенных языков, вторая обуславливает этническое единство и сохраняет систему языка. Идея дробления нашла выражение в лексеме *kul*, выступившей компонентом самоназваний родоплеменных союзов, идея объединения – в лексеме *quβ*, особенно в составе исторически сложных слов, таких как кет. *quβəli* 'родня' и вас. *quβanolə* 'стрела' (букв: человек-сначала-верх).

Ещё более древний период мы определяем как древнеселькупский и соотносим его с тем состоянием этноса, которому соответствовал конгломерат этнически разнородных племён. Этот этап характеризуется отсутствием единого макроэтнонима, но наличием ряда предэтнонимов, к числу которых относим *madu*, *kβeli*, *čuḗ ~ čud'*. В противопоставлении *madu* // *čuḗ* первый элемент бинама передаёт силу, второй – слабость, бессилие, ср. об. Ч *čuḗgu* 'быть без сознания'; вас. *č'uželembugu* 'заболеть (о каком-либо органе)'; об. Ч, вас. *č'užəgu*, ел. *č'us'iqo* 'болеть (о каком-либо органе)'; ел. *č'us'ejqo* 'потерять сознание'. В селькупском языке, а также в ненецком и нганасанском корень *mad-* имеет сему 'воинственность'.

В этнографических описаниях наряду с древним народом *madu*, известным как «верховские богатыри», проходит упоминание о народе *čud'* (Пелих 1972). В сказаниях говорится о том, что «верховские богатыри» побеждали «низовских богатырей». Считаем, что «низовские богатыри» имели название *čuḗ*. Мы встречаем данную лексему в составе предэтнонима *č'uželd'erk* 'обские низовские'. Что касается лексемы *čud'*, то полагаем, что её значением является 'земля низовских богатырей', иначе 'низина'. Сведём в бинOME лексемы: *mad'* 'гора', 'лес' и *čud'*

'низина'. Мы выходим на противопоставление верх // низ. Совпадение данных лексем с элементами самоназваний *mad'elkup* 'селькуп (букв: лесной человек)' и *č'uželd'erk* 'остяк (букв: земляной человек)' служит основой для соответствующих ассоциативных связей, позволяющих делить этнос на лесных и земляных, верховских и низовских. Но, как показывает анализ материала, первые компоненты *mad'*- и *č'už'*-, присоединив *-el* со значением 'душа', 'жизнь', являются в составе этнонима наименованиями родов. Их предки сохранились в исторической памяти как богатыри.

Корень *čud*, также как и *čud'*, передаёт и слабость, ср. об. Ч, тым. *čudugu* 'растопить (жир)', 'расплавить (лёд, железо)', 'натаять (снег)', и место, огороженную территорию: ел. *čutpič* 'подземелье', 'пещера'; тым. *čudarəmo* 'запруда (из кольев для ловли рыбы)', *čudəbalmi* 'проталина'. В селькупском языке с понятием «низина» связан лексический слой с отрицательной коннотацией.

Обращает на себя внимание тенденция к образованию самоназвания через сложение слов: 'человек' + 'душа~жизнь' + 'человек'. Такая модель реализована в этнонимах *maž-el-kup*, *mad'-el-kup*, *č'už-el-d'erk*, *čud'-el'*- (компонент сохранился в составе гидронима Чуделька), *čum-il-kup*. В рамках данной тенденции выявлена следующая закономерность: первые компоненты выражают разную степень качества: сила/слабость. Анализ материала показал, что *mad'* – род сильных людей (богатырей), *maž* – род менее сильных людей (ср. *mas*, *maš* – слабый человек: об. С *mesalaj*, *mešelaj* 'больной', *mesalažžəgu* 'болеть'); *čud'* – род сильных людей (богатырей), *čuž* – род менее сильных людей (ср. вас. *čišpugiu* 'таять', *čišpel'igu* 'начать таять'); *č'ud'* – род слабых людей. Вторые компоненты этнонимов *-el*, *-il* также

несут разную семантическую нагрузку: первый имеет значения 'душа', 'жизнь', второй – 'жизнь' (об. Ш, Ч *ilgu* 'жить'), 'слабость' (об. Ч *ilalimbigu* 'устать'). Он совпадает с лексемой *il* 'низ', ср. об. Ч *ilgil* 'нижний', 'внутренний', 'нательный', символизирует этап заката жизни, тогда как первый – этап зарождения жизни. В этнонимах сконцентрирована информация о жизнеспособности рода, о его принадлежности к верховским или низовским.

Сокращения

вас. – васюганский диалект; ел. – елогуйский говор; кет. – кетский диалект; об. С – говоры обских сюсюкумов; об. Ш – говоры обских шёшкупов и шёшкумов; об. Ч – говоры обских чумьлькупов

Список литературы

- Алиткина Л.А. (рукопись) Имя прилагательное в селькупском языке. Томск, 1987.
- Беккер Э.Г. Категория падежа в селькупском языке. Томск, 1987.
- Беккер Э.Г. Грамматические категории имени существительного в южных диалектах селькупского языка. Томск 1985.
- Большдт Е. (рукопись) Образование имен прилагательных в нганасанском языке. Томск, 1974.
- Булгакова И.В. (рукопись) Лексика, отражающая материальную культуру селькупов. Томск, 2003.
- Быконя В.В. (рукопись) Структурно-семантический анализ локальных уточнителей в селькупском языке. Томск, 1983.
- Быконя В.В. (рукопись) Структурно-морфологическая система числительных и история ее формирования в диалектах селькупского языка. Томск, 1996.
- Быконя В.В. (монография) Имя числительное в картине мира селькупов. Томск, 1998.
- Воеводина Н.М. (рукопись) Аналитические глагольные конструкции в селькупском языке (деепричастие + вспомогательный глагол). Томск, 1974.
- Глухий Я.А. (рукопись) Консонантизм энецкого языка. Ленинград, 1978.

- Деннинг Н.В. (рукопись) Фонетика тымского диалекта селькупского языка. Томск, 1983.
- Ким А.А. (рукопись) Выражение категории притяжательности в диалектах селькупского языка. Томск 1986.
- Ким А.А. (монография) Очерки по селькупской культовой лексике. Томск, 1997.
- Ким А.А. (рукопись) Селькупская культовая лексика как этнолингвистический источник: проблема реконструкции картины мира. Томск, 1999.
- Кузнецова Н.Г. (рукопись) Глагольная подсистема кетского диалекта селькупского языка. Томск, 1986.
- Колбышева (рукопись) Система числительных нганасанского языка в сопоставлении с селькупским языком. Томск, 2003.
- Морев Ю.А. (рукопись) Звуковой строй среднеобского (ласкинского) говора селькупского языка. Томск, 1973.
- Сусеков В.А. (рукопись) Вокализм энецкого языка (экспериментально-фонетическое исследование на материале диалекта бай). Ленинград, 1978.
- Селькупско-русский диалектный словарь / под редакцией В.В. Быконя. Томск, 2005.
- Хахалкина Т.В. (рукопись) Нганасанская зоонимия в становлении и развитии. Томск, 2002.

ТИПОЛОГИЯ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ СТАНДАРТНОГО ОТРИЦАНИЯ В САМОДИЙСКИХ И ОБСКО-УГОРСКИХ ЯЗЫКАХ

- Традиционная классификация отрицания:

1) Языки, в которых отрицание выражается **частицей**, как, например, в селькупском или в угорских языках

2) Языки (каких большинство), в которых отрицание выражается не частицей, а **отрицательным глаголом**, как, например, в прибалтийско-финских и самодийских языках

3) Языки, которые используют для отрицания и **частицу**, и **отрицательный глагол**.

Такая классификация не отвечает на вопрос, как на самом деле образуются отрицательные конструкции. Кроме того, она не справляется и с такими случаями, как селькупское (тазовское) отрицание прошедшего времени.

- Классификация Местамо

Вид отрицания	Тип	Подтип
симметричное отрицание	S	нет
асимметричное отрицание	A/Fin	A/Fin/Neg-LV A/Fin/Neg-FE A/Fin/Neg-Cl A/Fin/NegAux
	A/NonReal	
	A/Emph	
	A/Cat	A/Cat/T
		A/Cat/PNG

- Симметричное отрицание

В языках с симметричным отрицанием утвердительные и отрицательные конструкции различаются только наличием в последних специального маркера отрицания. Среди уральских языках: коми (перфект), удмурт (перфект), мордовский (наст. время), хантыйский, мансийский, селькупский, венгерский и камасинский.

Мансийский язык

- (1) *Ti nē am wā-γ-l-um*
 это женщина 1Sg знать-Praes-Obj-1Sg
 ‘Я знаю эту женщину.’ (Kálmán 1965: 45)
- (2) *At wā-γ-l-um*
 Neg знать-Praes-Obj-1Sg
 ‘Я не знаю.’ (Kálmán 1965: 53)

Хантыйский язык: Сургутский диалект

- (3) *Ma kǎntək kol čĭməl wu-l-əm*
1Sg хантыйский язык немного знать-Praes-
1Sg
'Я говорю немножко по-хантыйский.' (Csepregi 1998: 48)
- (4) *Ma kǎntək kol antə wu-l-əm*
1Sg хантыйский язык Neg знать-Praes-1Sg
'Я не говорю по-хантыйски.' (Csepregi 1998: 48)
- (5) *Luw antə aŋkrəmt-əl*
3Sg Neg смотреть-3Sg
'Он не смотрел туда.' (Csepregi 1998: 80)

Венгерский язык

- (6) *Ismer-em ez-t a nő-t.*
знать-1Sg это-Асс def женщина-Асс
'Я знаю эту женщину.'
- (7) *Nem ismer-em ez-t a nő-t.*
Neg знать-1Sg это-Асс def знать-Асс
'Я не знаю эту женщину.'
- (8) *Nem ismer-t-em ez-t a nő-t.*
Neg знать-Perf-1Sg это-Асс def знать-Асс
'Я не знал эту женщину.'
- (9) *Nem fog-ok kimenni*
Neg Аух-Sg выйти.Inf
'букв: Я не буду выйти.'

Селькупский язык

- (10) *Man ila-k.*
1Sg жить-1Sg
'Я живу.' (Очерки 1980: 237)

- (11) *Man ašša ila-k.*
 1Sg Neg жить-1Sg
 ‘Я не живу.’ (Очерки 1980: 237)
- (12) *Ira-l nâti ašša tü-nta.*
 муж-Px2Sg уже Neg прийти-Fut.3Sg
 ‘Твой муж уже не придёт (не вернется).’
 (Очерки 1993: 9/55)
- (13) *Tat qumy-ty-p qajytqo ašša apsty-sa-l?*
 2Sg человек-Pl-Асс почему Neg накормить-Perf-2Sg.o
 ‘Ты людей почему не накормила?’
 (Очерки 1993: 8/25)

Камасинский язык

- (14) *Man amor-bi-ni di šoo-bi*
 1Sg кушать-Ger-Px1Sg 3Sg прийти-Praet.3Sg
 ‘Он пришел, когда я кушала.’ (Joki 1944: 176)
- (15) *Män ei šo-bi-am*
 1Sg Neg прийти-Praet-1Sg
 ‘Я не пришел.’ (Joki 1944: 165)
 Настоящее время (Lja и 0)
- (16) *Nuket ei ka-la*
 старик-Px3Sg Neg идти-Praes.3Sg
 ‘старик не пойдет’ (Joki 1944: 99)
- (17) *Bospa ei tәmnš-bә"*
 сам.1Pl Neg знать-1Pl
 ‘Мы это сам не знаем.’

- Асимметричное отрицание

В языках второго типа отрицательные конструкции отличаются от утвердительных не только наличием отрицательного показателя, но и иным оформлением финитной формы. В зависимости от того, как она изменяется, можно выделять различные подтипы асимметричного отрицания. Большинство уральских языков относится к типу A/Fin/NegAux: само отрицание выражается финитной формой. Некоторые языки пользуются типом A/Cat/TAM. В этом случае в отрицательном предложении меняется и категория или темпуса, или аспекта, или модальности. Среди уральских языков можно найти этот тип в хантыйском, в селькупском, в удмуртском и в коми.

- A/Fin/NegAux:

Само отрицание выражается финитной формой, после отрицательного глагола стоит лексикальный глагол в коннегативе. В самодийских языках отрицательный глагол принимает суффиксы темпуса и может принимать аспектуальные суффиксы.

финский

нганасанский

не может принимать кат. TAM принимает категории TAM

en mene

en mennut

en ole mennut

Отр. глагол		Лекс. глагол
Суффиксы: итератив, хабитуатив, результатив и т.д.		Суффиксы: аттенуатив, темпоралис, инхоатив и т.д.
Финитные формы		Каузативные суффиксы
Изъявит. накл.	Другие наклон.	Пассив
Темпус		Имперфектив
Личные суффиксы		Волитив

Нганасанский

(18) *Курума'ку каңэгэльчи ни-гэ-ты баби котэ-*'

Курумаку никогда Neg-Iter-Kimp.3Sg олень.Асс
добывать-CN

‘Курумаку никогда не добывает оленя.’ (Нина Чунанчар, 2006)

(19) *Симбиа ни-сыэ мутэмэ-' директорэ дя,*
Симбиа Neg-Past.3Sg отправить-CN директор-Gen
Post

хозур-кальч телеграма-кэгэльче.
письмо-Klit.Асс телеграмма-Klit.Асс

‘Симбия не отправляла директору ни письма, ни телеграммы.’ (Нина Чунанчар, 2006)

Энецкий

(20) *Ви ријаді-ја.*

он чихает-Praes.3Sg

‘Он чихает.’ (Сорокина – Болина 2001:112)

(21) *Ви ні ријаді-г.*

он Neg.3Sg чихает-CN

‘Он не чихает.’ (Сорокина – Болина 2001:112)

(22) *Nenedo ніе-до' ire-до-'*.

с тобой Neg-1Sg жить-Fut-CN

‘С тобой не буду жить.’ (Урманчиева 1988:11)

(23) *Biu' pue' d'aboone ніе-до-сі d'adur-o'.*

10 лет ко мне Neg-2Sg-Prät прийти-CN

‘10 лет не пришел ко мне.’ (Урманчиева 1988:13)

Камасинский

(24) *Ни-γá-т*

стоит-Праес-1Sg

‘Стою.’

(25) *e(le)-т ни-’*

Neg-Fut-1Sg стоит-CN

‘Не стою/ не буду стоять.’ (Joki 1944: 46a, 165)

Модальные отрицательные глаголы в самодийских языках:

Значение	Ненецкий	Энецкий	Нганасанский	Селькуп.
не-знать	<i>ja'mas</i> [FE]+V[Inf]	<i>dama-</i> [FE]+V[Inf]	<i>lædi'si</i> [FE]+V[CN]	<i>tačatqo</i> [FE]+V[Inf]
е-уметь,	<i>jexeras</i>	<i>lodeš</i>		
не-мочь	[FE]+V[CN]	[FE]+V[Inf]		
чуть не	<i>xasas</i> [FE]+V[CN]	<i>keŋis</i> [FE]+V[CN]	<i>kasada</i> [FE]+V[CN]	
как же не			<i>ŋualič-</i> [FE]+V[CN]	
ведь не,	<i>wuŋis</i>	<i>buiis</i>		
как не	[FE]+V[CN]	[FE]+V[CN]		

Ненецкий (Tereščenko 1973: 147)

- (26) *T'uku jala-’ tańa’ he-ś ja’ma-w.*
этот день-PlGen туда идти-CN Neg-1Sg
‘Сегодня не могу пойти туда.’

Сравни:

- (27) *Юхоһурэ теневата’ ? – Јаңги, һиw пирас’.*
‘Умеете ли вы плавать? – Нет, не умею.’ (Ненянг: 77)

Нганасанский

- (28) *Мәпә ләдйи-тә һуурә-’*
1Sg Neg-1Sg.o найти-CN
‘Я не могу найти его.’

Энецкий

- (29) *mod’ šit kuhrбδ kбš d’ama-δ.*
1Sg 2Sg.Асс нигде найти-Inf Neg-1Sg
‘Я нигде не могу тебя найти.’ (M80:227/22)

Сравни:

- (30) *Каузудь неза пирис.*
‘Драться не мог’. (Сорокина – Болина 2005:31/37)

- А/САТ/ТАМ

В этом случае в отрицательном предложении меняется и категория или темпуса или аспекта или модальности (ТАМ). Может меняться отрицательный маркер тоже, как в селькупском, где появляется глагол отсутствия вместо отрицательного глагола. Категорию темпуса покажет форма *Nomen Actionis*.

Селькупский

(31) *Man ily-sa-k.*

я жить-Perf-1Sg

‘Я не жил.’

(32) *Man ily-ptä-my čääŋka*

я жить-NomAct-Px1Sg Neg-3Sg

‘Я не жила.’ (Очерки 1980: 237)

(33) *Meekåålyk ni kuty čääŋka tii-ptä-ty.*

мы-CarNeg кто Neg-3Sg прийти-NomAct-Px3Sg

‘Кроме нас никто не пришел.’ (Очерки 1980: 299)

(34) *Ŋi qajyl qur ašša tii-sa.*

Neg какой человек Neg прийти-Perf.3Sg

‘Никакой человек не пришел.’ (Очерки 1980: 380).

Сравни с хантыйским

Конструкция существует, но не выражает изменения темпуса.

(35) *Liww kutəla ləγətlə-mal-pə əntəm*

3Sg дом-Px3Sg войти-NomAct-Klit Neg.3Sg

‘дом друга она не посещает’ (Csepregi 1998: 75)

Самодийские и угорские языки относятся к следующим категориям:

Стандартное отрицание			
Язык	тип	маркер	Примечание
хантыйский	S (A/Cat/TAM)	<i>ǎn+V[FE]</i>	настоящее время (только вариант)
		V-NomAct-Px	
		V _{Neg} [FE]	
мансийский	S	<i>at+V[FE]</i>	
венгерский	S	<i>nem+V[FE]</i>	
ненецкий	A/Fin/NegAux	<i>ńĩ[FE]+V[CN]</i>	
энецкий	A/Fin/NegAux	<i>ńe[FE]+V[CN]</i>	
нганасанский	A/Fin/NegAux	<i>ńiÇ</i>	
		[FE]+V[CN]	
селькупский	S	<i>ašša +V[FE]</i>	прошедшее время (тазовский диалект)
	A/Cat/TAM	V-NomAct-Px V[FE]	
камасинский	S	<i>ei +V[FE]</i>	настоящее и прошедшее время будущее время
	A/Fin/NegAux	<i>e[FE]+V[CN]</i>	

С учетом косвенных наклонений мы получим следующую картину:

Язык	Отрицание в косвенных наклонениях				Отличия от стандартного отрицания		
	тип	маркер	употребление	конструкция	маркер		
хантыйский	S	<i>aU + V[Mood]</i>	Императив	нет	есть		
мансийский	S	<i>uI + V[Mood]</i>	Императив	нет	есть		
венгерский	S	<i>ne + V[Mood]</i>	Императив	нет	есть		
ненецкий	A/Fin/NegAux	<i>no [FE] + V[CN]</i>	Императив	нет	есть		
энецкий	A/Fin/NegAux	<i>i[MoodFE] + V[CN]</i>	Императив, дебитив и т.д.	нет	есть		
нганасанский	A/Fin/NegAux	<i>ni si ʧ[FE] + V[CN]</i>		нет	нет		
селькупский	S	<i>i ʧki ʧ + V</i>	Императив	нет	есть		
камасинский	A/Fin/NegAux	<i>i[FE] + V[CN]</i>	Императив	нет	есть		

В повелительном наклонении учитываются только те формы, которые употребляются и в настоящем времени индикатива. Понятным образом, не существует отрицания, выражающего прошедшее время императива.

- Новый тип: A/Fin/NegVerb

В северных самодийских языках есть глаголы, которые выражают отрицание без отрицательного маркера.

Значение	Энецкий	Ненецкий	Нганасанский
не-знать	<i>d'ohoraç</i>	<i>jexerās,</i> <i>jarmés</i>	<i>d'erusa</i>
знать	<i>tenés</i>	<i>teñewaś</i>	<i>čeniçd'i</i>
не-хотеть			<i>d'ündamtəsa</i>
хотеть	<i>komaç</i>	<i>xärwaś</i>	<i>kərbuða</i>
не обратить внимание			<i>huñd'aləsiç</i>
обратить внимание			???????
не хватать, не доехать			<i>məçid'i</i>
хватать	<i>tooriç</i>	<i>teworé</i>	<i>čüütəsa</i>
не быть нужным			<i>toiśa</i>
не-нравиться	<i>boltaguç</i>		
нравиться	???	<i>meñejalās,</i> <i>xamðjalās</i>	<i>korsə ñakiðiši</i>
не-любить		<i>ñerçid'eś,</i> <i>sexedaś</i>	

Значение	Энецкий	Ненецкий	Нганасанский
любить	<i>komitaç</i>	<i>meñeś</i>	<i>məñiünśa</i> <i>d'arəðİsĭ</i>
не находить выхода			<i>mələirśa</i>
не догадываться	<i>domgeÇ</i>		

Ненецкий (Терещенко 1965: 649, 113)

(36) *Padna mal'e teñewa.*

писать-Inf уже знать.3Sg

‘Он уже умеет писать.’

(37) *Padna tamna jexera.*

писать-Inf ещё не.уметь.3Sg

‘Писать он ещё не умеет.’

Нганасанский (Терещенко 1979: 100, 173)

(38) *Id'i-mtə čeniÇ-ntiÇ-m.*

дядя-АссPx2Sg знать-Kimp-1Sg

‘Твоего дядю я знаю.’

(39) *MiÇŋkəäičeniÇ' təndə d'eru-'tu-mu'*

1Pl.Klit этот.Асс не.знать-Kimp-1Pl

‘Мы даже этого не знаем.’

Энецкий (Сорокина – Болина 2005: 69/16, 12/131)

(40) *Бу' убляйгуон ханты база тєнє.*

3Sg немного ханты язык знать.3Sg

‘Он немного хантыйский знает.’

(41) *Керта дѣхора-за ку кани.*

сам не.знать3Sg куда пошёл.3Sg

‘Сам не знает, куда пошёл.’

Литература

- Csepregi Márta 1998: *Szurguti osztják chrestomathia = Studia-Uralo Altaica Supplementum 6*, Szeged.
- Dahl Östen 1979: *Typology of sentence negation*, Linguistics 17, 79–106.
- Honti László 1997: *Die Negation im Uralischen I–III.*, LU XXXIII, 81–96, 161–176, 241–252.
- Joki Aulis J. (ed.) 1944: *Kai Donners Kamassisches Wörterbuch nebst Sprachproben und Hauptzüge der Grammatik*. Bearbeitet und herausgegeben von A. J. Joki, SUS, Helsinki
- Kahrel Peter – van den Berg, René (eds) 1994: *Typological Studies in Negation*, Benjamins, Amsterdam – Philadelphia.
- Kálmán Béla 1963: *Chrestomathia Vogulica*, Tankönyvkiadó, Budapest.
- Klumpp Gerson 2001: Alte Negation und neue Tempora im Kamassischen, in Eichner, Heiner – Peter-Arnold Mumm – Oswald Panagl – Eberhard Winkler: *Fremd und Eigen*, Edition Praesens, Wien, 117–128.
- Кузнецова А.И. – Е.А. Хелимский – Е.В. Грушкина 1980: *Очерки по селькупскому языку*, Московский Университет, Москва
- Кузнецова А.И. – А.О. Казакевич – Л.Ю. Йоффе – Е.А. Хелимский 1993: *Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект*, Москва.
- Кузнецова А.И. – О.А. Казакевич – Е.А. Хелимский 2002: *Очерки по селькупскому языку: Тазовский диалект. Том 3: Русско-селькупский словарь. Разнопрофильные селькупские словари*. Москва.
- Künnap Ago 1978: *System und Ursprung der kamassischen Flexionssuffixe II. Verbalflexion und Verbalnomina = MSFOu 164*, SUS, Helsinki.
- Miestamo Matti 2000a: Towards a typology of standard negatio.– *Nordic Journal of Linguistics* 23, S. 65–88.
- Сорокина И.П. – Болина Д.С. 2001: *Словарь энецко-русский и русско-энецкий*. Санкт-Петербург.
- Сорокина И. П. – Болина Д.С. 2005: *Энецкие тексты*, Наука, Санкт-Петербург.

Терещенко Н. М. 1979: *Нганасанский язык*, Наука, Ленинград
Урманчиева А.Ю. 2006: Время, вид или модальность?
Глагольная система энецкого языка. – *Вопросы
Языкознания* 4, 84–100.

ПРИМЕРНЫЙ ПРОСПЕКТ НАУЧНОЙ ГРАММАТИКИ НЕНЕЦКОГО ЯЗЫКА

Наша задача состоит в том, чтобы описать грамматику ненецкого языка исходя из формы, но при этом – из его *собственной формы*, и только из нее.

Наиболее адекватным инструментом анализа представляется *грамматика словоформы*. Минимальной единицей в этой модели является словоформа (автономная единица) как член более сложного (коммуникативного) знака, в состав которого она входит. Этим определяется ее *функция* в этом конкретном случае. Функция может быть различно в зависимости от позиции, которую словоформа занимает в составе коммуникативного знака (предложения).

Словоформа способна выполнять три различных функции. Они распределяются иерархично:

Первый уровень – предикат. Без предиката невозможно никакое, даже самое минимальное высказывание. Данные ненецкого языка требуют уточнения: *независимый* предикат, ибо наряду со словоформами, выполняющими эту функцию, имеются словоформы, функционирующие как *зависимый предикат*. Эти словоформы не способны породить законченного высказывания без участия независимого предиката. Тем не менее, обе эти группировки словоформ занимают высший, первый уровень: предикат 1 (независимый) и предикат 2 (зависимый).

Второй уровень – актаны предиката, как независимого,

так и зависимого.

Третий уровень – атрибуты. Эти словоформы представлены двумя группами: атрибуты предиката, как независимого, так и зависимого (атрибут 1) и атрибуты актантов (атрибут 2).

Наряду с функциональным параметром учитывается семантический параметр (отнюдь не лексическое значение, но семантика корня). Различаются следующие группировки:

- (1) Предметно-вещественная семантика
- (2) Призначная семантика, реализуемая как
 - (2а) Статический (качественный) признак
 - (2б) Динамический (процессуальный признак)
- (3) Локально-темпоральная семантика
- (4) Количественная семантика
- (5) Дейктическая семантика.

Связь функции и семантики опосредована *формой* (для тех языков, где есть морфология: в ненецком имеется богатый формальный аппарат). Таким образом, группировки словоформ ненецкого языка организованы по следующему принципу:

ФУНКЦИЯ	синтаксис
ФОРМА	морфология
СЕМАНТИКА	значение корня

Из всего вышеизложенного следует, что грамматика словоформы предполагает:

- примат функции над формой
- примат предикатной функции над всеми прочими
- примат позиции знака (словоформы) над ее экспонентом – при определении ее функции.

Мы отказываемся от грамматики слова (грамматики час-

тей речи), которая была разработана на базе индоевропейских языков. Мы описываем функциональные группировки словоформ:

независимый предикат

зависимый предикат

актанты

атрибуты: 1) атрибуты предиката

2) атрибуты актанта.

Все эти группировки, в разной степени, обнаруживают соответствие «функция – форма – (первичная) семантика». Еще две группировки словоформ выделяются на основании семантического параметра (им посвящены разделы «Способы выражения количества», «Способы выражения дейксиса»). В качестве отдельной группировки описываются также *междометия*, функционирующие как аналог независимого предиката (выражение как произвольных, так и произвольных чувств).

Описанию функциональных группировок предшествует описание грамматических (морфологических) категорий ненецкого языка:

- категория лица (принадлежность первого и второго функциональных уровней)

- категории реализа/ирреализа и императива (принадлежность первого уровня – независимый и, возможно, отчасти зависимый предикат)

- категория падежа (принадлежность второго уровня – т.н. синтаксические падежи, или – принадлежность всех трех уровней, если речь идет о локативных падежах)

- категория сравнения (принадлежность третьего уровня).

В заключение предполагается описание категории определенности/неопределенности, которая, в отличие от всех других, должна быть охарактеризована как *категория текста* (Лаптандер 2007). Эта категория представляет собой базовое грамматическое противопоставление ненецкого языка (как, впрочем, и других уральских языков).

Литература

Лаптандер Р.И. Категория определенности/неопределенности в ненецком языке. Дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2007.

Michael Katzschmann
Universität Göttingen

O TEMPORA, O MODI!
About past and future tense and other curiosities in Enets
– a new theory about an old question

Unfortunately a lot of relevant material of M. A. Castrén's manuscripts has been omitted by his editor Anton Schiefner in the *Grammatik* (1854). This is so much regrettable, as it led to inadequate positions and results. That is why we have to state an up to now unnoticed change or shift of the tense- and mood system in Enets since the times of Castrén. Aside from indicative, imperative, and conjunctive the remaining not published tenses and moods seem to be unknown, changed or do not even exist any more. A uniform terminology doesn't exist anyway. It is terrifying how rudimentarily not only the verbal flexion of Enets is described even today. On the other hand there is no sufficient description of one of the dialects Baj (Baj = B) and Khantaj (Chantaj = Ch), today Tundra- and Maddu-dialect.¹

In this paper I intend to dwell mainly on the development of the past and future tense, which are probably closely connected, as will be shown here. The table of the Enets tense and mood markers shows the yet published material in the *Grammatik* in bold letters. They seem all of the same kind for the Samoyed languages. The left column shows **all** the material found in the manuscripts. The right column shows the contemporary functions and addenda.

¹ Castrén's grammatical data base on Chantaj-dialect with remarks of Baj-dialect. His vocabulary considers both.

Enets tense and mood suffixes						
	Castrén („diachronous“)				synchronous	
	Ch	B	Vx	Particle?	B	
Aor. (Prs.)	∅		Vx			
Prt.			Vx	<i>dji/tji/si</i>		
Plsq./Prt.2*	<i>bi</i>		Vx		<i>bi</i>	Prt.2 [#]
Plsq.2*	<i>bi</i>		Vx	<i>dji/tji/si</i>	<i>bi - Vx</i>	Infer.
Fut.**	<i>tju</i>	<i>ju</i>	Vx			Conc./Deb.
					<i>da - Vx</i>	Fut.
					<i>da - Vx - ṣ̌</i>	Deb.
Conj.Prs.	<i>i</i>	<i>nji</i>	Vx		<i>ni</i>	Vol.
Conj.2	<i>i</i>	<i>nji</i>	Vx	<i>dji/tji/si</i>	<i>ni - Vx - ṣ̌</i>	Conj.
Pot. *	<i>toba</i>	<i>sa</i>	Vx	<i>u</i> (-element)		Probab.
Pot.2	<i>sei</i>	<i>"e⁺</i>	Vx	[--!]		
Def.**	<i>arae</i>	<i>odae</i>	Vx			
Def.2*	<i>arae</i>	(--)	Vx	<i>dji/tji/si</i>		
					<i>ra⁺⁺ - Vx</i>	Cond.
					<i>hogu + Vx</i>	Initiat.
Interrog.			Vx	+ <i>inguu</i> (clitic)	<i>s/sa[#] + Vx</i>	
					<i>(m)ono + Vx</i>	Aud.
Imp. Vx1*	<i>hu</i>	<i>hu</i>	Vx		<i>hu</i>	Imp.
Imp. Vx2			Vx Imp			
Imp. Vx3	<i>a</i>	<i>e</i>	Vx			

* not included in the *Grammatik*. ** not part of the paradigm of the negative verb. + *s* is substituted in Bay-dialect in special cases by " (cf. Gerund I, below fn. 10), ++ Maddu-dialect *ra/la* optative, # see below Maddu-dialect: *ba/ŋa*, ## cf. Prokofyev (1937: 89): „предположительное наклонение“

One of the great mysteries of Uralic is the final position of the past tense marker in Enets and Nenets, whereas in all other finite verbforms (and even Uralic languages) the personal suffixes (Vx) occupy the closing position. Generally derivations and suffixes are not only in Uralic languages subject to regular and unchangeable sequences and - even if not identical - morphonemes, cf. Fi. *kodissani*, Hu. *házamban* ‚in my house‘, but Fi. *olin*, Hu. *voltam* ‚I was‘.² That is why the exception of Enets and Nenets in the case of past tense is still today a matter of general speculation. The deviation of the past tense in Enets and Nenets remains one of the central questions and has to be explained with better arguments than to date.

To start with a review, it is supposed - for example strongly by Janhunen (1982: 36) - that PU distinguished two conjugations, one without and one with tense markers. The temporal relations of the former depended on verbal semantics, the latter based on verbal nouns. One of the oldest and most accepted reconstructed markers of them was PU **śâ*/**śä*³ for the past tense (a second past tense one **jâ*/**jä* concerns mainly the Protofinnougric).

² Rédei (1969: 178) uttered, that PU might have been an agglutinating language with many isolating relicts (drafts) from a former period.

³ Rédei (1969: 180f.) regarded PU **śa*/**śä* and PFU **ja*/**jä* as ambivalent (perfective/imperfective) participles, which took over the preterite function in contrast to the unmarked present tense. This might be correct for PFU **ja*/**jä*, which became preterite in some PFU languages, for example Finnish, or present tense, for like in Mansi. But PU **śa*/**śä* is in all affected languages connected with a preterite function corresponding to a perfective aspect. Its counterpart might be the verbal

The unmarked *conjugatio absoluta* (here in contrast to the *casus absolutus*) is supposed to be „replaced“ in PS by a system basing on aspects partly in combination with derivations.⁴ The underlying opposition between imperfective and perfective verbs corresponds with the present respectively the past tense. For this feature the term aorist is used.

My starting point is the assumption of an early protolinguistic need to express temporal relations, - in other words - there is no past without a present tense (cf. Honti 1994: 59). There could have been some protolinguistic opposition between „current/actual“ and „non-current/non-actual“. This is reflected by the opposition of PS **ŋâ* and **sâ*. Under this aspect the temporality in PS is rudimentary on the route, but not really directed. That's why **ŋâ* after *opinio communis* is detected as interrogative in Nganasan (cf. Mikola 2004: 115). This reflects the high age of **ŋâ* and **sâ*, and furthermore a temporal system *in statu nascendi*.⁵

But the function of **ŋâ* remains nevertheless unclear. Janhunen stated in respect to the Nganasan, that „the material background of the Nganasan aorist remains obscure (...)“. In Enets and Nenets it is depending on special stem types (cf. Mikola 2004: 115) or works as interrogative in Nganasan and in

noun PU *(n)*tâ*/(n)*tä*, as reconstructed by Janhunen (1982: 34), cf. Ng. imperfective aorist /present (aorist, genus verbi neutral) participle NTU.

⁴ Cf. the definitions of aspect, action, action mode and tempus system (Rédei 1996: 178f.)

⁵ Cf. Honti 1994: 58ff. He stated further, that the unmarked verb led to the present tense in some FU languages but to the past tense in East- and Southeast Ostjak, although he does not really exclude an original aorist function. So the Samoyed aorist might have been either inherited or indigenously developed.

the Maddu-dialect (see below).⁶ Because the aorist shows two own („indigenous“?) markers in Nganasan, I assume that both were developed in parallel (cf. Katzschmann 2008: 31). So the development of an aspect-tense-system might be secondary and it is legitimate to use the terms present and past tense as well as future tense without regards to their possibly aspectual roots and functions.

But the absence of a future marker is striking. It is not excluded to regard **śâ/sâ* as general „non-current“ marker, which could represent both past and future tense (cf. Ng. adj. *taluo* ‚(of) yesterday/tomorrow‘, but *taluod'ə* ‚yesterday‘), and thus this element might be the source of the future tense in Nganasan too.

As being demonstrated here, a development took place at first in the context of past tense, future tense and interrogative. The PU/PS mood (conjunctive ?) **ni* doesn't influence this in any kind. Although most of the scientists dealing with the past tense in Enets - which is comparable with Nenets in this point - suppose a relation to the PU past tense marker **śâ/*śä*, whereas Audova (2000: 255) and in succession Künnap (2002: 148) consider the gerund (?) of the auxiliary **V-śV* ‚esse‘ as origin of the Enets past tense. This would mean a reinterpretation of a gerund as temporal element but not explain its final position, although the gerund is possibly involved in the development as will be shown below.

Only the noun flexion - one of the oldest layers not only in Samoyed languages - is directly connected with this auxiliary. With a short look at it, we can connect some important observations in respect of a probably other solution. First of all, there are differences in the languages using it. For example:

⁶ „In the functional sense, the aorist is an archaic feature preserved only in Northern Samoyedic ... [with] formal parallels in Southern Samoyedic. (...)“ (Janhunen 1998: 472).

	Nganasan	Enets	
Aorist	<i>ajam</i>	<i>osjaro</i>	,jag är Tungus/
Prt.	<i>ajam esjuam</i>	<i>osjarodji</i>	I'm Tungus ⁷
Futur ⁸	<i>ajam esjudem</i>	<i>osjatjuro</i> "	

While Nganasan uses the auxiliary *isa* ,to be' in all forms but the unmarked (aorist) Enets deals - as shown by Castrén - present, past and future tense and past perfect I and II (but *biru biro*" with clear breach!) as well alike:

	,Tungus' (Ch)	,father' (Ch)	,water'(Ch)
Prs.	<i>osjaro</i>	<i>esero</i>	<i>bito</i> "
[<i>bito</i> ~]			
Prt.	<i>osjarodji</i>	<i>eserodji</i>	<i>bitodji</i>
Plq.	<i>osjabiro</i> *	<i>esebire</i>	<i>biru biro</i> "
Plq. II	<i>osjabirodji</i>		
Fut.	<i>osjatjuro</i> "	<i>esetjuro</i> "	<i>birujuro</i>
Conj.	<i>osja a"irodji</i>		
PotPrs.	<i>osja atobaro</i>		
PotPrt.	<i>osja aseiro</i>		
Def.	<i>osja aaraero</i> "		
Imp.	<i>osja a</i> "		
	* ~ <i>osja abiro</i>		

⁷ Cf. *osjahine aaro* ,Я тунгусом живу.'

⁸ This is future II in Nganasan, future I *kua/gua* serves today probably as future imperative KU₀-Ə (cf. Katzschmann 2008: 428f.)

	man/person (B)	,thunder‘ (B)	,wild reindeer‘ (B)	,dog‘ (B) ⁹
Prs.	<i>ennetjeddo</i> ~ [!]	<i>keeddo</i> "	<i>keereddo</i> "	<i>buddo</i>
Prt.	<i>ennetjeddodji</i>	<i>keddodj i</i> [!]	<i>keereddodji</i>	<i>buddodji</i>
Plq.	<i>ennetjebiro</i> "	<i>keebiro</i> "	<i>keerebiro</i> "	
Plq.II		<i>keerodji</i>		
Fut.	<i>Ennetjuujur</i>	<i>keujur</i>	<i>keerelrujur</i>	<i>bunujur</i>
Conj.	<i>ennetje a</i> "irodji			

They even seem to form an own unit, in which the auxiliaries are directly connected with the stem of the noun, with no exception for the past tense. The remaining moods - the (archaic) imperative included - show even a separate stem in this case for the auxiliaries.¹⁰ This seems to be more than a mere coincidence or writing convention, cf. the two stems (*ei-*, *e-*) in Nnganasan in this case (cf. Katzschmann 2008: 453):

⁹ The records with ‚I am thunder‘, ‚I am a wild reindeer‘ and ‚I am a dog‘ are slightly absurd. They just serve to demonstrate the genitive plural forms of the different stems (declinations), cf. *ennetje*~ (2. Decl., GenPl *ennetju*("u"), *kee*~ (2. Decl., NomPl *keeo*", GenPl *keeu*"), *keere*~ (3. Decl. NomSg *keerelro*", GenPl *keerelru*"), „andre“ (means second) Decl., *buu*~ (NomPl *buno*", GenPl *bunu*").

¹⁰ Some missing forms of the *Grammatik* are for the verb of negation: fut. *itjuo*, def. *ihuo*, pot. I *itobeo* ~ (B) *isebuu* and II *iseibo* ~ (B) *iebo* etc.), and the auxiliary ‚to be‘: fut. *ajuoro*, (B) *etjudo*, def. *aaraero*, (B) *eodaedo*, def. *aaraero* ~ (B) *eodaedo*, pot. see below)). The gerunds are: I: *ii* ~ (B) *isi*, III: *isei ebu* ~ (B) *ie ebu* and I: *a(s)e*, (B) *esi* ‚to be‘ (Ng. *eisja*), III: *asei abu* ~ (B) *e"e ebu* (Ng. *eisjua efü*)).

1 tense	Prt.	Fut. II	Fut. I	Plsq.	Conj. I	Imp.
<i>eitjüm</i>	<i>eisjüam</i>	<i>eisjüdam</i>	<i>ekuam</i>	<i>efadum</i>	<i>efaada(a)m</i>	<i>ekum ~ ekudam</i>

The paradigms in the manuscripts are defect, but there might be a rest preserved in Bay-dialect, cf. prs. *aro~ ~ ađo~*, prt. *arodji ~ ađodji*, fut *ajuro~ ~ etjudo~* etc., as well as in the verb of negation (*nji-*, *i-*, Ng. *nje-*, *nji-* (cf. Katzschmann 2008: 425, fn. 325)).

So - not only but mostly for structural reasons - it is relatively unlikely to assume a connection between tense and mood markers and the auxiliary ‚to be‘. This would affect all tenses and not only past and future tense (and *cum grano salis* the past perfect). The other tenses and moods clearly agree with the Nganasan model, where the auxiliary *iša* ‚to be‘ is the bearer of all tense and mood markers. It's constructed as syntagma of two elements referring to each other by featuring a personal congruence.¹¹ In Enets the (Nganasan) personal congruence in (affirmed) noun flexion seems to be anyhow ‚defect“, but can be assumed referring to parallels with the verb of negation, cf. the negation of the present tense indicative of the Vx1Sg *njiero*

¹¹ In constructions with a finite verb the auxiliary gets a translative function, cf. Enets *ē-čš' ēđa* ‚She will be mother.‘, Enets *osja ae kanjiro* ‚Я тунгусом стал/I became a Tungus.‘, Ng. *təhiⁿⁱa iša nindjɨm nəmbə ɲəⁿ iša konjⁿ”* ‚Therefore I didn't become no bad shaman.‘
<³⁷²⁰> [Superscripted references in angle brackets refer to the texts in Katzschmann 2008.]

osja(ra) a” ,I'm no Tungus (= I'm not a Tungus).‘ (~ Ng. *njinttuu(m) ajam* ,id.‘).¹²

Therefore I'd like to propose another solution. It seems to be no exception, that possibly identical PU resp. PS elements existed, which are traceable back resp. detectable into protolanguage but achieved completely different functions in the single languages, comparable with building bricks, which can be piled individually. You do not even have to use all of them, but can choose the adequate ones. This is the situation I have in mind. The element PS **sã* (PU **sã/*sã*)¹³ is accepted and - in some of the languages using it - connected with the past tense, but not in all of them!

So we have to trace back the development of the PU element **sã*, which is the past tense marker in Nganasan and Selkup, but the interrogative marker in Nenets and (Baj-)Enets, with affinity to the past tense in the latter.¹⁴ Labanauskas (2002: 32) revealed the preterite use of the interrogative, without using any other past tense marker: *d'irəsad* ,Жил ли я.‘, *kinočad* ,Пел ли ты?‘ (cf. Prokofyev 1937: 90). He (2002: 60f.) listed as well

¹² The Nganasan is in the „aorist“ different from Enets, cf. negative particleverb Ng. *nintu(u)*, but the auxiliary *nišj* with other tenses and moods, cf. future (II) *njisedam ajam ŋua*” ,I won't become a Tungus.‘ (cf. Katzschmann 2008: 465ff.) This might be an reflection of the *conjugatio absoluta*.

¹³ Cf. (Janhunen 1982: 36). He cites further PU suffixes, which gained their temporality only later and do not affect Nganasan, cf. at least **pã/*pã* - a latter past tense - not yet connected with the Nganasan interrogative past tense (HU/HA₁).

¹⁴ The Mator seems to behave equally (cf. Helimski 1997: 162ff.). Verbov (1973: 99) gave information about the interrogative conjugation (marker *s*), which „является по своему содержанию и формой прошедшего времени“.

two as much interesting as confusing interrogative forms - without commentary - for the Maddu-dialect with modal affinity (,как может ...‘?) *ba* (restricted to the aorist?) and *ηa*¹⁵ (for most other forms).¹⁶ The latter might be concordant with the Nganasan **ηa*, the former connected anyhow with the Nganasan interrogative past tense (HU/HA₁), but this is highly speculative and not discussed yet.

But there is another problem with Castrén's records. He doesn't even mention an interrogative in Enets comparable with **sâ* at all, but the clitic *inguu*. This reminds of the auxiliary Ng. *iśa* ,to be‘ and Ng. interrogative DU/DA₁ basing on PS **ηâ*, cf. Ng. *iηu* like the English ,isn't it‘. It's simply unimaginable that Castrén could have overseen such an important marker in Enets, although he mentioned it in other languages.

Otherwise *sa* appears as potential marker in Castrén's manuscripts, cf. prs. Ch *etobaro*, B *esadau*, prt. Ch *aseiro*~, B *edo*.¹⁷ I assume, that Ch *aseiro*~ and B *esaduu* might represent

¹⁵ Cf. as well Prokofyev (1937: 87), as *η* „вид повторного действия“: *toada*‘ ,я пришел‘ ~ *toηado*‘ ,я прихожу (повторно)‘.

¹⁶ Cf. Labanauskas (2002: 60f.) (Maddu): *ibabo* ,я не?‘, *īηabo* ,как мне не ...?‘ (< **iCīηabo*). Examples: (aor.) *mod'i fubabo*? ,положил ли я?‘ ~ *mod'i ibabo funo*“? ,я не положил?‘, (plsq?) *mod'i funiñāo* ,как мне положить? (разве я могу положить)‘ ~ *mod'i īηabo funo*“? ,как мне не положить? (разве я не могу положить)‘ *mod'i ibado kanedo*“? ,разве я не пошел бы? (как я не мог не пойти?)‘, *mod'i d'u"īñābo*? ~ *mod'i īηabo d'uso*“? ,как мне не потерять? (разве я могу не потерять?)‘, *mod'i kanedobado*? ,разве я пошел бы? (как я могу пойти?)‘ even possibly with **participle** (?): *mod'i fud'aino*? ,как/разве я мог положить (много)?‘ ~ *mod'i išt aiñno funo*“? ? ,как/разве я не мог положить (много)?‘

¹⁷ The form *e"edo* is equivalent to *aseiro*~ because of the dropping of *s* (and *b*) in certain (mostly intervocalic) positions in Enets, cf. Ger. I: B *besi*, Ch *bee* expressing a „varande tillstånd“.

the original Enets past tense forms, which changed their functions secondarily.¹⁸ It should be noticed that *u* in *e-sa-da-u* could be a clitic too (cf. the other persons *esaddu-u*, *esa-u*, ...), which is important for the later conclusion. Anyway the potential forms are interesting in many respects and should be specially studied.

It has been already stated, that there is a closer connection between the past and future tense maybe the present tense too. But today the future **tense** in Enets is problematic. So it is astonishing, that Castrén mentions a future tense *tju* in Enets at all, where all successors like Prokofyev, Sorokina and others do not. This point will be dealt more detailed later. The idealized (emended) paradigms of the noun conjugation for (B) *ennetje* ‚man‘, (Ch) *osja* ‚Tungus‘ are:

¹⁸ The change *a > e* is probably due to an *i* element: (Ch) *aseiro*~ (cf. the preterite marker *i* in other fgr. languages) - possibly to an assimilated glide **j* (B) *esadu-u*. The gerund I *sa* (infinitive) (Ng. SA₁) based on possibly homonymous or perhaps anyhow derived suffix *sa* (Ng. > SU-), cf. the infinitive-gerund *se/d"e/t'e* (Ryžova 1982: 205). Possibly this led to disturbances and change (shift) of the „system“.

The idealized (emended) paradigms of the noun conjugation:

Prs.		Prt.		Fut.*				
<i>ennetje</i>	-ddo ~ [!]	<i>osjaro</i> ~	<i>ennetjeddodji</i>	<i>osjarodji</i>	<i>ennetjuuju</i>	-r [!]	<i>osjatju</i>	-ro ~
<i>ennetje</i>	-ddo [!]	<i>osjaddo</i>	<i>ennetjeddosi</i>	<i>osjaddosi</i>	<i>ennetjuuju</i>	-ddo	<i>osjatju</i>	-ddo
<i>ennetje</i> ~ [!]		<i>osja</i>	<i>ennetjedji</i>	<i>osjasi</i>	<i>ennetjuuju</i>		<i>osjatju</i>	
<i>ennetje</i>	-mi ~	<i>osjabi</i> ~	<i>ennetjemidji</i>	<i>osja"(b)idji</i>	<i>ennetjuuju</i>	-i ~	<i>osjatju</i>	-i ~
<i>ennetje</i>	-lji ~	<i>osjalri</i> ~	<i>ennetjeljidji</i>	<i>osjalridji</i>	<i>ennetjuuju</i>	-lri ~	<i>osjatju</i>	-lri ~
<i>ennetje</i>	-ggo ~	<i>osjari</i> ~	<i>ennetjagodji</i>	<i>osjahadji</i>	<i>ennetjuuju</i>	-ha ~	<i>osjatju</i>	-ho ~
<i>ennetje</i>	-ma "	<i>osjaba</i> "	<i>ennetjematji</i>	<i>osjabatji</i>	<i>ennetjuuju</i>	-a "	<i>osjatju</i>	-a "
<i>ennetje</i>	-la "	<i>osjalra</i> "	<i>ennetjelatji</i>	<i>osjalratji</i>	<i>ennetjuuju</i>	-lra " [!]	<i>osjatju</i>	-lra "
<i>ennetje</i>	-o "	<i>osjaru</i> "	<i>ennetjeotji</i>	<i>osjatji</i>	<i>ennetjuuju</i>	-"	<i>osjatju</i>	-"

* The noun takes the genitive plural!

The Vx1Sg in Bay-dialect shows simply *r* [ʔ *r*~] as is obvious from the illustration of all Vx1Sg in tenses and moods as shown by Castrén.

In this connection, I'd like to mention, that the genitive plural seems to play a remarkable role in connection with auxiliaries, as well in Nganasan as in Enets. As in Ng. *aja muendum* ‚I become Tunguse.‘ (GenSg *aja*, NomSg *adja*) it is dealing with the genitive plural with *baarbi*[~] *mjenttjm* perhaps ‚I become chief.‘ (*baarba* ‚boss/leader‘) (cf. Katzschmann 2008: 462).¹⁹ The Enets complement of *muendum* is *biro*²⁰:

1. Tense	Prt.	Plsq.	Fut.
<i>osji biro</i>	<i>osji birodji</i>	<i>osji bebiro</i> "	<i>osji betjuro</i> "

the same with *maro* ‚become/стать‘ (cf. Ng. *mu"am* ‚become‘):

Prs.	Prt. (= II)	Plsq.	II
<i>osji maro</i> ~ (<i>mado</i>)	<i>osji marodji</i> (<i>madodji</i>)	<i>osji mabiro</i> ~ (<i>mabido</i>)	<i>osji</i> <i>mabirodji</i>

Anyway, even the future tense of the Khantay-dialect *tju* differs somewhat from the Bay-dialect *ju* (cf. Ng. "-SU-). But the marker *tju* as future marker seems to have disappeared in a relatively short time. It might be preserved as concessive marker today or have never existed as tense but as mood. Labanauskas (2002: 57f.) mentioned a

¹⁹ In Nganasan the genitive plural is the base of the perfective aorist.

²⁰ The Vx1Sg of the subjective conjugation *biro*, which I couldn't assign earlier (cf. 2004 and 2008: 451f., 467), belongs to Enets *bee*. I assumed, that this auxiliary is possibly connected with the Nganasan connegative (-) *jbə*" of the auxiliary *isa* in with itself derived forms, cf. *tənijša*, *tənijčü*, *tənijbə*" ‚have/existing‘ resp. *təjša*, *təjčü*, *təibə*" ‚have/possess‘, *tojša*, *tojčü*, *tojbə*" ‚to be not-necessary‘ as well as *d'aŋgujša*, *d'aŋgujčü*, *d'aŋgujbə*" ‚not-being/not-existing/missing‘, in opposition to the ‚free“ connegative *ηuo*" (cf. Enets (˘) *a*"). I'd like to append this *missing link* on this place.

чу [čʉ] as „долженствовательное наклонение“ (adhortative ?): *mod'i kanəčʉdo* ‚Мне придется пойти.‘, which can be marked at the negation as well: *mod'i ičʉdo kanə* ‚Мне не придется пойти.‘ Some more examples are published by Tereščenko (1973), cf. ¹*četa'* ²*šidda* ³*perdʉčʉā* ‚³(We shall help) ²you ¹tomorrow/^{3b}придется нам ¹завтра ²вам ^{3a}помочь‘ (T73: 33), ¹(*šidε d'irij' isjgun*) ²*kāših'* ³*d'admačuh'* ‚¹(Within two months) ²we (both) [friends] ^{3b}will ^{3a}meet us/¹(через два месяца) [товарищи] ²мы-двое ³встретимся‘ (T73: 197).

Different from Castrén Prokofyev (1937: 37) regards the „future“ not as tense but as aspect, cf. *-da*²¹ ‚вид неначатого действия“ and *-gua* ‚вид начинательного действия“ (cf. Ng. KU₀-Θ), and Sorokina proves that *-d(a)/t(a)* is - similar to Selkup (cf. below fn. 37) - an aspectual derivation by means of its negation, because it is unlike *čʉ* not part of the verb of negation - bearing all flexional markers-, but of the connegative (special form of a negated verb „loosing“ the latter)²², cf. Enets *модь нид седаḍ* [!] ‚я не буду делать‘ (*седачы́* ‚делать‘, cf. Sorokina 1984: 116f.), cf. Ng. (...) *nisiḍam meliḍa* ‚id.‘ ^{<494>}(*mel'iḍasj* ‚сделать‘ [из чего-л.]).

Although the future tense is a late development of the single languages, there might have been a collective (structural or ideal) kernel. Sorokina states at least homonymous identity in Nenets between the suffixes of the imperfective aorist (*ngo*, *dV*, *tV*) and the

²¹ Prokofyev (1937: 89) identified it as debitive („долженствовательное“), Sorokina (1977: 202) as concessive („уступительное наклонение“). Prokofyev doesn't mention a future tense at all.

²² There might be a lack in recording, but there is no paradigm of the verb of negation with future tense *tju* in the manuscripts. What rather hints at its marking at the connegative.

future tense.²³ But her identification of *gua* with Nenets *ngo* (Sorokina 84: 118) has to be refused not at least on behalf of formal reasons. Castrén listed Enets *gua* as inchoative which can take a preterite marker as well (cf. *motaguabo* ‚резать начинаю‘, prt. *motaguabosi*). So in Enets it might have been at first a mood. Anyway, a connection with Ng. ‚future I“ (KU₀-Θ) is more plausible, which turned to the current imperative future, while the so called ‚future II“ -SU-TΘ - not mentioned in the *Grammatik* at all - became standard.

It's curious, that the latter can be proved - although in another function - even in Enets too. So Castrén listed under ‚actoris“ a form *motatjuro* ‚to cut/резать‘ (cf. Ng. verbal and participle future *matusuta*).²⁴ An astonishing matter is, that it can be combined with Vx in the negation in both languages, cf. *motatjuro jigua* (Ng. *matusuta [jangu]*²⁵) ‚[there is] no cutting-мы/резать нету‘ (with Vx: *motatjuro*, -lro, -ra *jigua* (Ng. *matusutama*, -ra, -du [jangu], AccSg *matusutama*, *matusudamtta*, *matusutamtt[u]*!).

Today the suffix/derivation seems preserved as -ču-δo/-d'u-δo, at least in Maddu-dialect which Labanauskas (2002: 54f.) specifies - among others - as assumative („предположительное наклонение“). The examples are remarkable, because the marker serves in an analytic mood in combination with the auxiliary ‚to be‘, affirmed and with negation, cf. the subjective conjugation:

²³ Verbov (1973) doesn't mention future tense forms in Forest Nenets as well.

²⁴ Other forms are: *motatji* (Ng. *matusi*) ‚cut/skärare‘, *motaje* (Ng. *matubsang*) ‚instrument for cutting/verktyg att skära‘, but there is no complement to Ng. *matumung* ‚(the) cutting‘ (cf. verbal noun MU-Θ).

²⁵ The forms in brackets are hard to read in my copy of the manuscripts, and therefore rather adopted.

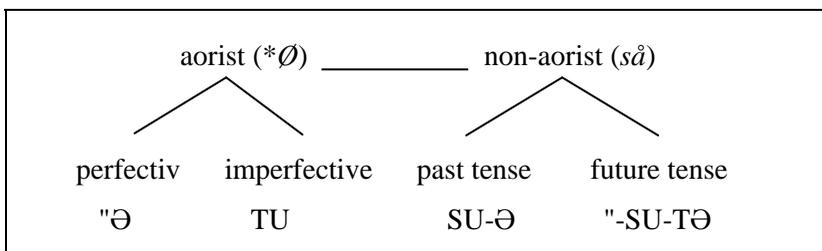
(aorist perf.) *mod'i* ¹*kusugičidoiđo* ²*atobađo* ,я, может быть, ¹жаловался ²бы' ~ *mod'i* ³*ičidoiđo* ²*atobađo* ¹*kusugu*" ,я, может быть, ³не ¹жаловался бы', (future) *mod'i* ¹*kusugičidođo* ²*atađo* ,я, может быть, ²буду ¹жаловаться' ~ *mod'i* ³*ičidođo* ¹*kusugu* ²*atađo* *kusugu*" ,я, может быть, ³не ²буду ¹жаловаться'.

(aorist imperf.) *mod'i* ¹*fud'idoio* ²*atobā* ,я, может быть, ¹положил ²бы' ~ *mod'i* ³*ičidoio* ²*atobā* ¹*funo*" ,я, может быть, ³не ¹положил ²бы', [future:] *mod'i* ¹*fud'idobo* ²*atā* ,я, может быть, ^{1,2}положу' ~ *mod'i* ³*ičidobo* ²*atā* ¹*funo*" ,я, может быть, ³не ^{1,2}положу'.

But not only the personal congruence is striking, but the change of the initial consonant alike Castrén's *tj* ~ *dj*.

It is assumed here, that the future tense at least in Nganasan was constructed by means of the original past tense (cf. Katzschmann 2008: 387, 414, 465) or rather verbal noun **sā* used ambivalent in tense or mood functions in former times.²⁶ So in Nganasan the past participle SU-Ə which was meanwhile derived by -Ə, possibly to distinguish it from the future participle "-SU-TƏ, became the standard past tense marker. The original past participle was distinguished by a further derivation DƏ-Ə and substitutes it nowadays (*d'ə*-Ə, cf. past participle *kođud'üəd'əəm* ,which I killed' ~ future participle *kođu"sudəm* ,which I will kill', past future participle *kođu"sutəd'əəm* ,which I will have killed'). This development was parallel to the development of the aorist (cf. Katzschmann 2008: 31) and can be imagined as follows:

²⁶ Cf. Sebestyén (1970: 224): „Für das Juraksamojedische ist die Konjugation nichts anderes als eine Systematisierung der Erscheinungsformen der Verbalnomina mit prädikativer Funktion.“ She (1973: 184ff.) cited as well a rare Nenets verbal noun derivation **śa*, **śe*, which fits even phonetically to Enets and Nganasan (cf. below fn. 30).

Obviously Castrén's Enets potential *se/sei*, future tense *tju* and past tense *si/tji/dji* basing all on *sV* are - bar the derivation - comparable but up to the glottal stop of the future tense to the Nganasan elements (cf. the above mentioned unit of some tenses).

There are two possibilities to explain the glottal stop of the future tense, either it belongs to the (for example genitive plural) stem or it is a composed suffix, maybe even both. For a composed marker speaks the Tundra Nenets necessitive-obligative *bsu, su, cu* (cf. Hajdú 1968: 65) - similar to the Enets past tense for vowel, consonant and glottal stop stems²⁷ - and the Forest Nenets (*p*)*su* (Verbov 1973: 99), probably supposed by the elements **p* and **sã*²⁸, cf. the Nganasan corresponding debitive form B-SU-TƏ and the future "-SU-TƏ.²⁹ The derivation Ə (of the past tense, cf. below fn.

²⁷ Cf. Pyrerka/Terečšenko (1948: 386): debitive („предположительное наклонение“) *bcu, su, cu* [*bcu, su, cu*].

²⁸ The connection of B-S seems to constitute in contrast to BT no closer unity (cf. Katzschmann 2008: 490).

²⁹ The „additional“ glottal stop in Nganasan future tense, which might be the main argument against a connection with the past tense SU shall not be discussed in this place. It is not to exclude, that it is secondary and/or bound to a special stem ending on glottal stop basing on a verbal noun in genitive (plural).

33) and T Θ ³⁰ (of the future tense) are part of an inner Nganasan development.³¹

The problem in Enets is alike. The phonetic reflexions of *sV* in the future tense (*tj*) can explicitly traced back to a glottal stop³² as the forms of the past tense demonstrate ($\tilde{s} \sim dj$, $''s \sim tj$, $\emptyset \sim s$). With regard to the above demonstrated connection of the noun flexion and the Nganasan parallel the genitive (plural) offers himself as explanation.

As for the past tense, there are definite hints to regard the Baj-Enets potential forms (*se(i)*) as successor of former element PS **sã*. Following here the trace as original verbal noun, we have to include the gerund as well. Both have obviously the same layer (*sV*) as the connection between Enets potential and Nganasan past tense shows in the following table:

³⁰ Cf. Sebestyén (1970: 220ff.), who cited a Nenets desiderative verbal noun **ta*. On the other hand there exists a verbal noun *šetĭj, sotu* with modal functions (cf. Sebestyén 1970: 193f.; cf. above fn. 26).

³¹ Θ and T Θ seem to be a favoured derivation in Nganasan (cf. Katzschmann 2008: 414, fn. 294) found at many places, cf. the prolativ M Θ (- Θ)NU (Katzschmann 2008: 359). There might exist an original connection with the demonstrative pronouns ∂ - 'this (here)'⁴ and $t\partial$ - 'that (there)'⁴ as well (cf. Katzschmann 2008: 387).

³² There are two glottal stops in Enets, a nasalized [$' \sim$ (Castrén sometimes) $\tilde{ } < n, \eta, m$] and a non-nasalized one [$'' < p, t, k$ etc.] (cf. Mikola 1994-1995). Castrén doesn't distinguish consequently between $\tilde{ } (')$ and $'' (')$, cf. *ro'' (ro')* instead of *ro $\tilde{ }$* of the Vx1Sg subjective conjugation etc. But the differentiation becomes clear in connection with phonetical changes of the clitic *si* and preceding phonems.

Participles and Gerunds in Enets and Nganasan

class	Enets			Nganasan		
	part.prs.	part.prt.	ger. III	prt.prs.	ger. II	ger.
I	<i>motadd/e</i>	<i>motasej</i>	<i>motasej</i> <i>abu</i>	<i>matutua</i>	<i>matübü"/</i> <i>matubu"</i>	<i>matuju/a</i> <i>efu"</i>
II	<i>tiddete</i>	<i>tiddetjei</i>	<i>tiddetjei</i> <i>afu</i>	<i>tamtutua</i>	<i>tamtüüfu"</i>	(?)
III	<i>fudde</i>	<i>fudjej</i>	<i>fudjei abu</i>	<i>fanttua</i>	<i>fangfu</i>	<i>fansua efü"</i>

I ,cut‘, II ,buy‘, III ,lay‘.

Castrén doesn't regularly cite past participles in Nganasan, although they obviously exist, cf. *matajuajä* and *eisjüajä*!³³ Otherwise the Enets past participle is regularly cited beside the present participle. Mainly the gerundforms of both languages are comparable (*motasej abu* ~ Ng. *matujuu efu*)³⁴. But in Nganasan not only the past participle but the future participle is involved, cf. Ng. *kund"asuom ihü"nä hiñd'a?* ‚Спала ли я ночью?‘ (K92: 75f.) and (rare future participle) *tujšüüdəŋ*

³³ This is - as far as I know - the only known form of a past participle of this kind in Nganasan in Castrén, so this forms can regarded as unique. On the otherhand the future participle *matükütjua* is formed by a compositum of the genitive plural stem *matü-* + KU₀ and the present (aorist) participle TU-Ə (cf. ger.fut. *matüküsjä*, *matükübü"/-kubu*"), which makes -Ə as derivation plausible. The grammatical form nowadays is "SU-TU-Ə, which is homonymous or even identical with the marker of the aorist future.

³⁴ There are some strange but revealing (Maddu) examples with *ši/d'i* in analytical constructions with auxiliaries, which might be connected. They shall be mentioned but can not really explained here, cf. the ‚сослагательное наклонение‘: *nebed'ido aidod'* ‚я, может быть, бегал бы‘ ~ *išido aišič' nebero* ‚я, может быть, не бегал бы‘ (1 without personal congruence!) and the ‚условное наклонение‘: *motaš'io abuno* ‚если бы я отрезал (сейчас в прошлом)‘ ~ *išio abuno¹ mota* ‚если бы я отрезал (сейчас в прошлом)‘ (1 with personal congruence!) (cf. *motabuno* ‚если я отрежу (сейчас в будущем)‘ ~ *ibunota* ‚если бы я отрезал (сейчас в прошлом)‘ (Labanaukas 2002: 58f.), cf. the conditional gerund in Nganasan ... *honsiə ihü"t*, ‚if they had ...‘ <⁴³³> (Katzschmann 2008: 458 f.)

ihü"tə ,пришел ли ты?' (Т79: 211) (cf. Katzschmann 2008: 458, fn. 382).

The Enets participles are less or not noticed at all in the literature, but the concordances are striking as demonstrated by Ryžova, cf. Enets *kuorie* ,to fish/рыбачить', participle II: *kuorisi* ,one, who has fished/рыбачивший' (cf. below fn. 35), participle III: *kuorit'edo* ,one, who shall be fishing/тот, кто должен рыбачить', *sodud'e* ,to sew/шить', participle II: *sodudī*, III: *sodud'edo*; *kitudut'e* ,to speak/говорить', II: *kituduti*, III: *kitudut'edo* (Ryžova 1982: 202f.). There can be little doubt about a connection between Ng. "-SU-T and Enets *t'edo/d'edo*.

But how can we explain the differentiation of only one supposed single reconstruction (**sâ*). Or are they homonyms?³⁵ Anyhow, as the Nganasan examples show, there might have been a differentiation by restriction. There could be no coexistence of verbal and noun forms in language development. This led to the shift from past participle to a past tense marker of SU-Θ in Nganasan.

But the development in Enets - basing on the same assumption - was slightly different. While the past participle (*si/di/tji*) was preserved, the past tense (*si/di/tji*) got or remained a modal function. Now the functional „gap“, i.e. the lack of a past tense marker, had to be filled. But actually there was no material gap. You cannot place two bricks at the same place. In this Nganasan led to the derivation in SU-Θ ~ "-SU-TΘ. But what prevents an (other) agglutinating language from using the possibilities of clitics. And what lies nearer as to use a proved even if multifunctional maybe homonymous and

³⁵ In fact Janhunen (1982: 23, 26f.) reconstructed only 16 distinctive consonant and 3 non-first syllable vowel units (front (*ä*), back (*â*) and neutral (*ə*)). The later could be reduced to a set of 2 „variations“ because of the vowelharmonic. So homonymity is predictable.

therefore misleading element (*sã). While the participle II is preserved as *si/di/tji* with following Px, the formally identical *si/di/tji* preterite was used as clitic after Vx, cf. *teine tenedeḍa d'ãḍa*, there known-his earth-his/там знакомая-его земля-его' (Ryžova 1982: 204).

Maybe due to some tendency in Samoyed languages or even copying the Enets model in areal environment, there was a comparable solution for the Selkup. Meanwhile in Selkup the future marker is *-l³⁶*, a farther future is marked by the clitic *-sä* (cf. Prokofyev 1935: 69).³⁷ I do not know much about the development of Selkup, but the situation could have been similar, so that Enets, Nenets and Selkup had to find their own ways. But it's striking, that all three languages use or originally used *sã as past tense/interrogative, are using an alike form as past tense clitic. Nganasan used *ŋã as (aorist) interrogative and kept its past tense (position). This can not be accidentally. But not only the absence of the *sã interrogative in Castrén's manuscripts demonstrates, that our comprehension of the Enets tense and mood system is still insufficient.

To return to the above drawn picture, the bricks or in this case linguistic elements are flexible. There is only a special quantity of bricks (cf. above fn. 35). Although they have the same size but

³⁶ Cf. Enets (Maddu) optative *ra/la* (?): *mod'i fulεeno* ,чтобы я положил (много)' ~ *mod'i ireεeno funo* " ,чтобы я не положил (много)' (Labanauskas 2002: 59).

³⁷ There seems to be a shift in Selkup as well. Kuznecova (1980: 239f., 246) mentioned no real future marker but a facultative „postpositional particle“ *sã* in combination with an **optative** *lä: tüllänty ~ sä tüllänty ~ tüllänty sä* ,пусть ты придешь' ~ negation: *yky (sä) tüllänty*. The future is connected with verbal aspects resp. - similar to Enets - imperative markers basing on *-(n)t-* (cf. above).

different material, they get their function from the position they take in the structure and can be substituted by others which fit in the same position. Nevertheless this can take place only in concordance with a construction plan or rather (immanent) structure - the linearity, the absolute defined order of derivations and suffixes.

In this explanation the principle of linearity is obligatory. It became apparent, that clitics are language immanent not only in Enets although they remain unusual for this relevant function. But languages are developed by their users and live by and with or even change through their irregularities. So strange features have to be stated.³⁸ Maybe these are relicts of the isolating type mentioned by Rédei (cf. above fn. 2). So the final position of the past tense marker in Enets and Nenets is only remarkable because of its „singularity“, cf. the general **Px-Cx-** but **Tx/Mx-Vx-**order for example in Hungarian (see above).

Many questions could have only been touched in this mighty paper. So the represented solution can be nothing but a proposal with many question marks and open details (for example the question of

³⁸ Tereščenko (1979: 170, fn. 8) mentioned another concordance between the Northsamoyedic languages. All of them have a word for ‚what to say/что сказать‘, Enets *kođumad*‘, Ng. *kumunsa*, Nenets *ha”manz*‘. They are compounds with a preclitic to the stem **mun-* ‚to say‘, cf. Ng. *ku”*, Enets *kođu-*, Nenets *ha”*, cf. Ng. *ku”basa* ‚бисер‘, *basa* ‚iron‘), (Maddu *suari mekonəna” čuneŋaši*, *kođo-ma-ba*? ‚Он только что заходил в наш чум, что сказал?’ (Labanauskas 2002: 61; cf. above fn. 15). (Tereščenko’s mentioning of Nganasan interrogative past tense *hu* in this connection has nothing to do with its heritage.) But there is another curiosity to mention. In Ng. exists a particle/derivation with the denotation ‚or‘, which usually follows a noun (*jamabta* ‚море ли‘) or verb(al noun?) (*l’ümərura”abta”* ‚oder wurden sie zusammengetrieben‘ <¹⁵⁵¹>), but can be followed by the interrogative [!] (*basubtabuŋ nibt’abij* ‚Have you been hunting or not?/vadáształ vagy nem?’ (Wagner-Nagy 2002: 135, cf. Katzschmann 2008: 536).

the different interrogative form in Enets dialects). But nevertheless it can be part of a new approach to Samoyedistic maybe even Uralistic.

Alike Einstein couldn't „believe that God plays dice with the cosmos“, I can't believe that languages deviate from their structure, which means linearity, without urgent need. It has been shown also, that both languages - Enets and Nganasan - found different solutions with identical elements and nevertheless influenced each other. It would be valuable to check Nenets in this respect.

Literature

- Audova, Iris (2000):** On functions of the Samoyed auxiliary verb *VśV. In: *The Roots of peoples and languages of Northern Eurasia II and III* : Szombathely, 30.9.–2.10.1998 and Loona, 29.6.–1.7.1999. (Fenno-Ugristica 23). Tartu, 251–256.
- Castrén, Matthias Alexander (o.J.):** *Grammatikatiska Anteckningar i Jeniseiska Samojed=dialecter*. [Bound to] Vol. XIV (p. 113–191) [of the unpublished manuscripts (microfiche) of the University Library of Helsinki] Signature: MS.MF.k.9.] [Exact reference has been omitted, but for more details concerning Nganasan see Katzschmann 2008.]
- ; Schiefner, Anton (Hrsg.) (1854): *Grammatik der samojedischen Sprachen*. (Indiana University publications : Uralic and Altaic series 53) Bloomington 1966. [Nachdr. d. Ausg. St. Petersburg, 1854. (Nordische Reisen u. Forschungen 7)]
- Hajdú, Péter (1968):** *Chrestomathia samoiedica*. Budapest.
- Janhunen, Juha (1982):** On the structure of Proto-Uralic. In: *FUF* 44, 23–42.
- (1998): Samoyedic. In: *The Uralic languages*. London, 457–479 [= Kap. 15]
- Helimski, Eugen (1997):** *Die Matorische Sprache : Wörterverzeichnis – Grundzüge d. Grammatik – Sprachgeschichte*. (Studia uralo-altaica 41) Szeged.
- Honti, László (1994):** Zur Frage nach dem Aspekt und Tempus in der uralischen Grundsprache (K voprosu o vide i vremeni

- glagola v uralískom ázyke-osnove). In: *Minor Uralic languages : structure and development*, 48–65.
- Katzschmann**, Michael (2004): Anmerkungen zu den nordsamojedischen *Habeo*-Konstruktionen unter besond. Berücksichtigung des Nganasanischen. In: *Artes et Scientiae* : Festschrift für Ralf-Peter Ritter zum 65. Geburtstag. Wien, 201–208.
- (2008): *Chrestomathia Nganasanica* : Texte, Übersetzung, Glossar, Grammatik ; Bearbeitung der ‘Нганасанская фольклорная хрестоматия’ zusammengestellt von Kazis I. Labanauskas unter Berücksichtigung des ‘Словари нганасанско-русский и русско-нганасанский’. (Nganasanica 1) Norderstedt.
- Künnap**, Ago (2002): On the Enets evidential suffixes (Об энецких эвиденциальных суффиксах). In: *LU* 38, 145–153.
- Kuznecova** – Кузнецова, А.И., Хелимский Е.А., Грушкина Е.В. (1980): *Очерки по селькупскому языку: тазовский диалект* I. Публикации отделения структурной и прикладной лингвистики: серия монографий 8,1) Москва.
- Labanauskas**, K. I. (2002): *Родное слово* : Энецкие песни, сказки, исторические предания традиционные рассказы, мифы. Санкт-Петербург [with Enets paralleltitle; 40–62 Maddu-dialect] [Cyrillic examples transcribed]
- Mikola**, Tibor (1994–1995): Glottisverschlußlaute in enzischen Nominal- und Verbalstämmen. In: *FUM* 18–19, 91–95.
- (2004): *Studien zur Geschichte der samojedischen Sprachen* : aus dem Nachlass hrsg. von Beáta Wagner-Nagy. (Studia Uralo-Altaica 45) Szeged.
- Prokofyev** – Прокофьев Г.Н. (1935): *Селькупская грамматика*. (Селькупский) остяко-самоедский) язык 1 = Труды по лингвистике 4.1) Ленинград.
- (1937): Энецкий (енисейско-самоедский диалект). In: *Языки и письменность народов Севера: Ч. 1: Языки и письменность самоедских и финно-угорских народов*. (Труды по лингвистике 1) Москва - Ленинград, 75–90).
- Pyrerka**/Tereščenko] Пырерка, А. П./Терещенко, Н. М. (1948): *Русско-ненецкий словарь*. (Советское финно-угроведение 15 15) Москва.

- Rédei, Károly (1996):** Zur Herausbildung der uralischen Konjugation (Die Frage des Aspekts und Tempus). In: *Congressus Internationales Fenno-Ugristarum*, 8,3. Jyväskylä, 176–182.
- Ryžova – Рыжова Е.Ю. (1982):** Система причастий в северном диалекте энецкого языка (The system of participles in the North dialect of the Enets language). In: *SFU* 18, 201–207.
- Sebestyén, Irén N.– (1970):** Zur juraksamojedischen Konjugation. In: *FUF* 38, 137–225.
- Sorokina – Сорокина, И.П. (1977):** Морфологическая структура глагола энецкого языка (Enets verb morphology). In: *SFU* 13, 202–207.
- (1984): Будущее время в энецком языке. In: *Структура палеоазиатских и самодийских языков*. Томск, 115–120.
- Tereščenko – Терещенко, Н.М. (1973):** *Синтаксис самодийских языков* : простое предложение. Ленинград
- (1979): *Нганасанский язык*. Ленинград.
- Verbov – Вербов Г.Д. (1973):** Диалект лесных ненцев. In: *Самодийский сборник* : сборник научных трудов. Новосибирск, 1–190. [Текст Вербов 1935, publ. by Л.В. Хомич и Я.Н. Попова]
- Wagner-Nagy, Béata (2002) (Hrsg.):** *Chrestomathia Nganasanica*. (Studia Uralo-Altaica : Supplementum 10) Szeged – Budapest.

Transkription remarks concerning the different „e“-graphemes:

- (a) +/- palatal consonants: $d, l, n, c, m + e > d', l', n', s', t' + e /$
 $d, l, n, c, m + \varepsilon > d, l, n, s, t + e$
- (b) +/- palatalizable consonants: $\bar{b}, x, k, n, p + e > b, h, k, p, r + e /$
 $\bar{b}, x, k, n, p + \varepsilon > b, h, k, p, r + \varepsilon$
- (c) no change of \bar{e}

АУСЛАУТНОЕ *-w* В САМОДИЙСКИХ ЯЗЫКАХ: НГАНАСАНСКО-МАТОРСКАЯ ИЗОГЛОССА¹

1. Маторский язык знал два процесса, которые можно связать с судьбой **-w* в ауслауте.

Первый из них — это переход конечного **-w* > **-h* (MS 88); впрочем, примеров на него всего два: ПС **kaw* ‘ухо’ > *kuh* и ПС **tiw* ‘легкое’ > *tiih* (фонологическая реконструкция второй лексемы дается под вопросом, но кажется вполне надежной (MS 368)).

Второй процесс — это так называемое «Н-Erweiterung»: добавление *-h* после исходно ауслаутных огубленных гласных (MS 91), ср., например, ПС **wetö* ‘кишка’ > *bedüh* ~ *bedöh* (MS: 215), ПС **kacu* ‘пурга’ > *kaduh* (MS 259) и др. По записям это *-h* нестабильно и может отсутствовать.

Е. А. Хелимский указывает, что эти два процесса могут быть связаны (MS 88); в самом деле, естественно предположить, что «Н-Erweiterung» происходило в два этапа: вначале огубленные гласные в ауслауте дифтонгизировались: **u* > **uw* и т. д., а потом конечное **w* по общему правилу давало **h*².

¹ Часть нганасанского материала для этой статьи была собрана при помощи М.М. Брыкиной в экспедициях, проводимых при поддержке гранта NSF № 0553546.

² Заметим, что и в переходе *-w* > *-h* с большой долей вероятности можно предположить два последовательных этапа: вначале *-w* в ауслауте перешло в *-φ* в результате оглушения, а затем *-φ* было захвачено процессом перехода **p* > *h*, который, как известно из других языков, в частности, из того же нганасанского, проходит через этап **φ*: **p* > *φ* > *h*.

2. В нганасанском языке, как известно, действуют процессы чередования ступеней (см. (Хелимский 1994: 197–198)). Они во многом зависят от наличия в определенных позициях гласных или согласных звуков, а именно существуют два правила: 1) в начале закрытого слога (т. е. слога, оканчивающегося на согласную) в общем случае стоит слабая ступень согласного или кластера; 2) после согласного звука может стоять только сильная ступень.

Существуют, однако, случаи «аномального» появления сильных или слабых ступеней. Например, в $b\delta^u a-sa$ 'расти-Inf' δ — слабая ступень, соответствующая сильной t , а s — сильная ступень, соответствующая слабой d' . Мы ожидали бы формы $**b\delta^u a-d'a$: второй слог открытый и требует сильной ступени, а третий слог — нечетный и требует слабой. Форма устроена так, как если бы перед s находился согласный. Е. А. Хелимский предложил для таких случаев особую морфону c — глубокий консонант, используемый «для обозначения условного сегмента, который встречается в конце слога после гласных и придает открытому (фонетически) слогу свойства закрытого, а также участвует в некоторых морфонологических преобразованиях» (Там же: 196). Форма $b\delta^u a^c sa$ с учетом этой морфемы записывается как $b\delta^u a^c sa$; легко видеть, что в такой записи ступени согласных распределяются правильно: второй слог оказывается закрытым, а s нечетного третьего слога стоит после гласного.

Е.А. Хелимский далее пишет, что «как и другие морфемы, c является фонологической реальностью с точки зрения протонганасанской (прасамодийской) реконструкции» (там же). Ра-

зумеется, естественно предполагать, что глубинный консонант восходит к существовавшему некогда согласному. В ряде случаев его происхождение понятно: обычно это носовой, выпавший по тем или иным причинам, — в частности, таковы окончания генитива и аккузатива единственного числа, ср. *d'intə* ‘лук’ — род. и акк. *d'ində*, восходящие к род. *d'indəŋ*, акк. *d'indəm* (эти формы существуют как варианты и по сей день). Однако в ряде случаев происхождение консонанта не так очевидно.

Что касается позиции ауслота, то еще в XIX веке на месте консонанта также произносился носовой, ср. у М. А. Кастрена *kóduŋ*, совр. *kodu^c* ‘пурга’ (Castrén 1855: 49). Однако подобные основы нельзя отождествлять с основами на назальный: носовой в них существует лишь в ауслоте (т. е. только в именительном падеже единственного числа), в то время как в основах на назальный конечный носовой согласный восстанавливается при словоизменении. Ср. у Кастрена *kóduŋ* (совр. *kodu^c*) vs. *feábteŋ* ((Там же: 71); совр. *hebtj^c*) ‘губа’ — мн. ч. совр. *kotu?*, но *hebtjŋə?*. Если во втором случае основой является *hebtjŋ-*, то в первом невозможно постулировать основу ***kotun-*, поскольку в таком случае ожидалось бы множественное число ***kotunə?*. То же подтверждается и сравнительными данными (см., например, SW 57 sv. **kácə*, SW 122 sv. **peptän*).

Из системных соображений единственным прасамодийским согласным, с которым можно отождествить глубинный консонант, который всегда появляется либо перед другим согласным, либо на конце слова, оказывается **w*. Для всех прочих согласных имеются рефлексы в преконсонантной и ауслотной позициях, **w* же до сих пор восстанавливался только в позиции перед гласной (см. из недавних работ, например, (Mikola 2004:

79—82)). Разумеется, само по себе это не может служить доказательством происхождения консонанта из *w. Есть, однако, и другие свидетельства в пользу этой гипотезы.

3. Вернемся к маторским данным. Сопоставим слова с конечным *-h* с нганасанскими.

3.1. Для следующих шести слов несомненны нганасанские соответствия с конечным консонантом (*-ŋ* у Кастрена)³:

мат. *bedüh* (~ *bedöh*) ‘кишка’ — нган. *betu^c*, С *beatuŋ* (ПС **wetö*);

мат. *čojbuh* (? *čujbuh*) ‘вдова; сирота’ — нган. *đojba^c*, С *joebâŋ* (ПС **jzjwa*);

мат. *kaduh* ‘буря’ — нган. *kodu^c*, С *kóduŋ* ‘пурга’ (ПС **kacu*).

мат. *kobtoh* ‘девушка, дочь’ — нган. *kob^ua^c*, С *kuobtuan* ‘девушка’ (ПС **kapt¹o¹*);

мат. *mijüh* ‘зять’ — нган. *biŋi^c*, С *biŋi*, *biŋiŋ* (ПС **wiŋü*);

мат. *sörüh* (?*sirüh* ~ *sürüh*) ‘дождь’ — нган. *sor^ua^c*, С *sóruaŋ* (ПС **sarö*).

3.2. Для мат. **кожукъ** ‘пена’ Хелимский предлагает три возможные этимологии: из ПС **siə̃sö* ‘пена’ (в этом случае мат. форма фонологизируется как *kojsuh*); из монг. источника, ср. монг. *kögesü(n)* (в этом случае мат. *kō̃žük* или *kō̃žük*) или из тюрк., ср. хакасское *kömük*, *köbük* (в этом случае в маторском

³ Здесь и ниже современные нганасанские данные приводятся по нашим полевым материалам (без указания источника) либо по материалам Хелимского (Хел.), нганасанские формы XIX в. — по (Castrén 1855: 43–76) (С), маторские — по (MS 199–376), прасамодийские реконструкции, если не указано иное, также по MS. Следуя традиции,

описки: ж в м. м или б). Не высказываясь в пользу одного из этих вариантов, заметим, что в первом случае нган. соответствием маторской формы будет *śesu*^c ‘иней’ (Хел.), в котором конечный консонант может быть соответствием мат. *h*⁴.

3.3. Есть две основы, которые в маторском не засвидетельствованы с конечным *-h*, но имеют огубленный конечный гласный. Е. А. Хелимский восстанавливает в них *-h* в скобках. Огубленность последнего гласного в маторском служит аргументом в пользу предположения о существовавшем в них некогда ауслатном *-w*. Это следующие основы:

мат. *ńimü(h)*, *nimü(h)* ‘молоко, кумыс’ — нган. *ńimi*^c, *Ś ńimij* ‘женская грудь; молоко’⁵. ПС **ńimmz* (SW 111: **ńimmä*); ни один из других самодийских языков не указывает на огубленный последний гласный, что заставляет предполагать влияние последующего *-w* в маторском;

мат. *tändü(h)* ‘широкий’ — нган. *tand*^u*a*^c ‘широкая, богатая, благополучная (в основном о жизни)’ (слабая ступень кластера *-nd-* указывает на закрытость второго слога, а также дифтонг ^u*a* обычно указывает на наличие после него консонанта).

введенной Е. А. Хелимским, прямым полужирным шрифтом даются формы источников в оригинальной ненормализованной записи.

⁴ Напомним, что наличие конечного консонанта, если слово не зафиксировано у Кастрена, можно определить по определенным морфологическим процессам, влияющим на вид основы и суффикса. Для ряда основ в современном языке есть колебания в словоизменении по обычному и по «консонантному» типу; в частности, *śesu* допускает притяжательную форму 3Sg и *śesutj* (предполагающую основу *śesu*^c), и *śesudj* (предполагающую «чистую» основу *śesu*). Сами такие колебания в случае сомнения можно рассматривать как свидетельство в пользу того, что ранее в этой основе существовал консонант.

ПС **cāncō* (MS 355). Нганасанское слово представляет собой производное от основы *tantə* ‘широкий’ (< ПС **cāncə* (SW 32)); по-видимому, в маторском исходная основа не сохранилась или не была зафиксирована. Этот случай иллюстрирует нам, что нганасанский консонант, предположительно восходящий к **w*, может образовывать именной суффикс (т. е. ПС **cāncō-w*, производное от **cāncə*). Суффиксом обусловлено чередование гласного. См. об этом в разделе 5.

3.4. Выше были перечислены слова, в которых маторское конечное *-h* соответствует нганасанскому консонанту. В этом пункте мы обсудим возможные контрпримеры.

А. Мат. *ñuh, nuh* ‘ребенок, сын’ = нган. *ñüə* (ПС **ñuə*);

мат. *moh* (?*moho*) ‘ветка, сук’ = нган. *miədə* (ПС **mo*, **moə*).

В этих двух случаях предполагается сокращение исходной двусложной основы в маторском (во втором случае, впрочем, допускается и односложный вариант исходной основы). (Заметим, что случаи расширения односложных основы за счет *ə* в нганасанском также хорошо известны, ср. хотя бы *h^uaa* < ПС **pä* + *ə*.) Если **w* и существовало в этих основах, в нганасанском оно оказалось в интервокальной позиции, в которой оно должно было выпасть. Впрочем, вполне возможным кажется и наращение **w* > *h* в маторском, т. е. «H-Erweiterung» как собственно маторский процесс.

Б. Мат. *tüh* (?) ‘легкое’ — нган. *ʔeiñdə* (ПС **tiw*);

мат. *kuh* ‘ухо’ — нган. *kou* (ПС **kaw*).

⁵ В современном языке эта основа практически перешла в разряд чистых вокалических, однако редкие употребления с конечным консонантом также засвидетельствованы.

В этих двух случаях в маторском сохраняется ПС одно-
сложная основа с переходом $*-w > -h$, а в нганасанском основы
производные, причем $*w$ снова оказывается в интервокальной
позиции, где выпадает. Заметим, что наращение $-u$ в нган. *kou*
остается не вполне ясным. Возможно, вместо $-ə$ под влиянием
 $*w$ — впрочем, существуют и другие возможности его объясне-
ния, все не вполне надежные.

В. Мат. *toh* ‘озеро’ — нган. *turku* (ПС $*to$)?

В маторском наращение $*w > h$; происхождение нган. сло-
ва не вполне ясно (суффикс $-rku$?).

Г. Мат. *möjüh* (? *mojuh*) ‘душа’ — нган. *ba-tü*? < *baj-tü*? (от
ПС $*wäjŋ$ -).

Обе основы производны, причем имеют разные суффик-
сы. Точного соответствия маторской форме в нганасанском нет.

Д. Мат. *mondo(h)* ‘корень’ — нган. *bəntu* (ПС $*wanco$).

Вероятно, наращение $*w > h$ в маторском; впрочем, с ко-
нечным $-h$ эта основа не засвидетельствована. Отметим также,
что в нганасанском тип словоизменения указывает на ПС $*-a$
(конечное $-u$ чередуется с $-a$), и при этом существует производ-
ная основа $bənt^{ii}a-$ (вероятно, $bənt^{ii}aa$ или $bənt^{ii}aj$, возможны ко-
лебания), где дифтонг может указывать на $*-w$. Не исключено
поэтому, что маторская форма соответствует производной нга-
насанской, и в таком случае это же касается других самодийских
языков, которые также указывают на огубленный гласный.

Е. Мат. *örö(h)* (? ~ *örü(h)*) ‘осень’ — старонган. **narro, nor-
runghgáh** (Хел.).

Как и в предыдущем случае, наращение $*w > h$ в матор-
ском вероятно, но не засвидетельствовано. Что же касается нга-
насанского, то в современном языке эта основа отсутствует, но
была засвидетельствована в записях Ф.-И. Страленберга и

Д.Г. Мессершмидта. Определить наличие в ней консонанта не-возможно; окончание в последней форме неясно.

Ж. Мат. *sädü(h)* ‘головешка, горящий уголек’ — нган. *satüə*.

Конечное *-h* в маторском не засвидетельствовано. В нганасанском основа производная, и консонант, если он был, следов не оставил.

3. Мат. *nängü(h)* (?) ‘нет, отсутствует’ — нган. *daŋku* (ПС **jäŋko*).

Конечный консонант в нганасанском, вне всякого сомнения, отсутствует. Заметим, впрочем, что и в маторском эта основа с конечным *-h* не засвидетельствована (и вообще засвидетельствована не вполне надежно).

И. Мат. *körüh ~ köröh* ‘журавль’ — нган. *ko-kərj*.

По-видимому, фонологизация с *h* на конце неверна — см. (Helimski 2004: 67).

Мат. *čöh-* ‘мазать’ — нган. *nöhu-*.

Для ПС надо, по-видимому, реконструировать основу не **jö(ə)-* (MS 234), а **jop(a)-*. На это же указывает камасинское (С) *tüʔb-läm*. В камасинских формах *d'uʔlam*, *d'uʔim*, *d'üʔem*, *d'uʔsit* (Donner 1944: 16), так же, как и в селькупских *č'ō-*, *č'ōqjł-* (цит. по (MS 234)) следует видеть упрощение кластера.

3.5. Для следующих маторских лексем не известно соответствий в нганасанском (все приведенные ниже этимологические комментарии даются в MS при соответствующем слове):

büdiün.čüh- (?) ‘хотеть пить’ (и другие основы с возможным волюнтаривным суффиксом, см. (MS 187—188));

čursuh (?) ‘филин’;

kanuh (?) ‘погода (?)’; роса, влажность (?)’

kälüh (?) ‘сухой’ (видимо, производное от *käl(ə)*- ‘высохнуть’);

kīštüh (?) ‘голос’ (производное от той же основы, что *kistin*- ‘кричать’);

kūmuduh (?) ‘утром, рано’ (производное от *kūmu* ‘утро’);

kuruh ‘нож’;

kusah ‘муха’ (вероятно, монголизм);

мезохаёх- ‘отнимать’

mōndoh ‘сват’ (или ‘кум’);

mundo(h) ‘козел’

tu (? *tuh*) ‘черемуха’

ñambuh, *nambuh* ‘длинный, высокий’;

Nüjü(h) ‘женская грудь’;

sāra(h) (?) ‘источник, ключ’ (вероятно, тюркизм);

sojuh (? *sojuk* ~ *soju*) ‘растение, трава, сено’ (производное от основы **soja* ‘расти, рождаться; родить’);

unžū(h) ~ *munžū(h)* ‘муравей’ (производное от основы **ansa*- ‘мочиться, мочить’)

4. Подведем итог.

В таблице ниже в первом столбце указывается число случаев для каждого типа соответствий; «-*h*?» в маторском столбце означает, что *-h* восстанавливается предположительно; «?» в нганасанском — что наличие консонанта не удастся надежно установить. В последнем столбце даются номера соответствующих пунктов.

Число соответствий	маторский	нганасанский	№№ пунктов
6	<i>-h</i>	<i>-^c</i>	3.1
1?	<i>-h</i>	<i>-^c</i>	3.2
2	<i>-h?</i>	<i>-^c</i>	3.3
6	<i>-h</i>	?	3.4 А—Г
3	<i>-h?</i>	?	3.4 Д—Ж
1	<i>-h?</i>	∅	3.4 З
17	<i>-h, -h?</i>	нет соответствий	3.5

Мы видим, что в шести или (если возведение мат. **кожукъ** к самодийскому источнику верно) в семи случаях маторский ауслуатный *-h* соответствует нганасанскому глубинному консонанту. Мы полагаем, что можно реконструировать по крайней мере для этих основ конечный ПС согласный, по-видимому, глайд *-w, который дал *-h* в маторском и *-η^c* (= ∅) в нганасанском.

Надежных контрпримеров на это соответствие нет. Прочие примеры не позволяют с уверенностью судить о наличии *-h* и *-^c* в маторском и в нганасанском соответственно или в обоих языках. Кроме того, мы не отрицаем правило «H-Erweiterung» для маторского: вероятно, после огубленных гласных действительно развивался эпентетический глайд, который затем переходил в *h*, поэтому соответствие маторской основы на *-h* чистой основе в нганасанском не должно удивлять.

Действительно контрпримером было бы соответствие консонантной основы в нганасанском основе на гласный в маторском, поскольку в этом случае непонятно было бы, откуда взялся нганасанский консонант. Такой случай нам известен лишь один: это мат. *ñunda, nunda* ‘лошадь’ — нган. *d'ünd^a*^c. Однако эта основа заимствована из тюркских языков «с колеба-

ниями в качестве гласного второго слога, указывающими, по-видимому, на его этимологический характер» ((Хелимский 2000: 306), см. (Janhunen 1977: 125)). Колебания присутствуют и в нганасанском в ступени согласного второго слога: *d'ünt^ua* либо *d'üind^ua*: в первом случае сильная ступень указывает на открытость слога и, следовательно, на отсутствие конечного консонанта, во втором — слабая ступень указывает на его присутствие. Сильная ступень зафиксирована и в данных Мессершмидта и Страленберга: **junta** (Хел.), что свидетельствует о ее древности. Можно предположить, что исходно консонанта в этой основе не было; слабая ступень в ней появилась позже по аналогии с другими основами на дифтонг *-^ua*. Как бы то ни было, конечный гласный в нганасанском не соответствует гласному в маторском, поэтому требовать соответствия ауслота тоже не приходится.

5. Как было сказано в пункте 3.3, нган. *tand^ua^c* и, соответственно, мат. *tändü(h)* ‘широкий’ производны от ПС основы **cāncə*. Аналогичный случай можно видеть в приведенном выше мат. *čojbuh*, нган. *d'ojba^c* ‘сирота, вдова’: ненецкий и, возможно, селькупский языки указывают на конечный **-a* ((SW 50—51): **jzjwa*), а маторский — на **jajwi* или **jojwi* (MS 234); нганасанский также указывает на иной, чем **-a*, гласный второго слога. Можно полагать, что нган. и мат. формы восходят к ПС **jzjwö-w* или **jzjwo-w*, производному от ПС **jzjwa*. Очевидно производно и нган. *sor^ua^c*, ср. *soru-* ‘идти (о дожде)’ (Хел., (НРС 156)) и, следовательно, соответствующее ему мат. *sörüh*. Производным, по-видимому, является и мат. *ñimü(h)*, *nimü(h)*, нган. *ñimi^c* ‘молоко; женская грудь’ и их соответствия в других языках — ср. ПС **ñim* (~ **ñim*) ‘сосать’ (SW 110—111; MS 320, 324). Это же касается мат. *möjüh* (? *mojuh*) ‘душа’ — от ПС

*wäjŋ-. Наконец, посмотрев на список маторских основ на *-h* в пункте 3.5, легко увидеть, что как минимум четыре имени в нем являются очевидно производными.

Как видно, ПС **-w* могло образовывать именной суффикс, о значении которого мы пока судить не беремся⁶.

Зато достаточно очевидно значение другого суффикса *-c* в нганасанском, образующего стативные непереходные глаголы от предельных (переходных или непереходных), ср. *bätu-* ‘вырастить’ — *bəð^ua^c-* ‘расти’, *kuntu-* ‘уснуть’ — *kund^ua^c-* ‘спать’. В других самодийских языках этим глаголам соответствуют пары с чередованием конечного гласного основы⁷, и так же они реконструировались для ПС: ср. **kontå-* ‘einschlafen’ ~ **kontê-* ‘schlafen’ (SW 73), **konta-* ~ **kontö-* (MS 286) и многие другие примеры. Мы полагаем, что стативные члены этих пар были образованы от предельных с помощью суффикса *-w*, который вызывал также чередование предшествующего гласного: **kontå-w-* > **kontö-w-* (см. то же мнение в (Aikio 2002: 11), где предлагается и уральская параллель). Заметим, что в отличие от ауслauta, в преконсонантной позиции *-w* в маторском не оставил следов: ср. *kondə-* ‘спать’, *amdə-* ‘сидеть’ (нган. *ŋomtii^c-*).

6. Встает вопрос о происхождении ауслautного *-w* в нганасанском и маторском языках. Возможно предполагать, что

⁶ Похожий суффикс как будто реконструируется для прауральско-го: **wa/*-wä*, ср. ПФУ **koj-wa* ‘береза (Janhunen 1981: 241), ПУ **kuji-wä* ‘змея’ (Aikio 2002: 43), однако падение конечного гласного в этом случае нуждается в объяснении.

⁷ Собственно, и в нганасанском на поверхностном уровне есть лишь чередование последнего гласного основы; глубинный консонант, напомним, — лишь морфонологический символ, позволяющий учесть чередование ступеней согласных.

речь идет о дифтонгизации предшествующего гласного, которая охватила не только маторский, как считалось ранее, но и нганасанский (ср. (Helimski 1997)). Есть, однако, свидетельства в пользу большей древности конечного *-w*.

Для прауральского восстанавливается не так много именных основ с *-w* в ауслауте — всего 4 по (Sammallahti 1988): **käläw* ‘in-law’, **nätiw* ‘in-law’, **te/äwiiw* ‘lung’, **we/äjiiw* ‘son-in-law’⁸. Одно из них, **nätiw* ‘деверь, шурин, зять, свояк’, к сожалению, не зафиксировано ни в маторском, ни в нганасанском, зато другие дают интересные результаты.

Рефлексы ПУ **we/äjiiw* ‘son-in-law’ присутствуют и в маторском, и в нганасанском: мат. *mijüh*, нган. *biŋi^c*, С *biŋi*, *biŋiŋ* ‘зять’ (см. п. 3.1) и предполагают реконструкцию ПС **wiŋiiw* (и во всяком случае не **wiŋə*, как предлагается в (Sammallahti 1988: 541)).

ПУ **te/äwiiw* ‘легкое’ сохранилось в нганасанском лишь в производном виде *’ei-nd’ə*, но и маторское *tiih* не соответствует предложенной там же ПС форме **tiwə*: для него нужно предполагать праформу **tiw*, которая объясняется либо аномальным падением гласного второго слога, либо, что кажется гораздо более вероятным, стяжением **tewiiw* > **tiw*.

ПУ **käläw*, сохранилось, наоборот, только в нганасанском: *’selu^c* (Хел.), (С) *’saluŋ* ‘свояк, свояченица’ с несомненным глубинным консонантом в ауслауте (ПС гласный второго слога не вполне ясен, но точно не ə).

Мы полагаем, таким образом, что данные маторского и нганасанского языков заставляют усомниться в том, что прау-

⁸ Обращает на себя внимание преобладание в этом списке названий родственников по браку, что опять же наводит на мысль о суффиксальной природе **-w*.

ральское конечное *-w выпадало в прасамодийском, как считалось ранее (Sammallahti 1988: 485). Немалое количество нганасанских основ, оканчивающихся на глубинный консонант, а также и маторских на -h, открывают интересные возможности не только для прасамодийской, но и для прауральской реконструкции.

Литература

- НРС = Костеркина Н.Т., Момде А.Ч., Жданова Т.Ю. Нганасанско-русский, русско-нганасанский словарь. СПб.: Просвещение, 2001.
- Хелимский Е.А. Очерк морфонологии и словоизменительной морфологии нганасанского языка // Хелимский Е.А. (ред.). Таймырский этнолингвистический сборник. Вып. 1: Материалы по нганасанскому шаманству и языку. М.: РГГУ, 1994. С. 190—221.
- Хелимский Е.А. Самодийские лексические заимствования в тюркских языках: этимологии и оценка их достоверности // Хелимский Е.А. Компаративистика. Уралистика: Лекции и статьи. М., 2000. С. 301—312.
- Aikio A. New and Old Samoyed Etymologies // FUF 2002, 57. P. 9—57.
- Castrén M.A. Wörterverzeichnisse aus dem samojedischen Sprachen / Bearbeitet von Anton Schiefner. St. Peterburg, 1855.
- Donner K. Kamassisches Wörterbuch nebst Sprachproben und Hauptzügen der Grammatik / Bearbeitet und herausgegeben von A. J. Joki. Helsinki, 1944.
- Helimski E. Zur Stellung des Matorischen innerhalb der samojedischen Sprachen (доклад, прочитанный на заседании Финно-угорского общества в Хельсинки 16 мая 1997 г.).
- Helimski E. Missing link found: Matorica Nova aus dem wissenschaftlichen Nachlass der grossen sibirischen Expedition // Mikola-konferencia 2002. Szeged, 2004. S. 59—74.

- Janhunen J.* Samoyedic-Altaic contacts — present state of research // MSFOu 1977, 158. P. 123—129.
- Janhunen J.* Uralilaisen kantakielen sanastosta // JSFOu 1981, 77. P. 219—274.
- Mikola T.* Studien zur Geschichte der samojedischen Sprachen / Aus dem Nachlass herausgegeben von Beáta Wagner-Nagy. (SUA 45.) Szeged, 2004.
- MS = *Helinski E.* Die Matorische Sprache: Wörterverzeichnis — Grundzüge der Grammatik — Sprachgeschichte / Unter Mitarbeit von Beáta Nagy. (SUA 41.) Szeged, 1997.
- Sammallahti P.* Historical phonology of the Uralic languages, with special reference to Samoyed, Ugric and Permic // Sinor D. (ed.). The Uralic languages: Description, history and foreign influences. Leiden et al.: Brill, 1988. P. 478—554.
- SW = *Janhunen J.* Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1997.

ЛИЧНЫЕ ИМЕНА В КАМАСИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Тезисы

Корпус засвидетельствованных камасинских личных имен состоит из 6 женских и 14 мужских имен, а также 14 фамилий.

1а) Женские имена: *Аккэна*, *Бангарин*, *Тягэлэк* ‘маленькая птица’, *Тидя* ‘маленькая птица’, *Комэстай* ‘Играющая на кобысе [?]’, *Ташишо*.

1б) Мужские имена: *Будюррак*, *Иди-бүзе* ‘маленький старик’, *Көчүн-күд’эр* ‘хитрый странник [?]’, *Мактазэн* ‘хвастун’, *Нактадяк*, *Намбэй*, *Покту* или *По’ду* ‘грязный’ или ‘коза’, *Сагэр н’и* ‘черный мальчик’, *Сурастай*, *Тэмэй* ‘грязный’, *Тарча-бардя* (~ *Пол-бардя*), *Тори-кадул* ‘бурое лицо [?]’ (имена людоеда), *Тү’д’үк* ‘говнюшко’, *Уражэ* (люди, которые жили раньше в Сибири).

2) Фамилии: *Алджибаев*, *Анджигатов* (~ *Силэзенг* ‘имеющие жир’), *Ашпуров* (~ *Н’игэзенг* ‘орловые’), *Байга(санг)*, *Бугасанг*, *Джибёв* (~ *Мадорлар* ‘маторы’), *Соломатов*, *Судачаков*, *Шайбин*, *Татарсанг* ‘татары’, *Ургунесанг* (*Ургу-* ‘большие’).

Как видно, из 34 имен и фамилий только 16 являются полностью или частично этимологизированными. Несколько мужских имен соответствуют тюркской традиции покровительских имен (имена с негативной семантикой, например ‘грязный’). С другой южно-сибирской тюркской традицией связано имя ‘Черный Мальчик’.

В докладе будут представлены известные, а также новые результаты исследований, проведенных в контексте камасинских языковых и культурных связей.

Н.Б. Кошкарева
Институт филологии СО РАН
г. Новосибирск

О ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ ОПИСАНИИ ДИАЛЕКТОВ НЕНЕЦКОГО ЯЗЫКА

С 2006 г. по инициативе администрации Ямало-Ненецкого автономного округа проводится лексикографическое описание языков коренных народов Ямала – ненецкого, хантыйского, селькупского и коми.

Несмотря на то, что в 1965 г. Н. М. Терещенко был опубликован большой по объему и богатый по иллюстративному содержанию «Ненецко-русский словарь» (более 22000 слов), представляющий собой уникальный по многим параметрам образец, задача лексикографического описания ненецкого языка остается по-прежнему актуальной.

В словарь Н. М. Терещенко вошли материалы, прежде всего, по западным говорам тундрового диалекта ненецкого языка, частично – по ямальскому (восточному) говору. В настоящее же время ненецкий язык лучше всего сохраняется и активно преподается на территории Ямало-Ненецкого АО, где распространены такие восточные говоры тундрового диалекта, как ямальский, приуральский, тазовский, гыданский, антипаютинский, обладающие многими специфическими чертами в области фонетики, лексики, морфологии и синтаксиса, отличающими их от других говоров тундрового диалекта ненецкого языка. Строго говоря, выделение этих говоров весьма условно, так как достоверной исчерпывающей информации об их особенностях современная самоэнология не

располагает. Поэтому назрела необходимость создания словаря, в котором были бы последовательно представлены материалы, относящиеся к говорам полуостровов Ямал и Гыдан.

В отечественной и зарубежной лингвистике разработана многоуровневая типология словарей [Mosel 1999, 2004; Лукьянова 2005; см. также библиографию к этим статьям], накоплен богатейший опыт изучения диалектов как русского языка, так и языков народов Российской Федерации. Сложилось представление об особом типе словаря – **диалектного**, который представляет собой разновидность **толковых** (одноязычных) словарей, описывающих лексику одного диалекта или группы диалектов, ограниченно функционирующую как в территориальном, так и в функциональном отношении: такая лексика оценивается как находящаяся за пределами литературной нормы (хотя можно говорить о том, что она отражает особую – диалектную норму).

По отбору лексем различают диалектные словари двух типов:

1) дифференциальные, включающие слова, отсутствующие в литературном языке или имеющие различия со словами литературного языка (семантические, просодические, грамматические);

2) полные (недифференцированные), в состав которых входят все бытующие в речи диалектоносителей слова, как общенародные, так и локально ограниченные [Кармакова 1997: 114-117].

Применительно к ненецкому языку на сегодняшний момент нет возможности говорить о создании дифференциального типа диалектных словарей. Этому препятствует, прежде всего, отсутствие единого литературного

ненецкого языка, по отношению к которому та или иная лексика трактовалась бы как территориально ограниченная: не известно, относительно какого эталона то или иное слово следует считать диалектным.

Создание словаря затрудняет отсутствие достаточной для лексикографической работы фактической базы для всех без исключения ненецких диалектов – письменных текстов разной жанровой принадлежности, которые послужили бы первоначальным источником для формирования словника и иллюстративной части. Это ставит перед составителями задачу одновременно и инвентаризации имеющихся текстов, и создания достаточно представительного корпуса текстов путем записи образцов фольклора и бытовых текстов, а также сбор лексического материала в полевых условиях в непосредственном общении с информантами.

В сложившейся языковой ситуации, в которой большая часть молодого поколения лучше владеет русским языком, чем родным, актуально создание **полных двуязычных** словарей комплексного типа, отражающих не только лексический состав того или иного диалекта или говора, но и особенности функционирования и системные связи лексем между собой. Словарная статья такого словаря может включать информацию лексического, грамматического, функционального и нормирующего характера. Приведем примерную структуру словарной статьи такого словаря:

- 1) лексема на ненецком языке;
- 2) основная грамматическая информация:
 - а) часть речи;

б) грамматические признаки, в частности: для имени – тип склонения, возможность изменения по числами др.; для глагола – аспектуальная характеристика, возможность употребления в разных типах спряжения (только субъектное, субъектное и объектное, рефлексивное); инфинитные формы глагола;

в) чередования при формообразовании (особенно связанные с гортанным смычным);

г) отдельные формы, имеющие особенности формообразования;

3) перевод на русский язык с учетом многозначности и особенностей управления (с указанием падежных форм имен, которыми управляет глагол, и примерами словосочетаний);

4) примеры устойчивых словосочетаний (фразеологизмы);

5) примеры предложений с лексемами в разных значениях, в разных формах;

6) сопутствующая грамматическая информация:

а) поморфемная разбивка;

б) словообразовательная цепочка;

г) словообразовательное гнездо;

7) синонимы, антонимы, паронимы и др.

Необходимость введения в структуру словарной статьи обширной грамматической информации вызвано тем, что словарь может быть востребован в практике школьного преподавания ненецкого языка, поможет школьникам в практическом изучении такого, например, раздела грамматики, как «морфология».

Одним из требований к современному словарю ненецкого языка должен быть его «активный» характер: в отличие от обычного двуязычного словаря, который предназначен, прежде

всего, для «пассивного» использования – перевода с одного (как правило, неродного) языка на другой (родной), словари ненецких диалектов должны помогать их пользователям грамотно выражать свои мысли на родном языке.

Словарь должен также сопровождаться аудио- и видеоприложениями, что является современным требованием для словарей исчезающих языков, а также языков, находящихся под угрозой исчезновения, к каковым можно отнести и ненецкий язык.

Таким образом, на данном этапе целесообразно создание полных двуязычных словарей для каждого диалекта, которые в дальнейшем могут послужить основой сводного словаря всех ненецких диалектов. Такой словарь позволил бы разграничить общененецкую лексику, единую для всех диалектов, и диалектные слова, имеющие ограниченное территориальное распространение. На этой основе станет возможным создание собственно диалектного – одноязычного толкового словаря.

Недостаточность достоверной информации о границах между диалектами может восполнить создание диалектологических атласов, включающих систему сопоставимых карт фактографического или обобщающего характера. Совокупность таких карт сформирует пространственную модель языка (речи) или отдельных его уровней [Сухачев 1974: 35]. Диалектологический атлас позволит более точно распределить выявленные различия по диалектам и уточнить ареалы их распространения.

На территории Ямало-Ненецкого АО сложилась уникальная языковая ситуация, характеризующаяся явлениями дву- и полиязычия, так как в непосредственном контакте друг с другом на одной территории проживают представители

нескольких этносов – ханты, ненцы, коми, селькупы. Взаимное влияние языков друг на друга очень интенсивно. Многие диалектные различия могут быть объяснены языковыми контактами и заимствованиями, которые носят не только прямой характер, но и опосредованный – как заимствование типичных языковых структур или характерной грамматической семантики. Нанесение на одну карту однотипных изоглосс по разным языкам даст картину ареальных контактов и поможет прояснить источник диалектных расхождений.

Список использованной литературы

Кармакова О. Е. 1997. Диалектные словари - *Русский язык: энциклопедия*. М., С. 114-117.

Лукиянова Н. А. 2005 Типология русских лингвистических словарей - *Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 4. Вып. 4. Филология*. Новосибирск, С. 20-45.

Сухачев Н. Л. 1974 Лингвистические атласы и карты - *Проблемы картографирования в языкознании и этнографии*. Л.: Наука, С. 33-43.

Терещенко Н. М. 1965 *Ненецко-русский словарь*. М.: Советская энциклопедия,

Mosel U. 1999 An introduction to lexicography for endangered languages - *Sommerschule für Feldforschung und empirische Sprachwissenschaft 13-24 September, Kiel* (рукопись).

Mosel U. 2004 *Dictionary making in endangered speech communities*. Frankfurt (рукопись).

Крюкова Е.А.
Томский государственный
педагогический университет

ПРИМЕНЕНИЕ ТЕОРИИ ПОЛЯ ПРИ ОПИСАНИИ И КЛАССИФИКАЦИИ ЧАСТЕЙ РЕЧИ ¹

Корпус засвидетельствованных камасинских личных имен состоит из 6 женских и 14 мужских имен, а также 14 фамилий.

1а) Женские имена: *Аккэна*, *Бангарин*, *Тягэлэк* ‘маленькая птица’, *Тидя* ‘маленькая птица’, *Комэстай* ‘Играющая на кобысе [?]’, *Таишо*.

Проблема классификации частей речи постоянно находится в центре внимания лингвистов и развивается вместе с наукой о языке; с появлением новых направлений в лингвистике возникают подходы, которые помогают по-другому взглянуть на систему частей речи как в общем, так и в частном языкознании.

Традиционные принципы выделения частей речи (формально-морфологический, семантический и синтаксический) даже при их удачном сочетании представляют большей частью опыт индоевропейского языкознания и не всегда подходят для систематизации классов слов в языках других типов.

Практически для всех языков универсальным признается наличие таких частей речи, как имя и глагол. Классы прилагательных и наречий выделяются не во всех языках, т.к. значение признака может выражаться именами в основной

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта РФФИ «Создание компьютерной базы данных по языкам народов Обского и Енисейского бассейнов», проект № 07-06-00227.

форме, притяжательными и предложными конструкциями, глаголами.

Как должен поступить исследователь в случае, если у «прилагательных» и «наречий» (в понимании традиционной грамматики) нет специальных классных показателей (аффиксов), которые бы указывали на их категориальную принадлежность? Рассмотрим такую ситуацию на примере кетского языка (1), (2).

(1) mad. *tΓηal'* *tβη=diŋta* *qomat* *hiscej*
высокий камни=мест.личн.п. мало

лес

‘На **высоких** горах мало леса’.

(2) mad. *bū* *tΓηal'* *dūroq*

‘Он **высоко** летит’.

В примере (1) слово *tΓηal'* является определением при имени, а в примере (2) прилагольным распространителем. В обоих случаях отсутствуют какие либо маркеры, по которым можно было распознать в слове либо прилагательное, либо наречие.

Кроме того, в препозиции к определяемому слову *tΓηal'* остается морфологически неизменяемым, следовательно, так называемые «прилагательные» и «наречия» невозможно противопоставить друг другу в виде парадигматических группировок.

Обычно то, что может объединять прилагательные и наречия в языке, это наличие степеней сравнения, которые выражаются морфологически. Типологической особенностью кетского языка является отсутствие грамматической категории степеней сравнения. Значение степеней сравнения передается

конструкциями с исходным падежом, а также лексическими средствами.(3), (4), (5):

(3) кет. *qoʒʃ qaj=daŋal qaʒ de:s'ij*
медведь лось=**исх.п.** **большой** кричит

‘Медведь кричит **громче** лося’ [Werner 1997a: 148].

(4) сул. *āb s'eʒl' bʈ'de=naŋal qa=ru*
мой олень все=**исх.п.** **большой**=прд.афф.3л.м.р

‘Мой олень **больше** всех’ [Бибикова 1971: 137].

(5) кур. *his'sej tul'et aqta on'=am*
лес ягода **хорошо**

много=прд.афф.3л.неодуш.

‘В лесу ягоды **очень** много’.

В примере (3) используется конструкция с существительным в исходном падеже для выражения значения сравнительной степени, в примере (4) превосходная степень передается словом кет. *bʈ'da* ‘все’ в исходном падеже, а в примере (5) для выражения качественного признака, который проявляется в большей степени, применяется слово с градуальным значением кет. *qaʒ* ‘сильно / очень’.

Однако в кетском языке есть черта, которая объединяет приименные и приглагольные распространители. Часть слов с локативным значением и большая группа слов качественной семантики, способны употребляться в предикативной функции. В предикативной функции определители имен и глаголов в кетском языке маркируются специальными суффиксами, которые указывают на класс, лицо и число определяемого слова. Эти суффиксы частично совпадают с личными показателями глаголов ряда [-*di-du*].

Таблица. Личные показатели глаголов и предикативные аффиксы в кетском языке

	1 л. ед.ч.	2 л. ед.ч.	3 л. м.р. ед.ч.	3 л. ж.р. ед.ч.	3 л. неод. (ед. и мн.ч.)	1 л. мн.ч .	2 л. мн.ч .	3 л. мн.ч .
лич пок.	di-	u-	du-	da-	dã-	di- ...-n	ku- ...-n	du- ...-n
прд. афф	-di	-ku	-du	-da	-am	-daŋ	-kaŋ	-aŋ

В Таблице представлена полная парадигма личных показателей глаголов ряда *[-di-du]* и предикативных суффиксов. Рассмотрим словообразование личных форм глагола *t6:l* ‘мерзнуть’ и предикативных форм приименных и приглагольных определителей на следующих примерах:

- (6) *bŋ=da* (7) *kiseŋ=da*
 крепкий=3л.ж.р.ед.ч. здесь=3л.ж.р.ед.ч.

‘Она крепкая’. ‘Она здесь’.

- (8) *da=t6:l* (9) *da=on=t6:l*
 3л.ж.р.ед.ч=мерзнуть

3л.ж.р.ед.ч=прош.вр=мерзнуть

‘Она мерзнет’. ‘Она замерзла’.

Предикативные суффиксы в кетском языке в большинстве форм материально совпадают с рядом личных префиксов глаголов (ср. (6), (7) и (8) (9)). Личные показатели в предикативных словоформах занимают одинаковую крайнюю правую позицию (6), (7) и синкретически выражают грамматическое значение лица, рода/класса (в 3 лице ед.ч.) и числа.

Вернемся к вопросу, поставленному ранее: как поступить исследователю в случае, если у приименных и приглагольных распространителей нет морфологически выраженной маркировки их категориальной принадлежности? При этом они являются морфологически неизменяемыми, однако принимают одни и те же аффиксы в предикативной функции. Возможно несколько решений данной проблемы. С одной стороны, можно «подогнать» классификацию частей речи под общепринятый стандарт и выделить в кетском языке прилагательные и наречия. Более сложный путь – рассмотреть приименные и приглагольные распространители как единый класс, одну часть речи.

Второй путь решения более сложный, т.к. предполагает появление очередной задачи: как описать системно такой большой смешанный класс, который по своему словообразованию и семантике является неоднородным.

Преодолеть трудности описания этого большого класса поможет применение теории поля, которая позволяет решать проблемы не только межкатегорных границ, но и системно представить отношения между членами одного класса.

Таким образом, лексико-грамматический класс слов, например смешанный класс приименных и приглагольных определителей, можно представить как структуру с ядром и периферией, где в пределах одной категории возможен плавный переход от ядра к ближней периферии, от ближней периферии к дальней.

В докладе предлагается вариант описания класса слов-определителей в кетском языке с использованием теории поля.

периферией, где в пределах одной категории возможен плавный переход от ядра к ближней периферии, от ближней периферии к дальней.

В докладе предлагается вариант описания класса слов-определителей в кетском языке с использованием теории поля.

А.И.Кузнецова
Государственный университет
им. М.В. Ломоносова
г. Москва

ПРЯМАЯ И КОСВЕННАЯ РЕЧЬ В СЕЛЬКУПСКОМ ЯЗЫКЕ

Прямая и косвенная речь существуют во всех языках, но при описании синтаксиса самодийских языков обычно данная тема в качестве самостоятельной не рассматривается, хотя примеров с прямой и косвенной речью всегда приводится немало. Достаточно посмотреть книгу Натальи Митрофановны Терещенко «Синтаксис самодийских языков. Простое предложение» (Терещенко 1973), чтобы убедиться в этом. Здесь в большом количестве встречаются примеры на прямую (*oratio recta*) и косвенную речь (*oratio obliqua*). Их можно обнаружить в названной монографии при описании видов синтаксической связи с точки зрения управления (прямого или косвенного) в предложении. Не менее часто встречаются примеры с прямой или косвенной речью при исследовании типов простых предложений по цели высказывания (вопросительные, повествовательные и / или побудительные и восклицательные). Едва ли не больше всего материала на прямую и косвенную речь встречается в разных работах по синтаксису в тех случаях, когда речь идет о бессоюзных сложных предложениях. При обсуждении проблем, связанных с членами предложения (подлежащим, сказуемым, прямым и косвенным дополнением, обстоятельством и определением) или с типами предложений по структуре (односоставные и двусоставные с их внутренними подразделениями), также то и дело используются примеры прямой или косвенной речи.

Однако проблема прямой и косвенной речи в самодистике не выделяется в самостоятельную тему. В дальнейшем я попытаюсь сделать это на материале селькупского языка и провести сравнение результатов, которые будут получены, в историческом срезе: можно сравнить материалы 1940-х, 1970-х годов и периода конца XX – начала XXI вв.

Под прямой речью понимается «дословное воспроизведение чужого высказывания, сопровождаемое комментирующей репликой говорящего («словами автора»)» (ЛЭС 1990, с.404). В данном определении ничего не сказано о диалогах, не говорится и о том, как может выглядеть «комментирующая реплика». Считается, что прямая речь (в отличие от косвенной, которая является синтаксически организованной) «строится по принципу ‘паратаксиса’ – свободного соположения конструктивных частей без грамматически выраженной их связи» (Т.ж.). Косвенная речь является одной из форм передачи чужой речи, в связи с чем в русском языке она чаще всего бывает синтаксически организована по принципу сложноподчиненного предложения. Получается «речь в речи или сообщение о сообщении», как это трактует И.Н. Кручинина (ЛЭС 1990, с.244).

На самом деле, всё сказанное может быть адекватным определением лишь для письменных литературных языков, но никак не для селькупского, который относится к младописьменным языкам, не имеющим еще своей литературы, хотя и обладающим богатейшим фольклором (в основном – в устной форме). Между прямой и косвенной речью селькупов (в анализируемых текстах она представлена в письменном виде или в транскрипции, но без учета интонации) часто невозможно установить их границы, в отличие от русского

языка, где это сделать значительно проще, учитывая наличие в нем хорошо разработанных правил пунктуации. В отношении селькупского языка следует говорить о фиксации на письме характерных примет разговорной речи, вариантом которой можно считать печатный текст сказок. По сравнению с русским языком косвенная речь в селькупском языке выглядит иначе (при наличии, разумеется, и некоторых сходных черт), что не может не сказаться на выражении и прямой речи. Прежде всего, следует помнить, что в северных говорах селькупского языка, судя по текстам второй половины XX в. (см. материалы Л.А. Варковицкой 1940-х гг. и Очерков 1980-1990-х гг., материал для которых собирался в 1970-е гг.), при всех колебаниях в порядках слов в целом первенство сохраняют три порядка – OV, SOV и SV (подробнее см. (Кузнецова 1999)). При этом в 1940-е гг. из указанных трех порядков первое место принадлежало порядку OV (SV занимало второе место), в 1970-е гг. – порядку SV при почти равном количестве двух других. Так называемые включенно-личные предложения, в которых подлежащее формально отсутствует при наличии указания на него в глагольных окончаниях, встречаются в текстах Л.А. Варковицкой в большем количестве, чем в записях 1970-х и более поздних годов. Что касается предложений, передающих прямую или косвенную речь, то они присутствуют в значительном количестве во всех текстах обоих периодов. Однако их употребительность зависит во многом от сюжета и рассказчика, а построение косвенной речи претерпевает постоянные трудности, испытывая, с одной стороны, давление со стороны русского языка (о чем свидетельствует все нарастающее количество заимствованных союзов в селькупском языке), а с другой стороны,

сохраняя склонность к «рубленной» прозе, типичной для разговорного языка. В результате возникает ситуация, при которой косвенная речь далеко не всегда по своим синтаксическим свойствам противостоит прямой речи, и бывает трудно провести границу между ними.

Прямая и косвенная речь в селькупских текстах 1940-х и 1970-х гг.

Косвенная речь представляет собой такую форму передачи чужой речи, синтаксически организованную в виде сложного предложения, которая может быть образована путем соединения обычно двух предложений по способу бессоюзной или союзной связи частей, а во втором случае на основе подчинения или сочинения. При этом возможны разного типа полипредикативные конструкции. В одних ситуациях речь может идти о сложносочиненном предложении или даже о двух простых, связь между которыми должна домысливаться слушателями сказки. В других случаях синтаксическая конструкция сложноподчиненного или бессоюзного предложения имеет предикацию в каждой части сложного предложения и может быть истолкована как два простых предложения. На изоморфизм простого и сложного предложений указывал в свое время Ф.И. Буслаев применительно к русскому языку. В целом в синтаксисе русского и селькупского языков больше отличий, чем сходств. Напр., в селькупских текстах ни разу не встретились примеры прямой речи типа русского вопросительного предложения, в котором вопрос о способности адресата выполнить какое-либо действие на самом деле выражает просьбу («Ты можешь (и даже «Ты не можешь ли...») налить мне чашку чая?»).

В текстах, записанных Л.А. Варковицкой¹, выделяется несколько разных способов ввода прямой речи. К ним относятся, прежде всего, употребление слов разных семантических групп, предшествующее самой речи персонажа. Чаще всего это глаголы речи (*kətyqo* ‘сказать’, *koMumturyqo* ‘говорить’, *laMkyšqo* ‘кричать’, *soquňčyqo* ‘спрашивать’ и т.п.) или глаголы бытия, выполняющие в этом случае функцию глаголов речи (*ēqo* ‘быть’, *esyqo* ‘стать; сказать’). Реже для ввода прямой речи встречаются глаголы, означающие мыслительные процессы (*tenuryqo*, *tēryqo* ‘думать’). Глаголы зрительно-слуховые (*mennumturyqo* и *mannumturyqo* ‘видеть, смотреть’, *üMkylqo* ‘слушать’, *üntyšqo* ‘слышать’) и другие также могут выполнять функцию ввода прямой речи:

(1) I nil'čik *kətyMyt* “*Ukot kuttar koččik amyrkylt*” «И (одно из имен Ичи, героя селькупских сказок – А.К.) так сказал: ‘Раньше как много ели-вы’» (Варковицкая 1941, тетр. 5, с. 10). (1a) *TəmnāMka laMkyňna*: “*Ukkyršak qəllĩ*” «Томненка кричит: ‘Вместе давай пойдём!’» (Очерки 1993, с. 12, №36–37).

(2) *Nyny Ičakečika nil'čik esa*: ‘*Esə čarəqyt mat əsəp utyty səkalkyty ej topyty, nynu pop sitty qoqylekyty*’ «Потом Ичакечика так стал: ‘Раньше (в давнее время) мой отец руки засовывал и ноги, потом дерево надвое распяливал’» (Варковицкая, тетр.5, с.1–2).

(3) *Ičakečika čəp tenyrpa*: ‘*Qəntyk tanyqo nətna?*’

¹ В примерах из текстов Л.А. Варковицкой в целях унификации подачи материала заменяются некоторые из используемых ею знаков: у на ü, ь – у, с – č, á – ə, æ – ä, э – ə. Знак æ иногда остается без изменения, если после примера указывается источник текста.

«Ичакечика подумал: ‘Как вылезать надо?’» (Варковицкая 1941, тетр.5, с.2). **(3а)** *Nyl'čik tenyrpa*: ‘Qæntyk qumimyu čæk moqynæ tyl'čátyt’ «Так подумал: ‘Как люди мои скоро назад пришли’» (Там же, с.13). **(3б)** *Nŷny nĭk tenyrpa ... na qur*: ‘*Kučč*: *qæntak?*’ «Потом так думает... этот человек: ‘Куда пойду?’» (Очерки 1993, текст 2, с.11, №89).

(4) *ŷMkylympaty*: *kos qaj tiintyloryččy sättypyk* ‘Услышал: кто-то подходит тяжело’ (т.е.тяжелой поступью). **(4а)** *Qol'čympaty lōs-ira*: “*Kŷsytmyl' čaMkōqyt sūryk ŷja ŷmnynty*”. «Увидел черт-старик: ‘В счастливой ловушке птенчик сидит’ (Очерки 1993, с.15, текст 5, №24 и 26).

В одних примерах (1,1а, 2) не возникает сомнения, что в них представлена прямая речь, вводимая глаголами речи и обращенная либо к кому-то другому, либо к самому себе. Примеры (3, 3а, 3б) можно расценивать и как сложные бессоюзные предложения, в каждом из которых есть свои предикаты, и как прямую *внутреннюю речь*, вводом в которую служат глаголы зрительно-слуховой или мыслительной семантики (в таком случае следовало бы прямую речь брать в кавычки, что и сделано в приведенных выше материалах). Эта внутренняя речь может касаться как самого говорящего (3, 3б), так и кого-то другого (3а). Речь, обращенную к самому себе, Л.С. Выготский называл эгоцентрической и считал ее переходным этапом от внешней к внутренней речи. В отношении остальных предложений можно колебаться, будут ли они сложносочиненными или сложноподчиненными предложениями (однозначно это можно утверждать про предложения, в которых речь идет в обеих частях его о разных лицах). Так, в (4 и 4а) в первых частях предложения

речь идет о чёрте, а во вторых – о птенчике (4а) и еще о ком-то (4). Если предложение превратить в сложноподчиненное, введя союз *qos* ‘что’, двусмысленность исчезнет. Равновероятно истолковать их и как переходную стадию от простых предложений к сложноподчиненным, что типично для разговорной речи не только селькупского, но и других языков (‘услышал, (что) кто-то подходит’; ‘увидел, (что) в ловушке птенчик сидит’). В частности, об этом писала применительно к хантыйскому (казымский диалект) и ненецкому (диалект лесных ненцев) языку Н.Б. Кошкарёва (Кошкарёва 2007). Об этом же свидетельствует история становления сложных синтаксических конструкций в русском языке. Сложные предложения рождались на базе ряда свойств (признаков) смысловой и формальной организации синтаксических конструкций, сложившихся на основе реальной в древних текстах последовательности дискретных предикативных единиц. При этом учитывались смысловые основания их связей, позиция самой предикативной единицы со служебным словом и служебного слова в составе предикативной единицы и некоторые другие параметры (Преображенская 2000, с.134-135). Нечто подобное наблюдается и в селькупском языке в отношении появления предложений с прямой и косвенной речью.

Ввод в прямую речь в селькупском языке (обычно в препозиции) далеко не всегда осуществляется с помощью указанных глаголов (речи, бытия, видения и др.). Нередко встречаются фразы, где просто указывается персонаж, которому принадлежат реплики. Напр., в мифе об охоте на лося (р: qqu) рассказывается, как охотники (селькуп, ненец и тунгус) обсуждали, «*qentyk amyrtäntätýt* «как есть будут-они»:

Qælyk: Mat mæcip amyrtaet (вместо *amyrtaem* – А.К.). *Šöl'qur: Mat mæcip ašša amyrčenčak* (sic! – А.К.), *mat čiqæk moqynæ qænnučenčak*». «Ненец: 'Я мясо (сырое) есть буду'. Селькуп: 'Я мяса (сырого) не буду есть, я к котлу-своему назад пойду'» (Варковицкая 1941, тетр. 3, с. 1).

Нередко в текстах встречаются диалоги персонажей, как в сказке о полете И (Ий, Ича) на птице ŠоМе, которая больше орла и которая согласилась перевезти Ийя с условием, что тот будет ее кормить в пути, сделав запасы продуктов и воды:

Nany timpa. – 'Kussa apsolyt ej mity'. Некоторое время летят. – 'Ну-ка, еду опять давай!'.

Tар nil'čik kætyMyt: – 'ŠæMka'. Он так говорит: – 'Нет'.

– 'Ompæ yllæ šinty čattentak'. Сейчас вниз тебя брошу.

Qur pælentу mæcip mattуMyt, mil'čity ej ütyl' kala. Человек мясо икры своей отрезал, отдал еще воды ковшик.

Innæ tulynhá. – 'Kussa yllæ paktæšik!' Вверх тащит. 'Ну-ка, вниз прыгай!'

– '*Mat kuttar yllæ paktylæk, tat mat topур apsal'*. 'Я как вниз прыгну-я, ты мою ногу съела'.

Tар ponæ totуMyt yllæ l'okaltel'čity. Ukol' ültу koššik esa, til' ültу soma eMa. Она наружу выблевала, вниз прилепил. Внешний вид плохой был, теперь вид хороший есть. (Варковицкая, тетр.5, с.17-18). Диалогов подобного типа много и в сказках 1970-х гг. (см., напр., тексты №№ 1, 5–7, 18,19, 25 и др.) (Очерки 1993).

Смена одной реплики другой без вводных слов характерна для сказок, в том числе и записанных в начале III-его тысячелетия: «*Ukkyr čontoqyt nainta qälyM nil' tüntĕt: 'Tat*

qaj qumonty esanty? Palnap peMomyt' – ‘Man aš Palna, Palnat rabotniMĵk’» ‘Однажды вот есть ненцы так пришли: “Ты что за человек есть? Мы Палну ищем”. – ‘Я не Пална, Палны работник-я есть’ (ПМА 2003).

В современном селькупском языке косвенная речь, как и в более ранние периоды развития языка, передается посредством полипредикативных конструкций, достаточно полно описанных и у Н.М. Терещенко, и в Очерках 1980 г., причем чаще используются сложные бессоюзные предложения. Типичным можно считать перевод на селькупский язык примера «Когда он умирал, он сказал, что не слышит»: *Tər quntıpt: qyntı kätısyty ülqısyty somak ašša ünta* ‘Когда он умирал (букв. ‘в своем умирании’), он сказал, ухо-его хорошо не слышит’ (ПМА 2002). Одна и та же фраза может быть переведена по-разному разными информантами. Напр., предложение «Скажи брату, что я вернусь через два-три дня» переводилось 1) *Čopaqänty (III2SgPx) kätäty mat suqyltä tün-tak šitty-nĵqyr čelytōqyt (LocPl)* ‘брату скажи, я назад приду через два-три дня’; 2) *Timñantınyk kätät mat tünDak nĵqyr-tell’il’ čeltōqyt* (т.е. «через три на четвертый день; «четыре» должно быть ‘tetty’) (ПМА 2003). Во всех подобных случаях предпочтительно дается перевод сложным бессоюзным предложением. Четкого разграничения прямой и косвенной речи в современном селькупском языке нет, как не было его и в первой половине XX века.

Литература

- Варковицкая Л.А. Архив 1941.г. в 11 тетрадах + блокнот (рукопись).
Кошкарёва Н.Б. Типовые синтаксические структуры и их се-

- мантика в уральских языках Сибири. – Новосибирск, 2007. (автореферат докторской диссертации).
- Кручинина И.Н. Косвенная речь. Прямая речь. // ЛЭС 1990.
- Кузнецова А.И. Селькупский язык с точки зрения типологии слов // Типология и теория языка. От описания к объяснению. К 60-летию А.Е. Кибрика. – М., 1999, с.88-98.
- Кузнецова А.И. Что сказал бы Шварц о пунктуации в селькупском языке? // Язык и мы. Мы и язык. – М., 2006, с.273-283.
- ЛЭС – Лингвистический этимологический словарь. – М., 1990.
- Очерки: Кузнецова А.И., Хелимский Е.А., Грушкина Е.В. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Т. I. – М., 1980; Кузнецова А.И., Казакевич О.А., Иоффе Л.Ю., Хелимский Е.А. Т. 2. – М., 1993.
- ПМА – Полевые материалы автора 2002 и 2003 гг., собранные в с. Фарково Туруханского района Красноярского края.
- Преображенская М.Н. Эволюция структурных схем предложения в текстах памятников письменности XI-XVII веков // Сложное предложение: традиционные вопросы теории и описания и новые аспекты его изучения. – М., 2000: “Русский учебный центр”. Вып.1, с.134-139.
- Терещенко Н.М. Синтаксис самодийских языков. Простое предложение. – Л., 1973.

Р.И. Лаптандер
Музейный комплекс им. Шимановского
г. Салехард

ПЕРЕВОД ФОЛЬКЛОРНЫХ ТЕКСТОВ С НЕНЕЦКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ (на примере текста «Няхар’’ Пути»)¹

Корпус засвидетельствованных камасинских личных имен состоит из 6 женских и 14 мужских имен, а также 14 фамилий.

1а) Женские имена: *Аккэна*, *Бангарин*, *Тягэлэк* ‘маленькая птица’, *Тидя* ‘маленькая птица’, *Комэстай* ‘Играющая на кобысе [?]’, *Таишо*.

Практика перевода с ненецкого языка на русский не имеет сложившейся традиции. Необходимо подчеркнуть, что любой перевод – это, прежде всего, творческий процесс, который зависит от мастерства и опыта переводчика; от его возможности воспринять весь объем содержащегося в тексте смыслового и эмоционального содержания.

Слово «перевод» имеет несколько значений. Одно из них определяет мыслительную деятельность, процесс передачи содержания, выраженного на одном языке, средствами другого языка [Виноградов 2006:5]. Следующее значение этого понятия – это уже готовый устный или письменный текст. Процесс перевода состоит из двух этапов: первый – первичное восприятие текста, когда переводчик стремится понять текст оригинала. Данный этап важен, поскольку здесь ведущую роль играет не рациональное содержание текста оригинала, а его

¹ Текст был записан во время экспедиции в п. Антипаюта (п-ов Гыдан), 2006 г.

эмоционально-оценочное восприятие; второй – это конечная передача смысла текста оригинала средствами языка перевода.

Главная цель перевода – это передать содержание и смысл произведения.

Основная сложность перевода текстов с ненецкого языка на русский связана с тем, что это языки разных структур. Первый агглютинативный, а второй – флективный язык. Кроме того, культура ненцев и культура русских значительно различаются между собой. Ненцы всегда были кочевниками-оленоводами, поэтому их язык богат терминологией, связанной с оленеводческим хозяйством. Это и есть та фоновая информация, отражающая различные социокультурные сведения, характерные лишь только для определённой нации или национальности, освоенные массой их представителей и отражённые в языке данной национальной общности [Виноградов 2006:37]. Поэтому, если рассматривать процесс перевода с лингвистической точки зрения, для передачи смысла текста часто приходится давать описательную характеристику того или иного предмета или действия, чтобы читатель получил культурологическую и этнографическую информацию о предмете речи.

Н: 1) *Пэвсюмняңы ңорма ёльчаңгана пуңода хабармы хамдёңо' лэкочам' ңарка тэти Пути' не ня мичиты.* (12).

‘Во время ужина сестра старшего Пути давала ему (главному герою), обычно олени позвоночные кости без мяса со стороны аорты [даёт, потому что они не пригодны для еды, они без мяса].’

2) *Мань хэвхани тэврехэва, няхарм' сядотана суи' хоба лэт яңгцамда тю' илада.* (58).

‘Когда он подошёл ко мне, то занёс надо моей головой трёхгранную колотушку, длиной с телячью шкуру.’ [Яңгаць’ – колотушка из берёзы, изготовленная в форме лопатки или сабли. Различают женский или мужской яңгаць. Последним сбивают не только снег с одежды или нарт, но проверяют ягель и глушат пойманного зверя].

3) *Мань тэвмахадани, няхара малк” та хасерьяд”*.(38)

‘Как только я доехал, мои трёхгодовалые безрогие быки перестали так нестись. [В оленьей упряжке бывает запряжено от двух до шести оленей. Этим оленям спиливают рога, чтобы они не поранили друг друга].

Особую сложность для перевода представляет архаичная лексика, которая не употребляется в современном ненецком языке, но всё ещё встречается в фольклорных текстах.

Н: *Ҷани’ цахамдуна, еся иня”я’ мал тесичь цэвы*. (280).

‘Кстати сказать, конец железной вожжи оказался с железным наконечником.’

Нельзя не отметить, что фольклорные тексты богаты различными сравнительными оборотами.

Н: *Есь тахаравы, маданадрэв”, сёени’ цылна, ту’ мундрев”, икадавононда*. (254).

‘Полужелезный [аркан, для приношения жертв] на моей шее, как перерезанный ножом, со звуком, как треск костра, лопнул.’

Спорным вопросом является перевод на русский язык личных ненецких имён. Простые имена собственные без изменений переносятся в перевод.

Н: *Пути* – название древнего рода ненцев, которое довольно распространено в фольклоре;

Ёндерта Ёндерта;

Вэрако Вэрако;

Сёбар Сёбар.

Составные имена. *Нувэча Вэняко* – прозвище сироты, переводилось как ‘Молодая собака’, хотя в дословном переводе это звучит как: *нувэча* ‘молодая трава’, *вэняко* ‘собака’. В переводе оставили как *Нувэча Вэняко*

Интересны и другие смысловые имена собственные, такие как: *Сюдари Сыңгэрта*, оно переводится как ‘сказочный олень-великан, с высокой, мускулистой холкой и высоко выступающими лопатками’. Во время перевода встал вопрос, стоит ли переводить такие имена или просто транскрибировать. Остановились на последнем, но в сносках дали пословный перевод имён героев.

Имена следующих героев: *Пэдара’ лэсак* ‘Лесное чудище’; *Сюдбя ири* ‘Старик-великан’ были даны в переводе, поскольку их смысловая окраска и значение не были утеряны.

Часто бывает так, что строй предложения на языке оригинала отличается от перевода. В ненецком языке довольно часто встречаются предложения с предикатом, выраженным глаголом в объектном спряжении, когда даётся лишь информация о числе объекта. Данные предложения переводятся на русский язык с отдельно выраженным объектом и его количеством.

Н: *Тэврэйни’*.

‘Мы вдвоем привели их.’

Важно отметить, что восприятие переводчиком текста бывает неполным, если он не обладает достаточным знанием всех тонкостей языка. Поэтому над текстом «Няхар” Пути» работало несколько человек. Думается, что его перевод получился достаточно полным и точным.

Довольно сложно передать средствами русского языка красоту описания событий, которые даются в ненецком варианте. Тексты перевода всегда расходятся с текстами оригинала. Многое приводится лишь в описательном значении, порой даже с дополнительным пословным переводом с комментариями. Делается это не специально, а объясняется сложностями перевода не только на языковом, но культурологическом, этнографическом и даже функционально-семантическом уровнях.

Литература

- Ахманова. О.С. *Словарь лингвистических терминов*. М., 2007.
- Виноградов. В.С. *Перевод. Общие и лексические вопросы*. М., 2006.
- Терещенко. Н.М. *Ненецко-русский словарь*. С-Пб., 2003.

УПОТРЕБЛЕНИЕ ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫХ СУФФИКСОВ В НГАНАСАНСКОМ ЯЗЫКЕ¹

1. Поссесивное значение личных притяжательных суффиксов. Назначение притяжательных суффиксов – выражать отношение принадлежности. В нганасанском суффикс оформляет имя, обозначающее обладаемое. Суффикс следует за маркером падежа. Суффиксы различны для трех лиц, 1-го, 2-го и 3-го, и трех чисел, единственного, двойственного и множественного, обладателя (9 вариантов), а также варьируют в зависимости от падежа и числа обладаемого в соответствии с морфофонологическими принципами нганасанского языка. Вариантов суффиксов по крайней мере 32. Варианты подробно проиллюстрированы в монографии Натальи Митрофановны Терещенко (1979: 96-98) и обобщены в виде таблицы в очерке Евгения Хелимского (1998: 496).

Если обладатель ясен из контекста, указание на него не обязательно. Насколько мне удалось выяснить во время работы с информантами, употребление притяжательных суффиксов не-

¹ Исследование проведено в рамках проекта *сравнительная грамматика самодийских языков 125225*, финансируемого Академией Финляндии. Я бесконечно благодарна моим нганасанским информантам Номуму Хурсабтеевичу Турдагину, Нянту Корореевичу Кокоре, Хеле Лаймареевне Порбиной, Ладун Нгадеевне Турдагиной, Деламте Хорабтеевичу Яроцкому и другим.

обязательно, если отношения собственности ясны участникам ситуации. Однако если обладатель выражен личным местоимением, то использование суффикса обязательно (примеры 1 и 2). При выраженном существительным обладателе в 3-м лице притяжательный суффикс возможен, но не обязателен (пример 4)².

1). *sitī n'üä-đī/*n'üä tuqä.*

он(а) ребенок-3 прийти-3

Его (ее) ребенок пришел.

2). *tänä n'üä-rä/*nüä tuqä.*

ты ребенок-3 прийти-3

3). *n'üä-rä tuqä.*

Твой ребенок пришел.

4). *n'enama-nä n'üä/n'üä-đī tuqä.*

сосед-1G rebenok/rebenok-3 прийти-3

Ребенок/ребенок моего соседа пришел.

(Leisiö 2004)

Если обладатель ясен участникам ситуации, эксплицитное выражение его необязательно - достаточно одного притяжа-

² В статье приняты следующие условности и сокращения. "q" означает гортанный смычный. Немаркированными считаются такие категории, как настоящее время, именительный падеж, единственное число; они не отмечены в морфемном анализе. Таким образом, в случае глагола «- 3» означает 3-лицо единственного числа настоящего времени, а в глоссинге имени то же означает «[суффикс] 3-е лица ед. числа». A=аккузатив, A3=притяжательный суффикс 3-го лица обладаемое в аккумулятиве, 3pl= притяжательный суффикс 3-го лица мн. числа обладателя, G=генетив, adj=суффикс прилагательного, conneg=коннегатив, evid=эвиденциал, imper=императив, inch=инхоатив, L=латив, Loc=локатив, obj=объектное спряжение: ед. число объекта, obj.pl=объектное спряжение: мн. число объекта, obl=косвенный падеж: 3obl=суффикс 3-го лица единственного числа, оформляющий косвенные падежи; part=частица, pl=множественное число, Pt.pass=страдательное причастие, Vneg =отрицательный глагол.

тельного суффикса, в том числе и для 3-го лица обладателя.

Притяжательные суффиксы употребляются и в своеобразной категории личного предназначения, следуя за предназначительным (предестинативным) суффиксом (Терещенко 1979: 102-107; Helinski 1998: 497): *kuhu-də-mə* «шкура-для-меня».

Притяжательные суффиксы присоединяются к послелогам, наречиям, местоимениям, уточняя их значение. Они часто оформляют наречия места, времени, совместности, меры и др.: *n'erəni-nə* «впереди меня», *n'erəni-nti* «впереди него», *tənə mandə-tə* «как ты» (букв: «тебе подобно»). Притяжательный суффикс указывает на объект, по отношению к которому имеет место указанное обстоятельство: местоположение, отношение тождества и т.д. Часто эти наречия входят в глагольную группу, и тогда притяжательный суффикс указывает на глагольного субъекта (примеры 5-8) :

5). *ŋiqətə-nə barətəndu-m.*

ещё-1 ждать-1

Я всё ещё жду.

6). *ŋiqətə-tu barətə-tu.*

ещё-3 ждать-3

Он(а) всё ещё ждёт.

7). *sitiŋ ŋiqətə-ndiŋ n'indiŋ tuŋ*

они ещё-3pl Vneg-3pl прийти-conneg

Они всё ещё не пришли

(Терещенко 1979: 291)

8). *tənə nanu-ntə müntələŋ.*

я вместе-2 взять-impreg

Возьми меня с собой.

(Терещенко 1979: 167)

Если частицы (обычно с фокусирующим значением) при-

соединятся к личным местоимениям, то за ними всегда следует притяжательный суффикс. (Терещенко 1979: 163, 166, 316.)

Ниже пример (9) контрастной частицы, за которой следует притяжательный суффикс:

- 9). *si-s'ia-ti n'üagə tins'iatə bahän*
он-3obl хороший ты-2obl плохой-2
Он-то хороший, ты-то плохой.

(Терещенко 1979:316)

Лично-определятельные местоимения, подчеркивающие значение лица, также оформляются притяжательным суффиксом: *jonə-nə* 'я сам', *jonə-ntə* 'ты сам', *jonə-ntu* 'он(а) сам(а)' и т.д. (Терещенко 1979: 168). В подобном употреблении суффикс не только указывает на лицо, но и подчеркивает его значение и, таким образом, является отчасти фокусирующей частицей.

2. Непоссессивные функции притяжательных суффиксов. Выражение принадлежности – не единственная функция притяжательных суффиксов. В ряде языков, в том числе в большинстве уральских языков поссессивные суффиксы соотносят с функцией определенного артикля. Ирина Николаева (2003) впервые обобщила и классифицировала непоссессивное употребление притяжательных суффиксов в уральских языках. Показав, что аналогия с категорией определенности /неопределенности неточна, Николаева выделила следующие непоссессивные функции притяжательных суффиксов: идентификационную, ассоциативную и функцию (контрастного) фокуса. Две первые функции, идентификационная и ассоциативная, выражены в большинстве уральских языков, за исключением венгерского и прибалтийско-финских. Для их выражения используются суффиксы 1-го, 2-го и 3-го лица, однако они не

взаимозаменяемы; третья функция - выражение контрастного и эмфатического фокуса - имеется, согласно Николаевой, только в языках коми, марийском и удмуртском, причем используются только суффиксы 3-го лица.

Я рассмотрю непоссесивное употребление притяжательных суффиксов в нганасанском языке.

2.1. Идентификация контекстуальная и анафорическая. Наталья Терещенко (1979:95) отмечала, что в нганасанском «лично-притяжательные суффиксы 2-го лица выступают в виде своеобразного определенного артикля, подчеркивая, что оформленное ими существительное обозначает то самое лицо или тот самый предмет, о котором шла речь и о котором будет говориться в дальнейшем». Там же Терещенко отмечает употребление притяжательного суффикса 3-го лица единственного числа с существительными, обозначающими природные явления и уникальные объекты: «солнце», «луна», «снег», «погода».

Узнавание [=идентификация; *identifiability*] – универсальная прагматическая категория, относящаяся к референту, а определенность [*definiteness*] – это лингвистическая категория, различная в разных языках, относящаяся к лингвистической репрезентации референта. (Lambrecht 1994: 79, Van Valin & LaPolla: 1997: 660, ссылка 4.)

В упомянутых Терещенко случаях речь идет об узнаваемости, идентификации референта, указание на него как на знакомого собеседника. Для идентификации природных объектов и явлений употребляется только суффикс 3-го лица единственного числа, а для идентификации других объектов могут служить суффиксы 3-го, 2-го, а иногда и 1-го лица единственного

числа.

Опираясь на свои знания внешнем мире, участники ситуации актуализуют в своем сознании когнитивный образ определенного природного объекта или явления, присутствующего в данной физической ситуации или в контексте нарратива. Это так называемая **контекстуальная идентификация**. Говорящий имеет в виду конкретную землю (пример 10) и определенный снег (пример 11). Актуальность их показана притяжательным суффиксом.

10). *тәи-ди s'ürü ɲil'e-nu t'iimә.*

земля-3 снег под-Loc скрыть-Pt.pass

Земля (букв.: земля его) покрыта снегом.

11). *s'ürü-дй donüqә.*

снег-3растаять-3

Снег (букв.: снег его) растаял.

(Терещенко 1979:95)

Притяжательный суффикс 3-го лица ед. числа в идентификационном значении оформляет имя, референт которого - уникальный природный объект или явление – использован для характеристики состояния природы в ситуации рассказа. Если природный объект представлен в какой-то иной функции, например, персонифицирован, то притяжательный суффикс контекстуальной идентификации не используется. Так в сказке «Муж луны» (Лабанаускас 2001: 13), луна представлена в образе женщины и соответствующее существительное, *kit'eдә*, употребляется на протяжении всей сказки без суффиксов.

Другой вид идентификации – **анафорический**: ранее упомянутое в разговоре или в нарративе имя получает притяжательный суффикс (в нгансанском 2-го, 3-го, реже 1-го лица единственного числа), способствующий узнаванию, то есть ак-

тивизации референта в сознании говорящих. Если притяжательный суффикс контекстуальной идентификации употребляется при первом же появлении имени, то суффикс анафорческой идентификации возможен только при повторном упоминании референта. Пример 12 иллюстрирует использование суффикса 2-го лица единственного числа в идентификационной функции³.

Если бы в притяжательной функции был бы суффикс 3-го л. ед.ч., то оформленное им существительное означало бы «его дочь».

12). *baarbə-đuŋ hont'i kobtua.*
хозяин-3приметь-3 девушка/дочь.
kobtua-rə t'etuamin'en'äŋku.
девушка-2 очень красивый.

У хозяина есть дочь. Девушка (букв.: девушка твоя) очень красивая.

(Терещенко 1979: 95)

В нганасанском нарративе суффикс 2-го лица в идентификационной функции предпочитается в значении идентификации одушевленного персонажа.

Использование суффикса анафорической идентификации не грамматикализовано. В сказке «Случай в лесу» (Лабанаускас 2001:26) главный персонаж, охотник, упоминается с идентификационным суффиксом 2-го лица ед. ч. *basutuə-rə* при втором и третьем упоминании; после этого ссылка на главного персонажа делается то без суффикса - *basutuə*, то с суффиксом *basutuə-rə*.

³ Согласно Николаевой (2003: 8), суффикс 2-го числа отмечает ассоциативную связь: референт имени ассоциируется со слушателем. Я считаю, что главная задача суффикса, оформляющего персонаж, – подчеркнуть, что персонаж уже упоминался, то есть идентифицировать персонаж.

Суффикс 2-го лица ед. числа часто несет оттенок **субъективной оценки**, конкретное содержание которой понятно в контексте ситуации. В сказке-*sitəbi* «*Nagür Lindi*» суффикс показывает негодование, оформляя имя, обозначающего отрицательного персонажа: *Horüku S'iba-qku-rə* «Хорюку слуга-dim-2». Обозначение положительного персонажа – девочки-сироты – также временами оформляется тем же суффиксом: *n'erbia-qku-rə* «девочка-dim-2» букв.: «девчушка-твоя». (Leisiö 2003.)

2.2. Ассоциативная функция притяжательных суффиксов. Если в дискурсе или в физическом мире два объекта неравноправно связаны, так что один объект каким-либо образом находится в сфере другого объекта, то между ними возникает отношение, легко ассимилирующееся с ситуативной possessивностью. В нганасанском, как и во многих других языках, это отношение выражается теми же средствами, что и possessивность. Ассоциация, обозначенная притяжательным суффиксом, строится на предыдущем контексте. Однако она может и изменяться по ходу рассказа.

В сказке «Олень и мышь» (Лабанаускас 2001: 38-40) притяжательные суффиксы используются для обозначения ассоциативной связи. Существительные «олень» и «мышь», указывающие на главных персонажей сказки, по очереди оформляются притяжательным суффиксом 3-го лица единственного числа, выступая в роли прямого объекта. Мышь и олень играют в прятки. Сначала мышь ищет оленя (пример 13). Потом олень ищет мышь (пример 14), которая спряталась в ягеле (пример 15). Олень случайно проглатывает мышь (пример 16). Мышь разрывает его внутренности, затем созывает зверей, чтобы те съели оленя. Звери съедают его (пример 17). Прямой объ-

ект подвергается воздействию грамматического субъекта-агента. Объект всегда оформляется притяжательным суффиксом, указывающим на агента.

13). *Təmuŋku huul'i ʔə taa-mtu.*

мышь искать-inh-3 олень-А3

(Labanauskas 2001, 38)

14). ... *Taa huul'i ʔətəmuŋku-mtu.*

олень искать-inh-3 мышь-А3

15). *Huursiədə-đi təmuŋku-tu d'ia ŋile hütü-baðə.*

искать-Pt.pst-3 мышь-3 ягель под-L спрятаться-evid

Она, оказывается, спряталась под мох

16). *təndə təmuŋku-mtu d'ia na nəltəmiqəđi*

эту мышь-3 мох к проглотил-3obj

Олень мышь вместе с ягелем и проглотил

17). *bənsə taa-mtuŋ ŋəmsa...*

весь олень-А3pl съев

Когда [звери] съели всего оленя, ...

(Labanauskas 2001, 40)

В примере 17 «олень» оформлен суффиксом множественного числа, ассоциирующим референта со поедающими его зверями. В примере 15 «мышь» - грамматический субъект, с которым согласуется определительное придаточное. Предикатом этого пассивного придаточного предложения является неориентированное⁴ причастие с притяжательным суффиксом, указывающим на агента - «олень», его логическим объектом причастия является существительное «мышь», с притяжательным суффиксом, указывающим на оленя.

⁴ Неориентированное причастие может определять агента или объекта действия в зависимости от контекста (см. Leisiö 2006: 226)

2.3. Фокусирующая, контрастно-выделительная функция. Контрастно-выделительную функцию имеет притяжательный суффикс, указывающий на положение референта имени в отношении других, уже упомянутых или известных, субъектов. Притяжательный суффикс, указывающий на possessора в 3-м лице множественном числе, употребляется в значении выделительной частицы, подчеркивающей качество оформленного ею имени:

18). *bəɾə-tuə-ɖuŋ taɑ-mə bən'üqə.*

край-adj-3pl олень-1 лечь-3

Крайний (букв: крайний из многих) мой олень лег (устал).

(Терещенко 1979: 146)

19). *n'inibtə-ɖiŋ n'äagə kətubtus'i i-s'üðə*

брат+старший-3pl хороший пастух быть-fut3

Старший брат будет хорошим пастухом.

(Терещенко 1979: 316)

В примере 18 частица уточняет значение определения. В примере 19 уточнение семантически не требуется, так как *n'inī(btə)* означает «старший брат», «старший из братьев». В одной записанной мной сказке-*s'itəbi* (Leisiö 2003) вводятся персонажи - трое братьев: каждое имя оформляется притяжательным суффиксом:

20). *n'inibtə-ɖiŋ*

старший-3pl

старший брат (букв.: старший из них [братьев])

d'ünt^ua-ɖuŋ

средий-3pl

средний брат (букв.: средний из них [братьев])

ŋad'abtə-ɖuŋ

младший-3pl

младший брат (букв.: младший из них [братьев])

В сказке-*s'itabi* ситэбы «30 *N'ötaqaŋku*»; первое упоминание персонажа (тридцати *Nötaqaŋku*) отмечено суффиксом 1-го лица ед.числа. Демонстрируя таким образом свою эмпатию к персонажам, рассказчик – «рот» - заостряет внимание на референте, подчеркивает его важность.

21). *nagürbiiq* *Nötəjn'e*,

тридцать *Нётэ-pl.1*

kundua-ŋu-ruq n'ijiriq?

спать-interr-2plVneg.interr.2pl

Тридцать Нётээ (=Травяных) моих, спите ли – нет ли?

(Афоница 1989)

Ни ассоциативным, ни идентификационным по значению суффикс просто не может быть по определению, так как персонаж упоминается впервые. Суффикс 1-го лица несет значение эмпатического фокуса, предопределяя значение персонажа в сказке.

3. Заключение. Как и в других уральских языках, в нганасанском притяжательные суффиксы употребляются, наряду с possessивной, и в других функциях: ассоциативной, идентификационной и контрастно-выделительной. Ассоциативная связь предполагает не равные, а субординативные отношения; один член ассоциации подчиненный, а другой главный. Референт оформленного суффиксом имени –подчиненного члена связи - находится в сфере влияния главного ее члена. Последний - либо участник ситуации – 1-е или 2-е лицо, либо субъект, упомянутый в ситуации или ранее известный собеседникам, - 3-е лицо. Ассоциативная связь семантически и по своему лингвистиче-

скому выражению наиболее близка к possessивности. Понятие ассоциативной связи формуруется в сознании собеседников на основе понятия possessивности.

Идентификация – узнавание – может быть основано на анафоре: имя референта, который уже упоминался, оформляется суффиксом 2-го, 3-го, а иногда и 1-го лица. В отличие от суффикса 3-го лица, суффикс 2-го лица интерактивен, как бы включая референт имени в сферу адресата, и поэтому часто несет дополнительное эмфатическое значение. Тем не менее, этот суффикс отмечает не ассоциативную связь, а узнавание – идентификацию; его задача - активизировать образ референта имени в сознании адресата. Идентификация, основанная на знаниях собеседников об окружающем мире, отмечается притяжательным суффиксом 3-го лица единственного числа на именах, обозначающих уникальные природные объекты или явления.

В выделительно-контрастной функции употребляется притяжательный суффикс 3-го лица множественного числа. Когда выбор касается участников ситуации, то употребляется суффикс 1-го или 2-го лица мн. числа. Имена, которыми оформляется выделительный суффикс, - это некоторые разряды местоимений (напр., вопросительные, неопределенные), имена со значением части, меры и качества. Значение суффикса – выделить референта среди других, подчеркнуть его качество, отграничить его от других (референт со значением части). Фокусирующая и выделительная функция притяжательных суффиксов нуждается в дополнительном исследовании.

Литература

Афони́на 1989 = Лариса Афони́на (Leisiö), полевые материалы.
Лабанаускас К. (2001): Нганасанаская фольклорная хрестоматия (Фольклор народов Таймыра б).

- Терещенко Н.М. (1979): Нганасанский язык. Ленинград: Наука.
- Helinski E. (1998). Nganasan. In D. Abondolo (Ed.), *The Uralic languages* (pp. 480–515). London: Routledge.
- Lambrecht Knud (1994): *Information structure and sentence form*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Van Valin, Robert Jr. & Randy J. LaPolla (1997): *Syntax. Structure meaning and function*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Leisiö 2003 = Лариса Лейсиё, полевые материалы.
- Leisiö 2004 = Лариса Лейсиё, полевые материалы.
- Leisiö Larisa (2006): Passive in Nganasan. In: W. Abraham and L. Leisiö (eds.). *Passivization and typology: Form and function*. (Typological Studies in Language 68). Amsterdam: John Benjamins, 2006, 211-228.
- Nikolaeva Irina (2003): Possessive affixes as markers of information structuring: Evidence from Uralic. In: P Suihkonen and B. Comrie (eds.) *International Symposium on Deictic Systems and Quantification in Languages spoken in Europe and North and Central Asia*. Collection of papers. Izhevsk; Leipzig: Udmurt State University; Max Planck Institute of Evolutionary Anthropology. 130-145.

**ФОНОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ НЕНЕЦКОГО
ЯЗЫКА
В «ЛИНГАФОННОМ КУРСЕ» М.Я. БАРМИЧ**

0. Во многих описаниях языков фонология сводится к перечислению минимальных единиц выражения языка, статус которых даже не всегда оговаривается, и их чередований. Фонология, уровень плана выражения языка, есть *совокупность средств выражения устного языка и правил «применения» этих средств*. К средствам, помимо минимальных единиц, фонем, также относятся акцентуация, тоны, интонационные модели, ритмическая организация текстов различных жанров и все остальные произносительные (фонетические) события, которыми оформляются соответствующие единицы по правилам этого языка. Эти средства имеют супрасегментную природу, т.е. проявляются на последовательностях фонем (цепочках), из которых складываются значимые структурные единицы языка: словоформа, словосочетание-синтагма, предложение, текст. К правилам относятся аллофонное варьирование, допустимые сочетания фонем, синхронические/диахронические, внешние/внутренние чередования фонем, правила фонемного оформления словоформы, акцентирование словоформы в высказывании, выбор интонационной модели, соответствующей цели высказывания, ритмическая организация текста и др. К сожалению, для большинства современных бесписьменных языков (к ним здесь можно отнести и младописьменные, в противоположность языкам, с устоявшейся традицией письма) система средств выражения языка находится на ранней стадии изучения.

Большой удачей для научного описания единиц плана выражения явилась публикация «Материалов по ненецкому языку для лингафонных занятий», составленных М.Я. Бармич (Бармич 2001). Мария Яковлевна, сама носитель ненецкого языка, имеющая большой опыт преподавания родного языка, составила курс упражнений. В этот лингафонный курс также включены упражнения по грамматике и словообразованию. Особенно интересны упражнения, показывающие единицы выражения языка и взаимоотношения между ними, потому что фонология ненецкого языка специально не описывалась. Фактически никаких комментариев и объяснений к этому курсу автор не дала, сказав, что носители языка, знающие язык, и так все поймут. Ненецкие слова даны без перевода⁵. Но я не носитель, я – лингвист, для меня этот курс явился иллюстрацией структуры плана выражения языка. Если признать морфему «минимальной значимой единицей языка» и последовательности морфем (словоформу, предложение, текст) более крупными значимыми единицами, видно соответствие между ними и фонологическими средствами выражения, определенную изоморфность этих двух множеств.

Минимальной фонологической единицей языка является фонема. Для описания языка обычно выбирают систему литературного варианта языка, которую "назначают", опираясь на один из территориальных вариантов или конструируют искусственно. В разделах «Вводный курс» и «Фонетика» даны упражнения, показывающие проявление системы фонем большеземельского говора тундрового диалекта и реализацию этой нормы в разных говорах

⁵ Здесь приводятся переводы для слов

. Например:

(1) *Вводный курс, лабораторная работа 1:*

3) Прочтите слова. Подумайте. Скажите, для какого говора ненецкого языка характерно каждое слово. Свой ответ запишите на пленку.

Ачькы, яҥу, хучер", ҥано, одя, сомбой, хамбка, сильга, сукар", сум-дась, паяр, невя, лыды, лэды, лорцэ, эдлэсь, вав.

Для описания консонантизма ненецкого языка хорошо подходит модель представления системы фонем, приведенная в работе «Диахроническая фонология» (Журавлев 1986: 70-95). Система согласных в ненецком языке «неплотная», единицы ее противопоставлены друг другу сразу по нескольким признакам. Это задает возможность реализации фонемы как ряда аллофонов, каждый из которых противопоставлен остальным элементам системы хотя бы по одному признаку. Ненецкий язык доказывает на практике верность теоретического предположения, что результатом многомерных оппозиций единиц фонологической системы (фонем) будет многовариантная реализация фонем в речи. Например, допустимость произнесения мягкой аффрикаты и как [с'], и как [с''] определяет равноправность вариантов [ҥас'эку] ~ [ҥас''эку]⁶ 'ребенок'.

Нормативное произношение минимальных единиц – согласных и гласных фонем – также рассматриваются в упражнениях последнего раздела:

(2) *Фонетика, лаб. раб. 2:*

1) Произнесите звуки и слова с данными звуками за диктором. Запишите на пленку. Сравните свое произношение с дикторским.

⁶ Носители восточных говоров – ямальского, тазовского, таймырского, – обычно при чтении произносят букву ц как [с'].

в—в—в: вада — вада — вада, вэва — вэва — вэва, сяв — сяв — сяв, сэв — сэв — сэв, харв — харв — харв, сявта — сявта — сявта, хабэвко — хабэвко — хабэвко.

(3) *Фонетика, лаб. раб. 4:*

3) Выберите и запишите в тетрадь, а затем на пленку из трех словосочетаний одно, в котором слышится долгий гласный.

Һамза 'вада, ненэця 'вада, халям 'вадалць;

'крюк для мяса' - 'ненецкий язык' - 'удить рыбу';

пя 'мо, пям 'мо, пям 'мов;

'сук дерева' - 'он бросил палку' - 'я бросил палку'

ты 'тэва, тым 'тэва;

'хвост оленя' - 'он настиг оленя';

яна ненэць 'яна" тер", янавна яда.

'осторожный человек' - 'жители нашей страны' - 'тихо идет'

В курсе приведены упражнения на акцентированность слова (ударение):

(4) *Фонетика, лаб. раб. 15:*

3). В приведенных ниже словах поставьте ударение. Произнесите слова. Ответ запишите на пленку. Прослушайте.

Вэва — вэвавна — вэваркавна; Һуда — Һудав — Һудавна; тодась — 'плохой' - 'плохо' - 'плоховато'; 'рука' - 'моя рука' - 'по руке'; 'греться' -

тодась; тэва — тэва; илелавахана.

'он грелся'; 'хвост' - 'он настиг'; 'в жилище'

Это упражнение хорошо демонстрирует, что акцентированность слова также определяется его морфологическим составом.

3. **Все** чередования фонем, а также акцента происходят в результате изменения морфологического состава слова, при-

соединения как слово- и формообразовательных⁷, так и словоизменяемых, определяющих синтаксическую роль словоформы в предложении, показателей, в том числе нулевых. При образовании словосочетаний на границе слов происходят чередования фонем, аналогичные тем, которыми сопровождается присоединение морфем. являются Чередования, вызванные появлением неразрешенной последовательности фонем на границе морфем по своей природе являются фонетическими. Такие чередования происходят в словоформах всех лексико-семантических групп, но типов таких чередований в ненецком немного.

Упражнения, показывающие действия некоторых из этих правил, включены в разделы «Фонетика» и «Морфология».

(5) *Фонетика, лаб. раб. 8:*

3). Правильно произнесите и запишите на пленку произношение вышеназванных словосочетаний по следующему образцу:

вы 'тер [вындер]: я 'тер, я 'сэв, тубка 'ня.

‘тундровик’: ‘житель страны’, ‘зерно’, ‘топорище’

Какую закономерность ненецкого языка вы усмотрели в произношении этих сочетаний?

В раздел «Морфология» включены упражнения, показывающие некоторые чередования на границах морфем:

(6) *Морфология, ч. 2, лаб. раб. 6:*

3) Прочитайте существительные и глаголы. Глаголы запишите в тетрадь, выделите суффиксы и дайте перевод на русский язык.

нюм' – нюмдэсь, нюбець

‘имя’ – ‘назвать’, ‘называться’

⁷ Термины словообразовательный и словообразующий здесь полностью синонимичны.

нер – нердесь, нертесь
'перед' 'быть впереди' 'опередить'

В этот же раздел попали упражнения, показывающие «внутреннюю флексию» в асс.pl., хотя, функция этих чередований – показатель синтаксической роли.

(6) *Морфология, ч.1, лаб.раб.2:*

4). От нижеприведенных слов образуйте форму винительного падежа множественного числа (предмета). Вставьте в клетку возле слова цифру, соответствующую правильному ответу, используя условные обозначения: 1 — конечное **а** переходит в **и** (э); 2 — конечное **а** переходит в **и** (ы); 3 — конечное **а** переходит в **о**; 4 — конечное **а** отбрасывается; 5 — конечное **о** переходит в **у**.

<i>пыря</i>	<i>юба</i>	<i>халя</i>	<i>нибя</i>
<i>са</i>	<i>нохо</i>	<i>тибя</i>	<i>ня</i>

Соответственно в этот же раздел отнесено упражнение , показывающее изменение глагольной основы в личных формах (тоже показатель синтаксической роли):

(7) *Морфология, ч.2, лаб.раб.2:*

2). Прослушайте чтение диктором личных глагольных форм. Назовите время, лицо, число глагола. Запишите свой полный ответ на пленку.

Ханимя; хоны; падна; хаяць; сэдаҖудм'; выварҖась;

Они-замерзли; он-заснул; он-написал; они-ушли; я-сошью; он-шумел

Җохолын; Җамдад"; лэтрамбидамзь; хыно"Җада"; хаядамзь;

'ты поплыл'; 'садись'; 'я охранял'; 'вы(мн.) пели'; 'я ушел'

мов, тярнаваць, сулмы", пу"льд".

'я кинул'; 'мы делили'; 'он упал ничком'; 'они понеслись (по ветру)'

Упражнения «Лингафонного курса», специально сгруппиро-

ванные по традиционному представлению о частях речи, показывают, что принципиальных фонологических различий единиц разных лексико-семантических группировок нет.

4. В курс также включены упражнения, показывающие функцию интонации, эти упражнения начинаются уже в разделе «Морфология»:

(7) *Морфология, лаб. раб. 8*

3) Прослушайте и повторите словосочетания. Определите синтаксическую функцию выделенных слов.

Мань мадм'. *Мань* мя'ами. *Мани*' хаяни'. *Мани*' ханми'.

'я сказал' 'мой дом' 'мы-2 уехали' 'нарты нас-2'

Пыдар сидын. *Пыдар* няр. *Пыди*' ядҥаха' *Пыди*' ҥавкади'.

'ты проснулся' 'твой товарищ' 'они-2 идут' 'авка их-2'

Пыда сэдора. *Пыда* тюрда. *Пыдо*' мядонда''. *Пыдо*' юнодо'.

'он(а) шьет' 'его хорей' 'они-мн. ставят чум' 'лошадь их-мн.'

Функциям интонации в основном посвящен раздел «Синтаксис». В ненецком языке существуют определенные функциональные интонационные контуры: побудительный, повествовательный, опросительный, отрицательный и др. В «Лингафонный курс» него включены упражнения, показывающие соответствие определенных интонационных контуров некоторым функциям предложения.

Вопросительная интонация:

(8) *Синтаксис, лаб. раб. 4*

2). Прослушайте сообщения. Выразите свое согласие.

Образец: – «Едэйко» поэмам' Леонид Латцуй падсада?

– Ҥаа', пыда падвэдашь.

– Поэму «Едейко» написал Леонид Лапцуй?

– Ага, он написал.'

В этом примере ответ содержит и вводное междометие.

Побудительная и утвердительная интонация:

(9) *Синтаксис, лаб. раб. 10*

1). Слушайте диалог. Сравните свое чтение с дикторской записью (чтением).

...*Явна: Ибедор*». *Сит џате џува*».

‘Подумай. Мы тебя подождем’

В оформлении синтаксических единиц (предложений, текстов) в ненецком языке используются помимо интонационных контуров и акцента эмфатические ритмизирующие слоги. В «Курсе» дан пример:

(9) *Синтаксис, лаб. раб. 1*

Тюку яля' мякана" тутанув"?

‘Сегодня к нам в гости придешь?’

Библиография

Бармич М.Я. Материалы по ненецкому языку для лингафонных лабораторных занятий. СПб: изд-во РГПУ, 2001.

Журавлев В.К. Диахроническая фонология. М.: Наука, 1986.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРАСАМОДИЙСКИХ МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ¹.

Семасиологический анализ самодийской лексики представляется в настоящее время весьма актуальной и интересной темой исследований.

С одной стороны, в настоящее время в России и за рубежом опубликовано весьма много новых словарей и словарных материалов по современным самодийским языкам. В них собрано значительное количество лексики, которая просто не могла быть учтена в 1977 году при составлении самодийского словаря Ю.Янхунена (ср. SW): Alatalo 2004; Костеркина, Момде, Жданова 2001; Кузнецова, Хелимский, Грушкина 1980; Кузнецова, Казакевич, Иоффе, Хелимский 1993; Хелимский 2001; Katzschmann 1990; Katzschmann, Pusztay 1978; Быконя 2005; Helimski 1997; словарные материалы на сайте www.helimski.com. Мы предполагаем, что этимологический анализ лексики, собранной в словарях, опубликованных в последние десятилетия, позволит расширить корпус прасамодийских сближений.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ «Молодым выдающимся кандидатам наук»; РГНФ № 06-04-00482а; № 08-04-00133а. Пользуюсь случаем выразить мою благодарность «Фонду содействия отечественной науке» за грант в номинации "Кандидаты наук РАН" за 2008 год

С другой стороны, реконструкция лексических полей в самодийских языках – это практически неисследованная область, разработка которой должна существенно уточнить наши представления о прародине самодийцев, их материальной культуре, социальной организации. В настоящее время общепринятой является гипотеза Е.А.Хелимского о локализации самодийской прародины в регионе между Средней Обью и Енисеем. В этой статье мы постараемся проследить, насколько реконструкция метеорологических названий соответствует гипотезе Е.А.Хелимского. Изменяется ли система названий природного окружения у ненцев, энцев и нганасан при их продвижении на север.

Интересно обратиться и к внешней этимологии прасамодийских метеорологических названий. В последние десятилетия все больше сторонников завоевывает гипотеза о локализации уральской прародины в Западной Сибири. Исследователи предполагают, что прасамодийцы фактически остались на территориях, ранее заселенных прауральцами, а остальные этносы мигрировали в Европейскую часть Евразии.

Как показано в работе (Норманская 2008), новейшие данные по палинологии доказывают, что довольно рано, уже во время климатического оптимума атлантического периода, климат в Западной Сибири был значительно теплее современного. Это доказывает и распространение широколиственных лесов и в северном, и восточном направлениях. Вяз, дуб и липа доходили не только до Урала, как ранее ошибочно предполагали лингвисты, но и намного восточнее, вплоть до среднего течения Оби. Эти палинологические данные противоречат принятой ранее среди финно-угроведов гипотезе о реконструкции для прауральского языка лишь названий хвойных деревьев (ср. Хайду 1985)

В статье (Норманская 2008) мы предложили реконструировать для прауральского языка и ряд названий лиственных деревьев: **tojma* 'дуб', **lelpä* 'ольха', и **šVmV* 'липа'.

Таким образом, новые палинологические данные и предложенная нами реконструкция прауральских названий деревьев доказывают, что климат на уральской прародине существенно отличался от климата в Западной Сибири прасамодийской эпохи, который без существенных изменений сохранился до наших дней. Поэтому, представляется, что анализ развития системы метеорологических названий от прауральского языка к прасамодийскому языку может помочь верифицировать гипотезу о существенном различии климата, окружавшего носителей прауральского и прасамодийского языков.

Прасамодийские метеорологические названия.

'Тихая погода'

ПС **sumä* 'тихий о погоде'² (SW 143): энец. *suu* 'тихий, хороший, ясный; тихо, безветренно'; сельк. *sūmi nom* 'тихая погода';

Мы предлагаем добавить в эту этимологию сравнение с нган. *suma* 'тихая погода'³; кам. *k'imè* 'тихая погода'.

² Здесь и далее для экономии места приводится не полная самодийская этимология по SW, а лишь слова описывающие метеорологические явления.

³ Здесь и далее материалы по самодийским языкам, отличные от SW, цитируются по следующим словарям: ненецкий по (Терещенко 1965); энецкий по (Katzschmann, Pusztay 1978; Helimski 2007 (2)); нганасанский по (Костеркина, Момде, Жданова 2001; Katzschmann 1990); селькупский по (Alatalo 2004; Кузнецова, Хелимский, Грушкина 1980; Кузнецова, Казакевич, Иоффе, Хелимский 1993; Хелимский 2001; Быкоя 2005; Helimski 1997; Helim-

Таким образом, название 'тихой погоды' надежно реконструируется для прасамодийского языка и хорошо сохраняется в языках потомках. Рефлексы этого названия не сохранились в ненецком языке и маторском языке, в которых вообще по словарям (Терещенко 1965) и (Helimski 1997) нет соответствующего обозначения. (Аникин, Хелимский 2007) предполагают, что ПС **sumə* заимствовано из ПТМ **sim-* 'тихий; тишина; молчать' (ТМС II, 88). Такое направление заимствования предполагается, поскольку ПТМ слово имеет праалтайскую этимологию и возводится к ПА **simo* (~ -*u*) 'молчать, шептать' (EDAL 1252).

'Холод'

ПС **tets3-* (? **tets3-*) 'холод, мороз' (SW 159): нен. *tets'va* 'холод'; энец. *tet'i-* 'холоден, мороз', *tet'iðe* 'холод'; нган. (C) *íasaga* 'мороз, холод'; сельк. (D) *teššā* 'мороз, холод'; кам. *ššə* 'мороз, холод'; мат. *tiüka* 'мороз'.

ПС **ermV* 'холодный, северный' (SW 22): нен. (W) *germ* 'север, холод'; энец. (C) *úmi* 'северный'; нган. (C) *armuŋ* 'северный'; сельк. *ermal'* (E GH) 'не по сезону холодный'; (E) 'северный' образовано от *erma* 'летнее похолодание'.

Мы реконструируем также новую прасамодийскую этимологию, описывающую 'холодную, прохладную погоду':

ski 2007 (1)); маторский по (Helimski 1997); камасинский по (Donner 1944).

ПС **jäsaj* 'холодный, прохладный'⁴

энец. *d'iasu* 'прохладный о погоде'; сельк. *časiq ēja* 'мороз, холод'.

Видно, что в прасамодийском языке существовало несколько названий 'холодной погоды'. Основным, вероятно, было ПС **tets3-* (? **tets3̂-*), рефлекссы которого хорошо сохранились во всех самодийских языках. Для ПС **ermV* 'холодный, северный', видимо, как указывает Ю. Янхунен, первичным было значение 'северный', которое сохранилось у всех рефлекссов этого слова. Поскольку рефлекссы ПС **jäsaj* представлены лишь в двух языках, непонятно, изначально это слово описывало 'холодную' или 'прохладную погоду'.

Интересно отметить, что, несмотря на разнообразие прасамодийских слов, реконструируемых для описания 'холодной погоды', два основных обозначения: ПС **tets3-* (? **tets3̂-*), ПС **ermV* не имеют общепризнанной уральской этимологии.

Кажется интересным указать на сходство ПС **tets3-* (? **tets3̂-*) 'холод, мороз' и маньчжурского *dedeseme* 'холодно, морозно' (ТМС I, 230). К сожалению, происхождение маньчжурского слова неизвестно. Мы можем лишь предполагать, что обозначение 'холода' было заимствовано из пратунгусо-маньчжурского в прасамодийский (обратное направление заимствования представляется менее вероятным, учитывая звонкость начального и инлаутного согласных в маньчжурском слове). Нельзя исключить и сепаратное заимствование обозначений

⁴ Здесь и далее курсивом этимологические предложения, которые делаются в настоящей статье, насколько нам известно, впервые.

'холодной погоды' в прасамодийский и пратунгусо-маньчжурский языки из какого-то третьего (возможно, палеоазиатского) источника.

Зато для ПС **jāsəj* 'холодный, прохладный', рефлекс которого лишь маргинально представлены в уральских языках, мы предлагаем новую уральскую этимологию: сравнение с ФУ **jākšV* 'холодный, прохладный, мерзнуть' (UEW 90) и реконструкцию прауральского обозначения 'холодной и прохладной погоды' **jākšV*.

'Прохлада'

Помимо ПС **jāsəj*, которое описывало и 'холодную', и 'прохладную погоду', еще существовал глагол: ПС **kənsə-* (~ **kənsá*) 'охлаждаться' (SW 52): нен. (Т) *xǎŋzo*, (L) *kantsū* 'прохладный'; сельк. (D) Aor 3 Sg. *kažīa* 'охлаждаться'; Кам. *k'ənzəlóm* 'охлаждаться', рефлекс которого, правда, лишь в ненецком языке описывает 'прохладную погоду'. Поэтому значение 'прохладный о погоде' не может быть для этого слова реконструировано на праязыковой уровень.

Мы предлагаем также реконструировать ПС **kirtaja* 'прохладный, выюжный': нен. *kīte* 'прохлада'; кам. *kərtuuk* 'вьюга', которое вследствие неоднозначности значений его рефлексов в современных самодийских языках, тоже не может быть реконструировано в качестве прасамодийского обозначения 'прохладной погоды'.

Таким образом, оказывается, что для прасамодийского языка не реконструируется особого обозначения для 'прохладной погоды' (отличного от слова, описывающего

'холодную погоду'). Отметим также, что происхождение слов ПС **kənsə-* (~ **kənsá*) и ПС **kirtəjə* неизвестно.

'Заморозки'

ПС **kánt3-* (?**kántä*) 'заморозки' (SW 53): нен. (O) *χan'?* 'осенние заморозки'; энец. (C) *kodi?* 'ночные заморозки'; нган. (M) *kánt'áku* 'ночные заморозки'; сельк. (Ty) *qantyn* ~ *qantu* 'период осенних заморозков'.

Это слово имеет надежную уральскую этимологию и возводится к основному прауральскому обозначению 'холода, мороза' ПУ **konta* (UEW 176).

'Снег'

Для прасамодийского языка реконструируются два названия 'снега': основное обозначение ПС **sira* 'снег' (SW 140): нен. (T) *syra*; энец. *sírǎ*; нган. (P) *sirru*; сельк. (Pr) *siri*; кам. (C) *sirä*; мат. (P) *sirrä*. Восстанавливается слово, описывающее особую разновидность снега: ПС **elə-* (SW 21) 'мягкий снег': нен. (T) *jel''* 'мягкий о снеге', (L) *nəŁŁat xirre* 'довольно тонкий мягкий снег'; кам. (D) *eləgen* 'влажный, мягкий снег весной'.

ПС **sira* 'снег' имеет уральскую этимологию и традиционно возводится к ПУ **sárV* 'замерзший снег, снежная корка на снегу' (UEW 464)

ПС **elə-* (SW 21) 'мягкий снег', насколько нам известно, не имеет уральской этимологии. Нельзя исключить, заимствова-

ние этого слова из ПТМ **xalu*⁵ 'крупные хлопья снега': эвенк. (П-Т) *alinti* 'падать крупными хлопьями о снеге', (И) *alma* 'кружиться', (П-Т) *alunte / alunti* 'снег (зернистый, блестящий на поверхности наста)'; нег. (Н) *altami* 'снег пушистый, мягкий, падающий крупными хлопьями'; орок. *xaluqta* 'снег (мелкий)', (ТМС I, 34. Такое направление заимствования предполагается, поскольку ПТМ слово имеет праалтайскую этимологию и возводится к ПА **k`ale* 'снег, снежинки' (EDAL 966).

'Наст'

ПС **kämpə* ~ дер. **kämpəjз* 'наст (юж.-самод.) ~ весна (сев.-самод.)' (SW 64): энец. (С) *sebuа* 'ранняя весна'; нган. (С) *kánfa* 'весна'; сельк. (С) *kaamba* 'снежная корка, время когда такая есть'; кам. (D) *k'amo* 'наст'.

ПС **nára* 'наст (сев.-самод.) ~ весна (юж.-самод.)' (SW 98): нен. (L) *nárrəđ* 'наст'; энец. (С) *nářa* 'наст'; нган. (С) *nóru* 'наст'; караг. (P) *nára* 'весна'.

Интересно, что не восстанавливается общего прасамодийского названия 'наста'. А этимоны прасеверно- и праюжносамодийских названий 'наста' в другой группе языков имеют значение 'весна'. Очевидно, что 'наст' в сознании самодийцев был очень тесно связан с приходом весны.

ПС **nára* не имеет внешней этимологии.

В UEW кам. (D) *k'amo* 'наст' сравнивается с ФУ **kumV* 'тонкий снег' (UEW 204). Однако, если принимать убедительное сравнение Ю.Янхунена, по которому кам. (D) *k'amo* 'наст' < ПС

⁵ Как показывают А.Е. Аникин и Е.А. Хелимский (ср. Аникин, Хелимский 2007) ПТМ **x-* имеет в ПС двойную рефлексацию ПС **k-* и ПС **ø-*.

**kämpɾə* ~ дер. **kämpɾəjɜ* 'наст (юж.-самод.) ~ весна (сев.-самод.)', то следует отказаться от сравнения, предложенного в UEW, поскольку ПС **kämpɾə* ~ дер. **kämpɾəjɜ* по фонетическим причинам не может быть рефлексом ФУ **kumV*.

Таким образом, ни одно из самодийских названий наста не имеет надежной этимологии.

'Роса'

ПС **japta* 'роса' (SW 35): нен. (Т) *jābta*, (Л) *jāptə*; энец. (Т) *đotǎ*, (С) *jóte*; нган. (С) *jobtuáŋ*, (Т) *đeptə*; сельк. (С) *čapt*; кам. (D) *í'Vda*; мат. (Sp) *čiptal*'.

Для прасамодийского языка надежно восстанавливается название 'росы', рефлексы которого сохранили исходное значение во всех современных самодийских языках. Это слово имеет надежную уральскую этимологию и возводится к ПУ **lupša* (**lepša*) 'роса' (UEW 261).

'Лед'

ПС **ser* 'лед' (SW 138): нен. (Т) *ser''*, *salaba* 'лед, льдина'; энец. (P) *iirь*; нган. (С) *ser*; тайг. (P) *cэрыть* 'grando'. Мы предлагаем также добавить в эту этимологию сравнение с сельк. (Ю) *сырлемь* 'льдина'.

Это прасамодийское название 'льда', рефлексы которого достаточно хорошо сохранились в языках потомках (камасинское обозначение льда в словаре Donner 1944 не зафиксировано, мат. *buluk* 'лед' заимствовано из тувинского *buluk* 'корка льда', ср. Helimski 1997), не имеет внешней этимологии.

'Ветер'

ПС **merkä* 'ветер' (SW 93): нен. (Т) *mercä*, (L) *mért'sé*; энец. (С) *méd'e*, (Т) *medε*; сельк. *merqi*, *märqi*; кам. (Р) *barši*, (D) *béržə*; мат. (Р) *mirgä*.

Это название 'ветра', рефлексы которого сохранили свое значение во всех самодийских языках, не имеет общеизвестной уральской этимологии. Мы предлагаем сравнить ПС **merkä* 'ветер' с мар. *mardéž* 'ветер' и реконструировать ПУ **märtV* 'ветер' (стандартное развитие ПУ **rt* > ПС **r*, *-k-*, *-ež-* являются самодийским и марийским (соответственно) суффиксами).

'Вихрь'

ПС **pojkajə* (~ *pojkaj*) 'вихрь' (SW 127): нен.(Т) *pongej*, (L) *põjGai*, W (L) *põjku*; мат. (Sp) *hoñgoj*.

Это прасамодийское название 'вихря' не имеет внешней этимологии и было в большинстве самодийских языков заменено на новые обозначения, происхождение которых также неясно (энец. *kobuo* (*med'e*) 'порывистый ветер, ураган'; нган. *hujkuo* 'вихрь'; сельк. *saxär''* 'вихрь').

'Вьюга'

ПС **kacə* 'вьюга, метель' (SW 57): нен. (Т) *xad*, (L) *kāt*; энец. (С) *kāru*; нган. (С) *kóduq*; сельк. (С) *kodš*.

ПС **kacə* 'вьюга, метель' хорошо сохранилось в современных самодийских языках. Лишь в кам. *kärtuk* 'вьюга, метель' представлен рефлекс ПС **kirtajə* 'прохладный, вьюжный' (см. выше), и мат. *borogon* 'вьюга, метель' заимствовано из алт. *borogon* 'вьюга, метель', ср. Helinski 1997.

В UEW 194 предлагается сравнение ПС **kaśə* 'вьюга, метель' с саам. (Friis N) *godđalak* 'snowfall' ? и реконструируется ПУ **kuδV* ? 'снегопад'. Однако, эта этимология по фонетически причинам не представляется надежной.

'Жара'

ПС **jet3pə* 'жара' (SW 44): нен.(Т) *jepǎ* 'быть горячим, быть жарким'; энец. *epi-* 'горячий, жаркий'; сельк. (Та.) *kuetj*, (NP) *kuetj* 'жар'; кам (С). *dǰibəgε*;

Хелимский (Helimski 1997) добавляет в эту этимологию мат. *čöbükä* 'жара'. Е.А. Хелимский, А.Е. Аникин (ср. Аникин, Хелимский 2007) предлагают интерпретировать ПС **jet3pə* 'жара' как **jäppi-/jeppi-*, и указывают на сходство этого слова и ПТМ (сев.-т.-ма.) **jep(p)u-* (-ö?) 'теплый (о жидкости)' (ТМС I, 355). Но направление заимствования неизвестно, поскольку ни прасамодийское, ни пратунгусо-маньчжурское слово не имеют внешней этимологии.

ПС **jurá* (**juǎ*) 'жара, тепло' (SW 47): нен. (Т) *iba*, (L) *juirrä* 'тепло'; энец. (С) *juba* 'жара'; мат. *čigá* 'жара'.

Это обозначение 'жары, тепла' образовано от ПС **ju-* 'становиться теплым, плавиться'. Внешняя этимология этого слова неизвестна. Интересно отметить, что помимо этого общего прасамодийского обозначения для жара и тепла, отдельного слова, описывающего теплую погоду для прасамодийского языка не восстанавливается. В современных самодийских языках появляются новые обозначения теплой погоды: нен. *juder''* 'тепло, исходящее от какого-либо источника (солнца, очага и т.д.)', *jade* 'жар, тепло, теплота'; энец. *laxu* 'тепло', *d'āsibi*, *d'āzbi* 'теплый, горячий', *ajuma* 'теплый', *sodl'a*'теплый'; нган. *helyge*,

h'ejkugej, *helydy* 'теплый', *n'un'ar(i)ar̄ki* 'теплый'; сельк. *пуу* (Та. Ке.), *pō* (Ту.) 'теплый, горячий'; кам. *ε̄i'u* 'теплый', которые, в основном, за исключением селькупского слова, не имеют этимологии.

'Облако'

ПС **tiə* 'облако, тень' (SW 162): нен. (L) *t's̄ir'*, *tirsavej* облачный; нган. (C) *t'iru*; сельк. (D) *t̄ka*; кам. (D) *t's̄i*; мат. (P) *ti*.

Мы также предлагаем добавить в эту этимологию сравнение с энец. *t'iori* 'облако'. Прасамодийское название 'облака', рефлексy которого сохранили свое значение практически во всех самодийских языках, не имеет внешней этимологии.

'Дождь'

ПС **s̄arā-* ~ **s̄arə-* 'дождь' (SW 136): нен. (T) *sarē*; энец. *s̄arē*; нган. (T) *soruo*; сельк. (D) *sūar̄ǎ*; кам. (C) *surnu*; мат. (P) *sirru*.

Это прасамодийское название 'дождя', рефлексy которого сохранились во всех языках потомков, не имеет надежной внешней этимологии.

'Туман'

ПС **k̄intə* 'дым, туман' (SW 79): нен. (W) *śan* 'дым'; энец. (C) *s'udo* 'дым от костра, сигареты'; нган. (M) *kintə* 'дым'; сельк. (C) *kūŋka* 'дымка, туман, облако пыли в воздухе'; мат. *k̄indū* 'туман'.

На основе внутренней семантической реконструкции для этого прасамодийского слова следует реконструировать первичное значение 'дым', которое потом в селькупском и маторском языках перешло в значение 'туман'.

Однако, привлечение данных внешней этимологии (по UEW 158 ПС **küntə* 'дым, туман' < ПУ **kinV* (**küntV*) 'дым, туман': удм. *k̄id* (S, K.) 'дым'; коми *m̄il-k̄id* (S), *m̄l-k̄d* (K) 'желание'; венг. *köd* 'туман') показывает, что указанная полисемия в современных самодийских языках является прауральским архаизмом и должна реконструироваться также и для прасамодийского уровня.

'Гром'

ПС **kājŋ* 'гром' (SW 51): нен. (Т) *xə'*, (L) *kāŋ*, энец. (С) *ke*; нган. (С) *kajuŋ*, сельк. *k'ā*; кам. *khäŋ*, мат. *kaŋ*.

Е.А. Хелимский, А.Е. Аникин (ср. Аникин, Хелимский 2007) указывают на сходство этого слова и ПТМ **x/ie/g-* 'сверкать (о молнии), греметь (о громае)' (ТМС II, 319). Но направление заимствования неизвестно, поскольку ни прасамодийское, ни пратунгусо-маньчжурское слово не имеют внешней этимологии.

Выводы.

Таким образом, видно, что для прасамодийского языка реконструируются следующие названия: 'тихая погода' (1), 'холод' (2), 'холод/прохлада' (1), 'заморозки' (1), 'снег' (2), 'наст/весна' (2), 'роса' (1), 'лед' (1), 'ветер' (1), 'вихрь' (1), 'вьюга' (1), 'жара' (1), 'жара/тепло' (1), 'облако' (1), 'дождь' (1), 'туман' (1), 'гром' (1).

Реконструируемая система хорошо соответствует традиционной гипотезе о проживании самодийцев в Западной Сибири в достаточно суровых климатических условиях (ср. большое количество обозначений метеорологических явлений, свойственных холодному климату: три названия холода, два названия снега и наста и т.д.).

Рефлексы названий прасамодийских метеорологических явлений, в основном (за исключением обозначений 'тепла' и 'вихря'), хорошо сохранились в современных самодийских языках. Это свидетельство того, что не произошло принципиального изменения климатических условий у носителей современных языков по сравнению с прасамодийцами.

Принципиально другой результат дает анализ внешних этимологий прасамодийских метеорологических названий. Оказывается, что лишь шесть из двадцати лексем имеют уральскую этимологию: ПС **jäsaj* 'холодный, прохладный'; ПС **kânt3-* (*?*kântä-*) 'заморозки'; ПС **sira* 'снег'; ПС **jəpta* 'роса'; ПС **merkä* 'ветер'; ПС **küntə* 'дым, туман'. Большинство обозначений метеорологических явлений, особенно свойственных холодному климату не имеют внешней этимологии или являются тунгусо-маньчжурскими заимствованиями.

Представляется, что такая ситуация: появление 70 % новых обозначений метеорологических явлений свидетельствует о принципиальном различии климатических условий, в которых жили носители прауральского и прасамодийского языков. Этот вывод подтверждает результаты, полученные нами при реконструкции названий прауральских деревьев (ср. Норманская 2008) и палинологические данные. Для прауральского языка восстанавливается ряд названий лиственных деревьев и климат, сравнимый с погодными условиями в Европейской части Евразии, для прасамодийского языка реконструируются лишь названия хвойных деревьев, и климат, окружавший их, был, видимо, сравним с современными погодными условиями в Западной Сибири.

Литература

- Аникин А.Е., Хелимский Е.А. Самодийско-тунгусские лексические параллели. М., 2007
- Быконя 2005 – Селькупско-русский диалектный словарь под ред. В.В.Быконя. Томск
- Костеркина Н.Т., Момде А.Ч., Жданова Т.Ю. Словарь нганасанско-русский и русско-нганасанский. Санкт-Петербург, 2001. .
- Кузнецова А.И., Казакевич О.А., Иоффе Л.Ю., Хелимский Е.А. Очерки по селькупскому языку. Т. 2. Тазовский диалект. М. 1993.
- Кузнецова А.И., Хелимский Е.А., Грушкина Е.В. Очерки по селькупскому языку (Тазовский диалект). М., 1980.
- Норманская Ю.В. Реконструкция названий растений в уральских языках и верификация локализации прародин уральских языков (прауральского, прасамодийского, прафинноугорского, прафиннопермского, праугорского, прафинновожского) // Аспекты компаративистики III. М., 2008.
- Терещенко Н.М. Ненецко-русский словарь. М., 1965
- ТМС – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков / Отв. ред. В.И. Цинциус. Т. I–II. Л. 1975–1977
- Хайду П. Уральские языки и народы. М. 1985
- Хелимский 2001 – Южноселькупский словарь Н.П. Григоровского. Обр. и изд. Е. Хелимского. (HSFUM 4). Hamburg 2001
- Alatalo 2004 – Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von Kai Donner, U.T. Sirelius und Jarmo Alatalo. Zusammengestellt und hrsg. von J. Alatalo. Helsinki, 2004
- Donner K. Kamassisches Wörterbuch nebst Sprachproben und Hauptzüge der Grammatik. Helsinki 1944
- EDAL – Starostin S., Dybo A., Mudrak O., with the assistance of I. Gruntov and V. Glumov. Etymological dictionary of the Altaic languages. V. 1-3. Leiden, Boston, 2003
- Helimski E. Die Matorische Sprache: Wörterbuch – Grundzüge der Grammatik / Sprachgeschichte. Szeged 1997
- Helimski 2007 (1) – Селькупские словарные материалы на сайте www.helimski.com

- Helimski 2007 (2) – Энецкие словарные материалы на сайте www.helimski.com
- Katzschmann M. Vorläufiges Nganasanisches Wörterverzeichnis auf der Grundlage alter und neuer Quellen / Privatausgabe. S.l. 1990.
- Katzschmann, Pusztay 1978 – Katzschmann M., Pusztay J. Jenissej-Samojedisches (Enzisches) Wörterverzeichnis. (Fenno-Ugrica 5). Hamburg.
- SW – Janhunen J. Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki 1977 (Castrenianumin toimitteita. 17)
- UEW – Rédei K. Uralisches Etymologisches Wörterbuch. Bd. I–III. Budapest, 1986 – 1991.

Sándor Szeverényi
University of Szeged,
Hungary,

**On Samoyedic Metaphors
(based on investigating property concepts
in Nganasan)**

Данная статья является частью исследования концепта *смерть* в селькупской языковой картине мира и включает в себя анализ сочетаемости и контекстуальный анализ лексемы *-qigi* ‘умереть’, являющейся базовым языковым репрезентантом данного концепта. Мы придерживаемся точки зрения, на основании которой методика исследования структуры концепта включает в себя анализ сочетаемости (Стернин, 2001: 62), а также контекстуальный анализ лексем, объективирующих концепт в языке. Сочетаемость и контекст позволяют, по нашему мнению, выявить способы категоризации концептуализируемого явления.

The aim of my study is to show some cognitive relations that are characteristic of Nganasan and other Samoyedic languages, i.e. especially the actual source concepts and source domains of the prototypical Nganasan adjectives.

1. Cognitive metaphor research

„It is to be expected, in addition to universality, there will also be cultural variation in metaphor and metonymy.”

(Kövecses 2002: 183) Kövecses suggests that the following are likely possibilities for cultural variation:

(i) variation in the range of conceptual metaphors and metonymies for a given target;

(ii) variation in the particular elaborations of conceptual metaphors and metonymies for a given target;

(iii) variation in the emphasis on metaphor versus metonymy associated with a given target, or the other way around.

In general, we can distinguish between two kinds of cultural variation: (a) cross-cultural (intercultural) and (b) within-culture (intracultural) (Kövecses 2002: 183).

A question arises: can we integrate the CMR with the methods of comparative-historical linguistics?

On the one hand, we can apply it to etymological researches (i.e. employing universal tendencies in s. r.). This would contribute to collecting material for the etymological dictionaries, which do not exist in the case of the Samoyedic languages, but also get closer to the cognitive „background” of these languages. On the other hand, Cognitive Metaphor Research plays an important role in (the) applied linguistics. „Conceptual metaphors appear to be shared by people from different parts of the world, linguistic metaphors may differ greatly across languages (...) Speaking and thinking figuratively in culture-specific ways is a part of people’s day-to-day existence, and metaphors and other figurative phenomena may thus pose great problems in cross-cultural

communication).” (Call for Papers, RaAM7 – www.unex.es/eweb/raam7; 30. June, 2008)

2. Metaphor in lexicology: motivation

Motivation means semantic and syntactic transparency. The formal expression is the device for semantic motivation, its consequence, but it should not be mixed with motivation based on onomatopoesis, According to Koch (2001), motivation has the following types:

motivation based on cognitive relation;

onomatopoetic motivation;

motivating effects of historical layers.

Prototypical (central) adjectives are mostly opaque. Motivation can be indicated with great difficulties because the lexical realizations of prototypical property concepts seem more persistent, so they are relatively old lexemes, but because adjectives basically have a more abstract meaning, and the change of the designation of a prototypical concept can be explained or traced with difficulty. Designations based on direct perception are generally more easily reconstructable, while in the case of human characteristics we find more, semantically and morphologically transparent expressions.

3. Diachron onomasiology and semasiology

Besides field theory and historical semantics, I used the achievements of diachron onomasiology and semasiology which are however old disciplines of lexicology, they gained attention only recently, especially as a result of the

development of cognitive linguistics. The crucial difference between onomasiology and semasiology is in the starting point of the research: while semasiology starts from the formal side (its typical question is the following: What kind of meanings a given y lexical item has?), onomasiology starts from content (its typical question is the following: An x concept is given, which lexical items express it?).

Blank (2001) distinguishes between ten types of associative relations which can be traced back to three Aristotelian principles: similarity, contrast, contiguity. The advantage of diachron cognitive onomasiology is that it can examine the formal processes like derivation, compound, conversion or zero-derivation and the semantic processes together, at the same time. The form of verbalization can be defined (compound, semantic change, etc.) and the relationship between the source and the aim concept, and the relationship between the source and the aim form.

4. Defining the prototypical property concepts

First, we have to define the property concepts which are included in the analysis first.¹ This involves the problem that concerns as regards the adjectival category only the prototypical property concepts can be defined using the prototype theory and cognitive semantics, categorial boundaries, boundary concepts cannot be marked, so we do

¹ Under property concept, I understand the broadest semantic definition of the adjective. Prototypical property concepts are concepts that categorized as adjectives with great certainty in languages of the world where the adjectival category exists.

not get closer to the definition of the barrier between adjective~verb and adjective~noun, because they are blurred. However, it has an advantage as well: starting from the property concepts we can define the central concepts the lexical categorization of which can be traced to the adjectival category in languages where adjectives form a grammatical category. Having categorized these central concepts, we can make statements both about general and language specific tendencies. I rely on Dixon 1982 categorization with the exception that I defined human characteristics as the seventh type.

1. DIMENSION ('big', 'short', 'thin', etc.)
2. PHYSICAL CHARACTERISTIC ('heavy', 'hard',
etc.)
3. SPEED ('fast', 'slow', 'abrupt', etc.)
4. AGE ('young', 'new', 'old', 'ancient', etc.)
5. COLOUR ('white', 'red', 'black', etc.)
6. VALUE ('good', 'bad', 'strange', etc.)
7. HUMAN CHARACTERISTIC ('envious', 'brave', etc.)

In a number of cases, I use Tucker's (1998) system as a starting point. Tucker analyzes systemic network of English adjectives on the basis of the Systemic Lexicogrammar, so practically he sums up concepts belonging to the different types. As applied to Nganasan, Tucker's system seems sometimes over-differentiated because of the limitedness of the Nganasan corpus system, i.e. there are no data for a number of concepts defined by Tucker. As a result, it is not worth applying it as a whole, however, it

provides an adequate frame for the study of special semantic types (it was especially useful in the case of PHYSICAL CHARACTERISTIC and HUMAN CHARACTERISTIC where there was a need for allocation of subcategories). I study these questions at the given point.

5. The corpus

I strived to work through all the published Nganasan materials. My work benefited a lot from the Nganasan morphological database the compilation of which began in the early 90's at the Department of Finno-Ugric Linguistics at the University of Szeged. Since 2000 the project was supervised by Beáta Wagner-Nagy to whom I am truly grateful for giving me access to the manuscript (more than 6000 entries). The Nganasan-Russian dictionary compiled by Kosterkina–Momde–Ždanova (KMZ) proved to be the most important source of my work. In the case of the other Samoyed languages, I used materials found in dictionaries, grammars and scientific articles.

6. Conclusions

(a) The analysis of the property concepts as semantic types showed that the different structure of the certain types affects the reconstructability of concepts belonging to the types.

(b) Differences in the reconstructability are mainly explainable on semantic grounds: one of the determining principles is antonymy (the difference between the negative

and positive members and as regards the types of antonymy), others are the differences between the contradictory and non-contradictory adjectives. In the case of adjectives in a contradictory relation, it is usually the base word which can be reconstructed as the realization of property concepts is morphologically transparent (e.g. CONTENT: 'empty' – 'full'). The difference between the given adjectival subcategories is also present in reconstruction.

(c) Semantic characteristics affect morphology: in the case of adjectives in a contradictory relation it can be productive derivation which function is contrapositive (possession of a characteristic or the lack of this characteristic). In these cases, however, we can reconstruct prevailingly only the nominal base word (which can be an abstract concept), while we cannot reconstruct the adjective itself. However, if the typical derivation is of ancient origin, too, then we can reconstruct the structures as well (to the Samoyed and the Northern Samoyed layer), as if the reconstructed word is the base word (e.g. 'content') and the typical morphological marker (nomen possessoris or privative derivative suffix), then nothing prevents the reconstruction of the whole structure to the Samoyed proto-language ('full', 'empty'). There is a distinct correlation between the formal characteristics of the adjectives with an adjectival derivative suffix and the semantic types.

(d) Concepts of the DAVC (dimension, age, value, colour) categories appear as an absolute source concept most frequently (and naturally as an absolute source form). The

source forms generally coincide with the reconstructed etymon of the given concept.

(e) The presented study confirms the one-way principle: semantic change goes from concrete meaning towards abstract meaning.

The aim of my study was to show the relations characteristic of Nganasan and the Samoyed languages, the indication of the actual source concepts and source domains of the prototypical Nganasan adjectives. I collected the metaphors which are certain in the case of designations based on cognitive relationship. Among these, there should be universal ones and metaphors which are less general in the languages of the world, but because I did not analyze the universality of the metaphors, and as there has not been such work written about the property concepts, this could not have been my aim. However, some general conclusions can be drawn:

(f) there are numerous metaphors which can be viewed as general in the languages of the world (pl. SKY → BLUE), but we can find relations that can be viewed as specific (e.g. Nganasan FINGER → THIN, Enets WITH STICKY NOSE → GREEDY);

(g) adjectives which typically refer to human (and/or animal) characteristics, e.g. *lišü* IDLER ~ LAZY are based on a relationship based on metonymic (syntagmatic continuity);

(h) basis of the motivated designations is typically cognitive based similarity, i.e. metaphoric relationship;

(i) the motivating effect of the historical layer can be detected in the case of loan words, which is based on formal similarities. In Nganasan, it can be assumed in case of words ending with a derivative suffix which is homonymous with the adjectival one (e.g. *ńaagəə* 'good').

References

- Blank, Andreas 2001: Words and Concepts in Time: towards Diachronic Cognitive Onomasiology, [www.metaphorik.de/01/2001/]
- Dixon, Robert Malcolm W. 1982: *Where have all the adjectives gone? and other essays in semantics and syntax*, Berlin, Mouton
- Kosterkina, N. T. – Momde, A. Č. – Ždanova, T. Ju. [Костеркина, Н. Т. – А. Ч. Момде – Т. Ю. Жданова] 2001: *Словарь нганасанского-русский и русско-нганасанский* [Nganasan–Russian and Russian–Nganasan dictionary], Филиал издательство «Просвещение», Санкт-Петербург
- Kövecses, Zoltán 2002: *Metaphor. A Practical Introduction*. OUP, Oxford
- Labanauskas, Kazys [Лабанаускас, Казыс] 2001: *Нганасанская фольклорная хрестоматия = Фольклор народов Таймира* [Chrestomathy of Nganasan folkore = Folklore of the people in Taymir] 6, Дудинка
- Tucker, Gordon H. 1998: *The Lexicogrammar of Adjectives*, London – New York, Cassell

APPENDIX

SOURCE CONCEPT	TARGET CONCEPT	
1. ? BLIZZARD	ENERGETIC/STRONG	(NG)
2. WITHOUT INNER DEAL	EMPTY	(NG, EN, NE)
3. CRADLE	YOUNG (the youngest child of a family)	(NG)
4. SUGAR	SWEET	(NG)
5. SILENT	CALM	(NG)
6. BONE	THIN	(NG)
7. FROST	GREY-HAIRED	(NG)
8. SWEET	DELICIOUS/TASTY	(NG)
9. SKY	BLUE	(NG, EN)
10. HUMAN	POLITE	(NG)
11. BILE, GALL	GALL-COLORED (YELLOW~GREEN~BROWN)	(NE, EN, SLK)
12. WITHOUT STRENGTH	WEAK	(NG, NE)
13. MIND, SENSE	CLEVER, WISE	(NG, EN, NE, SLK)
14. EATING/FOOD	HUNGRY	(NG, EN, NE, SLK)
15. WITHOUT BRAIN	DUMM	(NG, NE, SLK)
16. BEING TIRED	WEAK	(SLK)
17. UP, UPWARD	LONG	(NG)
18. RAISING HEAD	HAPPY	(WNE)
19. WITHOUT FEAR	BRAVE	(NG, SLK)

20. CLOUD	BLUE	(NE)
21. LIGHT, SHINE	LIGHT, SHINE	(NG)
22. CROOKED, CURVE	BEING TIRED	(NG)
23. WORM	LONG	(NG)
24. YOUNG	NEW	(NE)
25. FRECKLE ON HAND	BLUE~GREEN	(NE)
26. DREGS (OF FLUIDS)	OPAQUE, FUZZY (YELLOW, GREEN, BROWN)	(NG, NE)
27. SUFFOCATION	NARROW, TIGHT	(NG)
28. GRASS	GREEN	(NG)
29. SMOG, STEAM, FUME	GREY, BLUE	(NG, NE, SLK)
30. STONE (?)	RUDE	(NG)
31. WEAK	LASY	(NG)
32. HEAR	FAMOUS/WELL-KNOWN	(NG)
33. SOON	FAST	(NG)
34. STOMACH	FAT	(NG)
35. WITHOUT LIE	HONEST	(NG)
36. TRUE, REAL, RIGHT	HONEST	(NG)
37. GAP	SPACIOUS, WIDE	(NG)
38. SNOW, ICE	WHITE	(NG, NE, EN)
39. LONG	FAR	(NG)
40. WITHOUT MEAT	THIN	(NG)
41. LIVING WELL/IN GOOD CONDITIONS	RICH	(NE)
42. HARD HEART	BRAVE	(NG)
43. SMALL	FEW, LITTLE	(NG)

44. CIRCLE	ROUND	(NG)
45. TO ROLL, TO SCREW IN	CIRCLE	(NG)
46. FIELD	FRAGRANT	(NG)
47. WORK	HARD-WORKING	(NG)
48. SUN	BRIGHT	(NG, NE, EN)
49. SUN	WARM	(NG)
50. ? SUN	FAMOUS	(NG)
51. (HAVE) NAME	OLDER	(NG)
52. SLOW	RESTFUL/CALM	(NG)
53. WITH DIRT	DIRTY	(NG, NE, EN, SLK)
54. WITHOUT DIRT	CLEAN	(NE, EN, SLK)
55. STICKY NOSED	GREEDY	(EN)
56. HAVE DEER	RICH	(SLK)
57. HAVE WEAK/POOR BONES	THIN	(EN)
58. HAVE ILL/BAD HUMOUR	SAD, MISERABLE	(EN)
59. LIVING IN BAD CONDITIONS	POOR	(NE, EN)
60. SALT	SALTY (HAVE A SALINE TASTE)	(NG, SLK, KM)
61. WITHOUT SALT	UNSALTED	(NE, EN, NG, SLK, KM)
62. UNPITHYING	RUTHLESS	(NG)
63. SOFT/WARM	KIND/GENTLE	(NE)
64. DRY	SHALLOW	(SLK)
65. COAL-DUST	BLACK	(NG)
66. LUCK, SUCCEED	LUCKY, HAPPY	(NG, EN, NE, SLK, MT)
67. WITHOUT LUCK, SUCCEED	UNLUCKY, UNHAPPY	(NG, NE, KM)

68. BEING WITHOUT HEART	CHICKEN (COWARD)	(NG)
69. REQUIRED	HARD-WORKING	(NE)
70. NARROW, TIGHT	HUNGRY	(NG)
71. ROLL, WRAP UP	CIRCLE	(NG)
72. ?EGG-YOLK	YELLOW	(NE, EN, NG)
73. FINGER	THIN	(NG)
74. SEDIMENT	OPAQUE	(NG)
75. CROW	BLACK	(NG)

abbreviation:

- En = Enets
- Km = Kamass
- Mt = Mator
- Ne = Nenets (Tundra and Forest)
- Ng = Nganasan
- Slk = Selkup
- WNe = Forest Nenets

RE-APPROACHING THE PASSIVE IN FOREST ENETS

Voice distinction in Forest Enets

The existence of a voice distinction *active-passive* in Forest Enets was first discussed by Sorokina [Сорокина 1976: 17-19]² who identified its basic characteristics:

- 1a) *эньче' камоз седа* 'человек дом построил'
1b) *камоз энчед седарэйтз* 'дом человеком построен'

In 1b) the patient *камоз* 'house' has become the subject of the clause and the agent *эньче'* 'man, person' is deprived of any core grammatical case marking and encoded with the lative case. Concerning verbal morphology, the verb in (2) is encoded in the 3rd conjugation (reflexive-medial) and preceded by the suffix *-рэ-* which functions as a passivizer. Verbs agree with their subject (*камоз* 'house' *седарэйтз* 'make.REFL.3SG'). The same is true for pronominal objects:

- 2a) *модь койтарэибь*
'я обманут кем-то'
2b) *уу койтареидь*
'ты обманут кем-то'

¹ Examples in phonological transcription derive from fieldwork which is financed by a DOBES grant from Volkswagenstiftung "Documentation of Enets and Forest Nenets" which is gladly acknowledged.

² Apart from this account, the passive in Forest Enets has not been taken into account in any detail later; I'm not aware of any other published work on passivizes in Enets.

2c) *бу койтарэиз'*

‘ОН ОБМАНУТ КЕМ-ТО’

Further, Sorokina explicitly states, that only transitive verbs can be passivized. What follows in her description is of lesser importance for syntax as it is centered on the morphological analysis of Forest Enets verbs and will not be reviewed further.

The passive in Forest Enets

A fair amount of literature on passives has centered on the problem whether passivization is lexical or syntactic. Concerning Forest Enets, passivization with *-Ra*³ seems to be lexical as not all transitive verbs allow passives; verbs which are blocked from undergoing passivization are several transitive verbs denoting states (e.g. to love, to mourn X's death, to fear X).⁴

Another central aspect in the general discussion of passives and impersonals is the role of the agent. In Forest Enets, the agent can be suppressed which then results in an impersonal reading:

2) *kirba čukči tydy-r-yđ*”

bread all sell-PASS-R.3SG

‘All bread was sold.’ [ZNB IV 10]

3) *kañi-i' po-hun pošolka-han-yñ*»

go-PTCP.PFT year-LOC village-LOC-PX.GEN.1PL

ηol'u meju kamuđ m'ä-r-iđ-ut'

one new house make-INCH-R.3SG/PL

‘Last year a new house was built in our village.’

[ZNB 12.12.07]

³ Capitalization shows, that morphemes undergo morphological alternations e.g. *piri-r-iđ*” ‘is cooked’ from *piri-* ‘to cook’ *mi-ly-đ*” ‘is given’ from *mi-*” ‘to give’. The deletion of /a/ before /i/ is another regular morphological process (see examples in 15).

⁴ In a later stage of fieldwork, the verb ‘to love’ was passivized yet with reservations.

If the lexical agent is present, its default encoding is the lative case –D

- 4a) *m'ädi no*” *tora-đa*
 wind door.ACC close-SG.3SG
 ‘The wind closed the door.’
- 4b) *m'ädi-d no*” *tora-r-iđ*”
 wind-LAT door close-PASS-3SG/PL
 ‘The door was closed by the wind.’
 [ZNB III 65]

- 5a) *bunyk ši*” *sakra*
 dog 1SG.ACC bite.3SG
 ‘The dog bit me.’ [ZNB IV 37]
- 5b) *bunyk-d sakra-ri-i*”
 dog-LAT bit-PASS-R.1SG
 ‘I was bitten by the dog.’ [ZNB IV 37]

Turning to pronominal agents, the situation is fuzzy. Initially, pronominal agents in the lative were dispreferred. Instead passives with pronominal agents were translated by a construction based on the past participle -i” and a so far unknown element -du.⁵

- 6) *tođa-du-i-b'* *ηol'u te-ru*
 bring-DETR-PST.PTCP-PX.1SG one reindeer-LIM
 ‘Only one reindeer was brought by me’
- 7) *kađa-du-i-b'* *ηol'u aba*
 kill-DETR-PST.PTCP-PX.1SG one ptarmigan
 ‘One ptarmigan was killed by me.’

⁵ Currently I assume that this suffix has a de-transitivizing function though this needs yet to be proven.

- 8) *mod' ko-du-i-b' te*
 1SG find-DETR-PST.PTCP-PX.1SG reindeer
 ‘One reindeer was found by me.’ [ZNB IV 38]

In contrast, indefinite and negative pronouns were used with the Ra-passive without objections:

- 9) *še-ho-d no" tora-r-iđ"*
 who-INDEF-LAT door.NOM close-PASS-3SG/PL
 ‘The door was closed by somebody.’ [ZNB III 65]

- 10) *obu-huru še-huru-d ni-đ" tođa-ra-"*
 what-NEG who-NEG-LAT NEG.AUX-R.3SG
 bring-PASS-CN

‘Nothing was brought by nobody (lit: nothing was not brought by nobody)’ [ZNB IV 54]

Re-addressing the passive after a couple of days with the same consultant, pronominal agents were accepted without objections:

- 11a) *ibl'eigu-r aga kasada sakra*
 young-PX.2SG big boy-PX.ACC.3SG bite.3SG
 ‘Your little one bit the older boy.’ [ZNB IV 54]

- 11b) *mod' noda sakra-r-ii"*
 1SG 3SG.LAT bite-PASS-R.1SG
 ‘I was bitten by him.’ [ZNB IV 54]

- 12) *mod' bu noda kol-ut tođa-r-ii"*
 1SG 3SG.LAT school-LAT bring-PASS-R.1SG
 ‘I was brought to school by him.’ [ZNB IV 54]

Strikingly, whereas constructions 6-8 are formally akin to relative clauses, my consultant did not translate them as e.g. ‘X_{noun} which was Y_{verb} by me’ nor did she approve any translation which included *который*.

Finally, although there seems to be a clear preference for the lative to mark lexical agents, in a variety of cases, the agent can be marked with the locative case.

13) *äki balok kasa äči-gin m'ä-ra-d-ið*
 this balok son-LOC.PL make-PASS-FUT-R.3SG
 'This balok will be built by the sons.'
 [ZNB 12.12.07]

14) *čiki paður äsi-hun-da*
 this letter father-LOC-PX.GEN.3SG
pað-ra-d-yð
 write-PASS-FUT-R.3SG
 'This letter will be written by his father.'
 [ZNB 12.12.07]

These instances are currently under investigation and subject to further research during subsequent fieldwork.

Morpheme ordering and textual frequency

The Ra-passive can be used without temporal restrictions in the aorist (a), general past (b), perfect I (c), perfect II (d), future I (e) and future II (f). The morpheme-ordering principles as discussed in Sorokina 1975 apply:

- 15a) *kniga kolu-t äðta-r-yð*
 book school send-PASS-R.3SG
 'The book is sent/was just sent to the school.'
- 15b) *äðta-r-yð-ut'* 15c) *äðta-ra-b-ið*
 send-PASS-R.3SG-PST send-PASS-PERF-R.3SG
 'was sent (recently)' 'was sent (long time ago)'
- 15d) *äðta-ra-b-ið-ut*
 send-PASS-PERF-R.3SG-PST
 'was sent (distant past)'
- 15e) *äðta-ra-d-yð* 15f) *äðta-ra-d-yð-ut'*
 send-PASS-FUT-R.3SG send-PASS-FUT-R.3SG-PST
 'will be sent' 'will have been sent'
 [ZNB IV 9]

The Ra-passive appears infrequently in recorded speech. If present, it is used as an agentless passive as the following two

examples demonstrate⁶:

16) *pona či ma-ńu te pońida-aš*
then so say.3SG-EMPH r.herdsmen-TRSL
kańi-đ äsi-ku-ji-b' ma-ńu
go-1SG father-DIM-PEJ-PX.1Sg say.3SG-EMPH
'Then, he said, I will become a reindeer herdsman, so my
father said.'

te pońida-aš mu-r-yđ
r.herdsmen-TRSL take-PASS-R.3SG
bodu-n mosra-š
tundra-LOC work-3SG.PST
'He was hired [lit: he was taken] as a reindeer herdsman and
then he worked in the tundra.'

17) [*kady-r i-siu*]
[be.ill-CN NEG.AUX-ASSUMP.3SG]
peńsia-t mokta-r-yđ
pension-LAT put.up-PASS-R.3SG
'Apparently he was ill and so he retired (lit: he was put up to
pension)'

Reference

Сорокина, Ирина 1975. Морфология глагола энецкого языка. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Ленинград. Институт языкознание Академии наук СССР.

⁶ Transcript of recording [EIB Autobiographic] is not normalized; missing glottal stops are not added.

А.Г. Тучков
Государственный педагогический университет,
г. Томск

**БУКВАРЬ П.А. АФАНАСЬЕВА
ДЛЯ КЕТСКИХ СЕЛЬКУПОВ (1920-е гг.)**

Создание письменности и, соответственно, учебной литературы для бесписьменных народов Сибири являлось важной исторической задачей в 1920–1930-е гг. Официально политика по созданию письменности и обучению аборигенов Сибири на их родных языках наиболее интенсивно проводилась в период с 1926 по 1934 гг. Непосредственно практической работой по созданию алфавитов и букварей для народов Сибири занимались многие ученые того времени: В.Г. Богораз, С.Н. Стебницкий, Н.И. Леонов, П.Е. Островских, В.Н. Чернецов, Н.К. Каргер, Я.П. Кошкин (Сергеев 1955: 276; Пелих 1990: 9). Для селькупского языка к этой работе были привлечены Г.Н. и Е.Д. Прокофьевы (перечень учебной литературы для начальной школы, созданной этими исследователями см. Указатель литературы 1934). Автономно от их деятельности в Нарымском крае в середине 1920-х гг. был разработан и внедрён в практическую преподавательскую работу учебник на языке кетских селькупов. Автором этого учебного пособия являлся П.А. Афанасьев.

Сведения о Петре Андреевиче Афанасьеве, находящиеся в распоряжении современных исследователей, отрывочны и, порой, противоречивы. Его имя редко упоминается в работах по истории образования у народов Сибири и Севера. Однако в тех редких случаях, когда встречается о нем информация, она часто искажена. Так, историк образования А.Ф. Эфиоров, анализируя вклад педагогов 1920–1930-х гг. в становление национального

образования на родном языке учащихся, писал, что П.А. Афанасьев был одним из тех, кто в 1920-гг. не только изучал «туземные языки», но и сам создал на одном из этих языков букварь. При этом А.Ф. Эфиров называл П.А. Афанасьева «учителем ханто-ненецкой школы-интерната» на Кети Томского округа, который в 1926 г. составил «азбуку» для хантов и проводил занятия на хантыйском языке (Эфиров 1948: 173). Вероятно, А.Ф. Эфиров в 1940-е гг. «перевел» в свете новых правил номинации сибирских этносов словосочетание «остяко-самоедский» как «ханто-ненецкий», не учтя, что за остяко-самоедами был закреплен этноним «селькупы». Вместе с тем, данное заблуждение встречается и позже, в работах 1950-х гг. по истории становления образования, где П.А. Афанасьев выступает как первый автор букваря для хантов (Цинциус 1958: 79).

В 1920-х гг. имя П.А. Афанасьева нередко встречалось на страницах архивных документов. По этим источникам можно проследить определенный отрезок времени в его биографии, связанный, прежде всего, с его директорствованием в школе-интернате для селькупских детей сначала в д. Курья, затем в Широковском интернате в ю. Широковых на р. Кети (Переписка с Сибкрайоно... 1925-1926: 17; Переписка с Окрисполкомом... 1925–1926: 35–36, 37, 65).

Более полно его биография и профессиональная деятельность представлены в статье Н.М. Дмитриенко «Фанатик Севера и туземцев» (Дмитриенко 1997: 384–395). Согласно материалам автора данной статьи, П.А. Афанасьев родился в 1888 г. в Кирсановском уезде Тамбовской губернии. По профессии был учителем. Однако пока не ясно, какой учительский институт он закончил в 1910 г. Предположение Н.М. Дмитриенко о том, что он мог окончить томский учительский институт, не подтвержда-

ется документально. В списках выпускников данного института на 1910 г. его фамилии нет; также имя П.А. Афанасьева не встречается в списках томского учительского института на протяжении истории его функционирования в период с 1902 по 1917 гг. (Войтеховская, Кочурина, 2002: 191–225; Учительские институты..., 2005: 254–305).

В начале 1920-х гг. он работал в сфере народного образования: в 1921 г. был учителем в школе ю. Карелиных, в 1922 г. – ответственным организатором детского дома в пос. Тогур (Дмитриенко 1997: 385–386). Также известно, что в 1921 г. П.А. Афанасьев занимал должность школьного инструктора при Нарымском УОНО (Материалы о работе Нарымского УОНО 1921: 4 (об)).

Педагогическая деятельность П.А. Афанасьева, его самоотверженный труд получили широкую известность в 1920-е – начале 1930-х гг. Его успехи, наравне с успехами других подвижников того времени в области образования детей народов Севера, были отмечены А.В. Луначарским и Комитетом Севера (Луначарский 1927: 20; Советское строительство... 1927: 79).

При всех сложностях того времени, одной из самых существенных проблем, значительно осложнявших учебный процесс, являлось практически полное отсутствие учебной и методической литературы. В связи с этим создание учебного пособия (вероятно, «Букваря») на языке того народа, среди которого П.А. Афанасьев преподавал, а именно – на языке кетских остяков (селькупов), является важной его заслугой в становлении национального образования в Сибири.

Самое раннее (к сожалению, только косвенное) упоминание о созданном П.А. Афанасьевым букваре для «остяков» встречается в документах за 1923–1924 гг. Это сведения о со-

стоянии народного просвещения в Томской губернии. Среди основных мероприятий, намеченных властями на ближайшую перспективу в области развития национального образования, было отмечено и о принятых мерах по созданию письменности среди «остяков Нарымского края», в результате которых «подготовлен остяцкий букварь, составленный одним из учителей-остяковедов» (Сведения... 1923-1924: 6). Имя автора букваря не указывалось. Также нет и данных о группе «остяков», которым предназначался данный букварь. Информация эта, судя по тону изложения, озвучивалась формально, наспех, когда не было времени более детально ее оформить. Однако по имеющимся в тексте косвенным сведениям можно сделать заключение, что речь шла именно о П.А. Афанасьеве и о его букваре для кетских селькупов.

Позднее о «книге-букваре для остяков» упоминает и А.В. Луначарский в своем программном выступлении о задачах школьного строительства на расширенном Пленуме Комитета Севера 1 марта 1927 г. (Луначарский 1927: 20).

Согласно сведениям Н.М. Дмитриенко, к написанию букваря П.А. Афанасьев приступил в январе 1924 г. Помогал ему в этом деле учитель Широковской школы-интерната В.П. Надежденский. Первоначально это был рукописный вариант букваря на кетском диалекте. Готовую рукопись П.А. Афанасьев отправил в Москву в Наркомат Просвещения. Эта рукопись Наркоматом Просвещения была получена, о чем свидетельствуют слова А.В. Луначарского. Однако дальнейшая судьба рукописи неизвестна. Преподавание в школе-интернате осуществлялось П.А. Афанасьевым на основании копии (или черновика) этого букваря. Практически одновременно с созданием букваря, П.А. Афанасьевым была создана и хрестоматия (книга для чтения) на

языке кетских селькупов (Дмитриенко 1997: 387; Томская область..., 1994: 344).

С горечью стоит отметить, что в начале 1930-х гг., когда осуществлялся перевод кетской школы-интерната из ю. Широковых в ю. Максимкин Яр, и когда П.А. Афанасьев уже находился в опале, для обеспечения учебного процесса школы в новых условиях чиновники вновь заговорили о необходимости создания учебников на родном языке кетских селькупов. О П.А. Афанасьеве и его букваре уже не упоминалось (Проект землеустройства... 1932–1933: 77). Возможно, новое руководство школы-интерната и местные власти не знали о созданной П.А. Афанасьевым азбуке, или, что более вероятно, преднамеренно умалчивали о его педагогических заслугах, в том числе и в деле создания учебного пособия на языке коренного кетского населения. Это и понятно: учитывая, какую травлю затеяли против него в 1930 г. (подробно см.: Дмитриенко 1997 : 390, 392, 394), его имя просто боялись упоминать.

Как бы то ни было, процесс создания азбуки для селькупов Нарымского края был на десятилетие отсрочен. Опыт П.А. Афанасьева оказался забыт. Попытка Е.Д. Прокофьевой внедрения в середине 1930-х гг. письменности среди нарымских селькупов на диалекте северных селькупов провалилась (об этом подробно см.: Пелих 1990 : 9; Горощина, 2005 : 265; Тучков, 2007 : 165–166).

С уходом П.А. Афанасьева с преподавательской деятельности, теряется и сам букварь. Нерешенным остается вопрос, использовал ли П.А. Афанасьев опыт букваря Н.П. Григоровского «Азбука сюссогой гулани» (1879) на основе чаинского диалекта, или же он не знал об этом пособии, созданном более чем на полстолетие ранее, но к началу XX в. ставшим библио-

графической редкостью.

Также остается не выясненным вопрос, на базе какого говора кетского диалекта был создан букварь П.А. Афанасьева*. Судя по месторасположению кетского интерната в ю. Широковых на Кети, букварь мог быть создан на базе нижнекетского говора (что было бы уникальным, так как этот субдиалект так и остался для науки слабоизученным). Однако, что представляется более вероятным, П.А. Афанасьев не дифференцировал диалект кетских селькупов на различные говоры, и в нём могло быть смешение данных, полученных от разных носителей языка.

Перспектива для поиска рукописного букваря П.А. Афанасьева, безусловно, есть. Возможные пути этого поиска: Государственный архив Томской области (ГАТО) (фонды по народному образованию); Центр документации новейшей истории г. Томска; архив Комиссариата народного просвещения (г. Москва), а также архив ФСБ по Томской области.

С сожалением стоит отметить, что после опыта П.А. Афанасьева по созданию букваря на языке кетских селькупов и введения практики преподавания в школе на родном языке учащихся, более попыток такого рода на Кети не предпринима-

* Современное понимание диалектного членения языка селькупов можно представить следующим образом: выделяют **северный (газовско-туруханский) диалектный ареал**, внутри которого фиксируют *среднетазовский, верхнетазовский, верхнетолькинский (ларьякский)* и *башенский* диалекты; **центральный диалектный ареал** с *тымским, васюганским* и *нарымским* диалектами; **южный диалектный ареал** с подразделением на *среднеобской (иванкинский), кетский* (с выделением внутри *нижне-, средне-, верхнекетского* и *верхнеобского (сондоровского)* говоров), *чаинский* (с делением на *среднечаинский* и *нижнечаинский* говоры) и *чулымский* диалекты (Тучкова, 2008 : 205).

лось (документальных данных об этом нет). Таким образом, букварь П.А. Афанасьева являл собой первый и, вероятно, последний в истории народного образования кетских селькупов образец внедрения селькупской письменности.

Только в конце XX в. финским ученым Ярмо Алатало был создан словарь селькупско-русский и русско-селькупский на кетском диалекте селькупского языка (Сююссыгууй ээджипсан Кээткый кууланни (1998)), однако непосредственно в учебный процесс он введён не был, так как к концу 1990-х гг. потомки селькупского населения на Кети (особенно дети, молодое и среднеговозрастное поколения) стали исключительно русскоязычны. Кетский диалект селькупского языка, также как и словарь на этом диалекте, теперь представляют исключительно научный интерес.

Источники и литература

- Алатало Я. *Сююссыгууй ээджипсан Кээткый кууланни*. Максимкин-Яр – Хельсинки 1998.
- Войтеховская М.П., Кочурина С.А. Томский учительский институт: Возвращенная история. 1902-1920 гг. Томск, 2002.
- Григоровский Н.П. *Азбука сюссогой гулани*. Составлена Н.П. Григоровским для инородцев Нарымского края. Казань 1879.
- Дмитриенко Н.М. Фанатик Севера и туземцев // Земля Верхнекетская. Томск 1997. С.384-395.
- Луначарский А.В. Задачи Наркомпроса на Крайнем Севере // Северная Азия. М. 1927. № 3. С.18-22.
- Материалы о работе Нарымского УОНО // ГАТО. Ф.Р.- 28. Оп.1. Д.131.
- Пелих Г.И. Букварь для селькупов. Без письменности нельзя сохранить народ. // Народная трибуна. 1990. 11 ноября. № 21. С. 9.
- Переписка с Сибкрайоно и Окружкомом ВКП(б) о политпросветработе среди нацмен 10.10.1925 – 10.04.1926 гг. //

ГАТО. Ф.Р.- 214. Оп. 1. Д. 80.

Переписка с Окрисполкомом, остяцкими и татарскими школами о просвещении нацмен. Программы национальных вечеров и праздников. 6.10.1925–3.09.1926 гг. // ГАТО. Ф.Р. - 214. Оп. 1.Д. 81.

Проект землеустройства Верхнее-Кетского туземного совета Колпашевского района Нарымского округа 1932-1933 гг. // Архив ТОКМ. Ф.1. Оп.3. Д.48.

Сведения о состоянии народного образования в Томской губернии к началу 1923-1924 учебных годов. // ГАТО. Ф.Р.- 28. Оп.1. Д.186.

Сергеев М.А. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. М.Л. 1955.

Советское строительство. Расширенный Пленум Комитета Севера при Президиуме ВЦИК (с 28.02. по 5. 03. 1927 г.) // Северная Азия. М. 1927. № 3. С. 76 - 91.

Томская область: Исторический очерк. Томск 1994.

Торощина Н.В. Нарымский период в деятельности Е.Д. Прокофьевой. // Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур. Вопросы преподавания и иностранных и национальных языков: Сборник статей международной конференции XXIV Дульзоновские чтения. Томск, 2005. С. 261 - 268.

Тучков А.Г. Факторы формирования языковой ситуации у южных (нарымских) селькупов в 1920-1930-е гг. // Вестник ТГПУ. Серия: Гуманитарные науки (История. Археология. Этнология). Томск, 2007. Вып. №3 (№66). С.161 - 168.

Тучкова Н.А. Крайне южные селькупы // Археология и этнография Приобья. Материалы и исследования. Сборник трудов кафедры археологии и этнологии. Вып. 2. Томск, 2008. С. 205 - 223.

Указатель литературы, изданной на языках народов Севера в 1931-1933 гг. Л. 1934.

Учительские институты Западной Сибири 1902-1920-е гг. Томск, 2005.

Цинциус В.И. Родной язык в начальных школах народов Крайнего Севера // Просвещение на Советском Крайнем Севере. Л. 1958. Вып.8. С. 76 - 89.

Эфиров А.Ф. Нерусские школы Поволжья, Приуралья и Сибири.
Исторические очерки. М. 1948.

А.Ю. Урманчиева
Институт языкознания,
г. Москва

КОНВЕРГЕНЦИЯ, МАСКИРУЮЩАЯ ДИВЕРГЕНЦИЮ: ЭНЕЦКИЕ ДИАЛЕКТЫ И НЕНЕЦКИЙ ЯЗЫК¹

Корпус засвидетельствованных камасинских личных имен состоит из 6 женских и 14 мужских имен, а также 14 фамилий.

1а) Женские имена: *Аккэна*, *Бангарин*, *Тягэлэк* ‘маленькая птица’, *Тидя* ‘маленькая птица’, *Комэстай* ‘Играющая на кобысе [?]’, *Ташишо*.

В данной работе я бы хотела остановиться на одном, на первый взгляд, достаточно частном вопросе: присутствует ли в фонологической системе лесного диалекта оппозиция двух *e*-образных звуков – узкого и широкого. Ответ на этот вопрос, тем не менее, позволяет сделать достаточно любопытные общие выводы, касающиеся конкуренции между дивергенцией и конвергенцией в пучке близкородственных и при этом находящихся в контакте идиомов.

В материалах ряда исследователей лесного диалекта энецкого языка (Т. Миколы, И.П. Сорокиной, Д.С. Болиной) отмечается противопоставление двух *e*-образных звуков, более закрытого и более узкого: *e* ~ *ɛ*. Прежде всего, возникает вопрос: является ли это противопоставление, отсутствующее в тундровом диалекте, архаизмом, сохраненным в лесном энецком, либо инновацией, возникшей в этом диалекте? Ответ на этот вопрос сформулирован в [Хелимский 2007]: он считает эту оппозицию но-

¹ Исследование выполнено при поддержке РГНФ, грант № 07-04-00135а «Опись архива Н. М. Терещенко и обработка неизданных материалов»

вой, возникшей за счет того, что "старый", или этимологический, энецкий звук [e] в лесном диалекте стал произноситься более открыто, как /ɛ/, а его место занял новый узкий гласный /e/, образовавшийся в результате монофтонгизации *io* и *ie*, ср.

‘хозяин’ тундр. *biomo* ~ лесн. *b'em*;

‘дыра’ тундр. *s'ie* ~ лесн. *s'e*,

но:

‘дерево’ тундр. *pe* ~ лесн. *p'ε*;

‘делить’ тундр. *ted'e* ~ лесн. *tεd'*.

Рассмотрим подробнее вопрос об отражении исконного энецкого [e] в лесном диалекте. Вообще, фонетическая реализация этого звука носит в редуцированном варианте лесного диалекта крайне неустойчивый характер: в текстах, опубликованных в [Сорокина, Болина 2005], можно встретить такие конкурирующие записи, как, например, *мэкон*, *мекон*, *мекон*, *мякон* 'в чуме', из [mekone] 'в чуме'. Иными словами, при фонетической реализации исконного энецкого [e] в редуцированном варианте лесного диалекта:

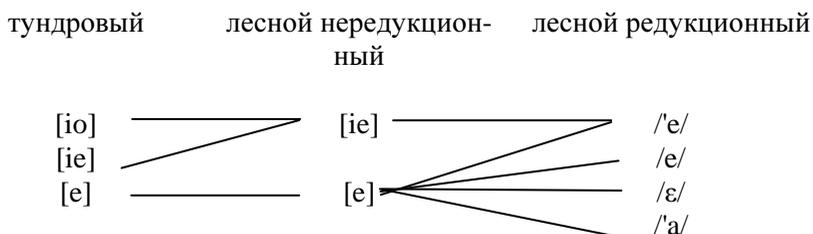
1) эта фонема может сохранять свое "исконно энецкое" качество и реализовываться как /e/, не смягчающее предшествующий согласный: [e] > /e/;

2) качество гласного может не меняться, но перед ним происходит палатализация предшествующего согласного: [e] > /'e/;

3) она может фонетически реализовываться в более широком варианте, как /ɛ/ с палатализацией предшествующего согласного: [e] > /'ɛ/

4) наконец, может происходить и дальнейшее расширение /ɛ/ до /a/ при сохранении мягкости предшествующего согласного: [e] > /'a/.

Итак, в редуccionном варианте лесного диалекта мы находим следующие "е-образные" звуки (знак ' перед гласным обозначает смягчение предшествующего согласного):

Таким образом, мы видим, что при переходе к редуccionному варианту мы не можем сформулировать фонетических переходов, которые были бы соотносимы с исторической фонетикой энецкого; иными словами, все многообразие звуков в этой части вокалической системы не является закономерными рефлексамии гласных фонем, представленных в нередуccionном варианте лесного и в тундровом диалекте – и восходящих, в конечном итоге, к прасамодийским источникам. Объясним ли такой сбой – тем более парадоксальный, что преемственность, сохранявшаяся в историческом развитии вокализма от прасамодийской эпохи, была нарушена всего лишь за неполные сто лет? С этой точки зрения очень интересно проследить возможное возникновение пучка рефлексов старого [e].

Просматривая словарь [Сорокина, Болина 2001], где отражен редуccionный вариант энецкого, например, на буквы *n-* и *m-*, мы находим закрепленное для одних слов написание с корневым гласным 'e (слова на *ne-*, *me-*), для других – написание с

корневым гласным *ε* (слова на *пε -*, *мε -*), и, наконец, для третьих – написание с корневым гласным *'а* (слова на *п'а-*, *м'а*), см. второй столбец нижеприведенной таблицы 1. Однако, если мы сопоставим словарные материалы И.П. Сорокиной с материалами текстов, записанных ей же на лесном диалекте, то мы увидим, что одни и те же слова могут реализовываться и с *'е*, и с *ε*, и с *'а*, (см. третий столбец таблицы, где слова с написанием, отклоняющимся от принятого в словаре, выделены полужирным; ср., например, приведенное в таблице одним из первых слово *педь(сь)* 'взорваться, выстрелить, лопнуть').

	энецкий			ненецкий	
	лесной		тундровый	тундровый	
	редукционный		полный		
	словарь конца 1990-х гг [Со-рокина, Болина 2001]	тексты конца 1960-х—начала 1970-х гг. [Со-рокина, Болина 2007]	словарь [Хелимский, рук.]		словарь [Терещенко 1965]
пе-	<i>пе(дь)</i> (осн. <i>пер-</i>) 'искать'	<i>педь</i> (Inf)	<i>ped'e,</i> (осн. <i>pier-</i>)	<i>pid'e,</i> (осн. <i>pior-</i>)	<i>тюрь</i> (осн. <i>тюр-</i>)
	<i>педик</i> 'желудок'		<i>pediko</i>		<i>тирци</i>
	<i>педы(сь)</i> 'взорвать'	<i>педзеу</i> 'я выстрелил' // <i>пядхун</i> 'выстрелом'	<i>pedo-</i>		<i>пендӓ(сь)</i>
	<i>педю</i> 'бубен'	<i>педю</i>	<i>ped'iʔ</i>		<i>пензер"</i>
	<i>пей</i> 'темно'	<i>пей</i> // <i>пэй</i>	<i>pei</i>		<i>пэв</i>
	<i>пере</i> 'половина'	<i>пере</i>	<i>pere</i>	<i>peri</i>	<i>пеля</i>
	<i>пери</i> 'совсем'	<i>пери</i> // <i>пери</i>	<i>periiʔ</i>		<i>тили"</i>
ме-	<i>менси</i>	<i>менси</i> // <i>мэнси</i> // <i>мэнси</i>	<i>mense</i>	<i>men'uʔo</i>	

	'старуха'				
	<i>меси(сь)</i> 'аргишить'	<i>месись (Inf)// мэсиэбачь</i> 'мы аргшили'	<i>miese-</i>	? <i>тиодо</i> 'аргиш'	<i>мюсесь</i>
	<i>месь</i> 'хватит!'	<i>месь</i>	<i>mes'i</i>	<i>mes'ii</i>	<i>мэсь</i>
	<i>мею</i> 'новый'	<i>мею // мэю // мёю</i>	<i>теју</i>	<i>тејо</i>	
П -					
	<i>педа</i> 'камус'	<i>педазунь</i> 'камуса для меня'	<i>peda</i>		<i>пена</i>
	<i>пезаа</i> 'ловкий'		<i>реда</i>		<i>пэдава</i>
	<i>пей</i> 'ладонь'		<i>pei</i>	<i>рео</i>	<i>пеʎ(н)</i>
	<i>пери(сь)</i> 'держаться'	<i>пяри</i> 'держится'	<i>pere-</i>		<i>пере(сь)</i>
	<i>пеля</i> 'лоб'	<i>пеля // пэйданин</i> 'на лбу'	<i>реја</i>	<i>реа</i>	<i>пэя</i>
МЕ-					
	<i>мери</i> 'умелый'	<i>мери</i>	<i>meriʔ</i>		<i>мел''(д)</i>
ПЯ-					
	<i>пя</i> 'дерево'	<i>пя // пезой</i> 'дерево для меня' // <i>пэкучакан</i> 'палочкой'	<i>ре</i>		<i>пя</i>

	ня 'обувь'	няда бинѣ дика, пѣза тоѣи кариза 'бокарей завязки развязала, бока- ри вниз спустила'	<i>рее</i>		<i>тива</i>
	ня(сь) 'начать, отправиться'	ня // пѣза 'он начал' // пэ? 'они начали'	<i>ре-</i>		ня(сь)
	пярни 'родственник'	перни	<i>pere</i> 'половина'	<i>peri</i> 'половина'	переня
	пяусу(дь) (ос- нова пяусум-) 'потемнеть'	пяусума // пѣусумною	<i>реосит-</i>		пѣвсюмзь
мя-	мя(сь) 'сделать'	мябунь 'если я сделаю' // мѣиз 'я делаю' // мегусь Dur-Inf // мегуби Dur- Infer	<i>те-</i>		мись
	мя? [?] 'чум'	мякон 'в чуме' // мэ? // мѣкоз 'из чумов' // мезигу 'чумик'	<i>те?</i>		мя''
	мягяза(сь) 'мелькнуть'		<i>тегадо-</i>		мялкадарць
	мяр 'быстро'	мяр	<i>меро?</i>		мер?

	<i>мяри</i> 'рана'	<i>мяри, мяр</i>	<i>tere</i>		<i>мерё</i>
	<i>мяга</i> 'заводь'				<i>меҗга</i>
	<i>мяси</i> 'ветер'	<i>мясись</i> (Ess) // <i>месись</i> (Ess) // <i>месиди</i> 'ветер- 3Sg'	<i>mese</i>	<i>med'e</i>	<i>мерця</i>

Эта таблица позволяет заметить ряд интересных – и взаимосвязанных – фактов, касающихся развития вокализма в редуционном варианте лесного диалекта:

1) в действительности при отражении в редуционном варианте лесного диалекта исконной энецкой фонемы [e] мы не находим столь четкого разделения между 'e ~ ε ~ 'a, которое проводится в словаре [Сорокина, Болина 2001]: большинство слов допускают произносительные варианты с несколькими из этих звуков;

2) тем не менее, мы можем отметить интересную закономерность: все энецкие слова, ненецкие соответствия которых имеют корневой гласный 'a (см. пятый столбец таблицы), чаще реализуются с 'a в редуционном варианте лесного энецкого – и, соответственно, записываются с я в словаре [Сорокина, Болина 2001]

3) однако сформулированная в предыдущем пункте закономерность не является классическим правилом звуковых соответствий по двум причинам. Во-первых, она выполняется только в одну сторону: все ненецкие слова с 'a реализуются с 'a в редуционном варианте энецкого, но обратное неверно: не все энецкие слова с 'a имеют соответствия с 'a в ненецком: среди слов с я в словаре [Сорокина, Болина 2001] мы находим некоторые "лишние" слова: им соответствуют ненецкие слова с 'e. Во-вторых, ни в полном варианте лесного диалекта, ни в тундровом нет противопоставления гласных, которое было бы скоррелировано с ненецкой вокалической оппозицией 'a ~ 'e. Ненецкое противопоставление 'a ~ 'e отражает противопоставление прасамодийских гласных ä ~ e. Однако в обоих диалектах энецкого рефлексы ПС *ä и *e совпали, о чем свидетельствуют данные третьего и четвертого столбцов.

4) очевидно, что тенденция к противопоставлению *'a ~ e* при отражении исконного энецкого [e] в редуционном варианте лесного диалекта является вторичным явлением, возникшим под влиянием ненецкого языка. Любопытно, что – поскольку языки эти являются близкородственными – результаты "расщепления" исконного энецкого [e] в большинстве случаев выглядят как закономерная рефлексация прасамодийской вокалической оппозиции, и, а) не имея мы надежных данных, свидетельствующих о нейтрализации этого прасамодийского противопоставления в энецком, б) пребывая лесной энецкий в более благоприятной ситуации, позволившей бы ему выработать новые фонологические оппозиции, можно было бы прогнозировать, что эта псевдорефлексация вскоре стала бы неотличима от классических изоглосс, определяющих меру родства языков. Иными словами, вторичное, контактное схождение близкородственных языков замаскировало бы степень реального расхождения двух идиомов, ненецкого и лесного энецкого.

Совпадения с ненецким языком не являются закономерными соответствиями. Вернее было бы определить их как "имитацию" ненецкой произносительной нормы носителями редуционного варианта лесного энецкого; в ряде случаев – не имея мы сведений по фонетике нередуционного варианта лесного диалекта – результаты этой имитации были бы неотличимы от регулярных фонетических соответствий. Тем не менее, в данном случае очевидна не внутриязыковая, а внешняя причина возникновения этих изменений в лесном энецком: процессы фонетических изменений "запущены" в редуционном варианте лесного диалекта за счет контактов с ненецким.

Таким образом, мы наблюдаем, что за последние столетие лесной диалект энецкого претерпел существенный дрейф, схо-

дьясь с ненецким – и, соответственно, удаляясь от тундрового диалекта. Тут возникает достаточно любопытная ситуация: два близкородственных идиома демонстрируют ряд общих черт не за счет сохранения реликтов предшествующего состояния, а за счет вторичного, ареального схождения. Но если бы история двух энецких диалектов была известна нам хуже – или если бы процесс фонологизации редуccionной фонетики в лесном энецком произошел бы на пару веков раньше, – то фонетические схождения ненецкого и лесного энецкого могли бы в ряде случаев оказаться неотличимы от общих изоглосс, свидетельствующих об особой генетической близости этих двух идиомов.

Литература

Сорокина, Болина 2001 – И.П. Сорокина, Д.С. Болина. Словарь энецко-русский и русско-энецкий. СПб., 2001.

Сорокина, Болина 2005 – И.П. Сорокина, Д.С. Болина. Энецкие тексты. СПб., 2005.

Терещенко 1965 – Н.М. Терещенко. Ненецко-русский словарь. М., 1965.

Хелимский 2007 – Е.А. Хелимский. Фонетика и морфология энецкого языка в условиях языкового сдвига. // Н.Б. Вахтин (ред.) Языковые изменения в условиях языкового сдвига. СПб., 2007.

Хелимский, рук – Е.А. Хелимский. Энецкий словарь.

М.В. Филимонов

«ГИАЛИТ»,

Томск

ЕНИСЕЙСКИЙ ИНГРЕДИЕНТ В ПРАСАМОДИЙСКОМ: ФОНОЛОГИЧЕСКОЕ И МОРФОЛОГИЧЕСКОЕ ДИАГНОСТИРОВАНИЕ

Данная работа является продолжением публикаций автора по проблемам енисейско-самодийского взаимодействия (Филимонов 2003; Филимонов 2005; Филимонов 2007). В этих работах автор на материале реконструкций Ю. Янхунена (Janhunen 1977) установлен корпус енисейско-прасамодийских лексических общностей, наиболее перспективных, по мнению автора данного исследования, для дальнейшего изучения енисейско-прасамодийского языкового и культурного этнического взаимодействия. В этой работе автор использует в основном реконструкции Ю. Янхунена (Janhunen 1977) с учетом наблюдений В. А. Тереньева (Терентьев 1982). По техническим причинам используются следующие обозначения звуков: «а» вместо перевернутого «е» с дужкой-крышечкой сверху (также и у В. А. Тереньева (Терентьев 1982: 189); «у» (=русск. «ы») вместо «i» с дужкой-лодочкой снизу; знак «э» вместо «е» с дужкой-лодочкой снизу (под буквой) (этим же знаком обозначается ПЕ гласный средне-заднего ряда среднего подъема, а также редуцированный звук в заударной позиции в праенисейских реконструкциях). В остальном наши обозначения прасамодийской реконструкции совпадают с транскрипциями Ю. Янхунена (Janhunen 1977) и В. А. Тереньева (Терентьев 1982). Автор ориентируется на праенисейскую фонетическую реконструкцию С.А. Старостина (Старостин 1982) и свои дополнения к ней (Филимонов 1988;

Филимонов 1989; Филимонов 2004). Праенисейские реконструкции лексики, в основном, – авторские, но используются также материалы этимологических словарей С.А. Старостина (Старостин 1995) и Г.К. Вернера (Verner, 2002). Знаки «?» и «!» в ПЕ реконструкциях обозначают особые гортанные звуки (как в арабском «хэмза» и «айна»). «г₁» - особый вибрант в ПЕ (звукосоответствие юг. г – остальные /l'/) (Старостин 1982:152).

Прежде чем приступить к рассмотрению сформулированной в заголовке проблемы нужно оговорить ряд моментов:

1. Лексика звукоизобразительного происхождения в данной работе не рассматривается (по ней автор готовит специальную публикацию). Особенно значительные сходения в сфере кето-югской и селькупской звукоизобразительной лексики.

2. Автор не привлекает к сравнению личные, притяжательные, указательные, вопросительные местоимения, суффиксы множественного числа существительных и глаголов, дейктические частицы, локативные частицы и падежные показатели, многие из которых, по мнению автора, восходят к эпохе синокавказско-ностратического сверхродства и поэтому не имеют доказательной силы для решения проблем енисейско-самодийского языкового взаимодействия.

3. Существовало древнее прауральско-енисейское или, лучше сказать, прауральско-протоенисейское взаимодействие (Филимонов 2005а). Автором выявлено в прауральском и прафинноугорском, прафиннопермском, прафинно-волжском в совокупности около 300 лексических изоглосс енисейского (протоенисейского) происхождения. Поэтому не исключено, что какая-то небольшая часть енисейско-прасамодийских изоглосс восходит к прауральскому времени, но они просто не сохранились в прафинноугорском, прафиннопермском, пра-

финноволжском и т.д. Это касается особенно составных глаголов в ПС.

4. Наконец, в некоторых случаях, видимо, имела место контаминация енисейских слов с теми прасамодийскими словами, которые восходят к прауральско-протоенисейским лексическим общностям, например, Пурал. *utka* «*Spur*», ПС *uat* «*Spur*», ПЕ *ut* «идти, двигаться, хотеть».

Установлены следующие случаи морфологической разложимости в словах енисейского ингредиента в прасамодийском:

I. Составные глаголы.

1. ПС *j̄aŋkajir* «петь» (в ненТ «про себя говорить») – ПЕ *!aŋ* «душа, чувство» + ПЕ *qe?/qa?* «слово, говорить, отвечать» + ПЕ *j* – инф. суф. + ПЕ *i?r/e?r* «петь». Особенно интересно значение в нен., сохраняющее, на наш взгляд, семантический архаизм.

2. ПС *j̄äsa* «ковать» (а также в языках «таять, плавить», что, по нашему мнению, является семантическим архаизмом) – ПЕ *!es/as* «вода, жидкость» + ПЕ *a* «делать».

3. ПС *j̄ujta* «видеть во сне» – ПЕ *!u?* «отдых» + ПЕ *da* «ставить, делать», *ta* «идти», *de/da* «идти, становиться». Переходное значение могло быть «спать», «сон/отдых делать».

4. ПС *äjta* «выпускать, посылать» – ПЕ *aj* «нечто дальше, во вне; что»/ПЕ *uj* «нечто дальше, во вне; что» + ПЕ *da* «ставить, делать», ПЕ *do* «идти, приходиться, становиться».

5. ПС *änsä* «подниматься» – ПЕ *an/han* «верхний, верх»/ПЕ *un* «верхний, верх» + ПЕ *sa* «идти, двигаться».

6. ПС *šičä* «против течения двигаться» – ПЕ *šy?* «голова, верх, верхний, высокий» + ПЕ *sa* «идти, двигаться».

7. ПС *j̄ärsa* «жарить» – ПЕ *ar* «жар, тепло» + ПЕ *sa* «идти, двигаться» (при жарке продукт нужно непрерывно шевелить,

переворачивать, присматривать, чтобы не пригорело).

8. ПС *sojã* «родиться, расти, рожать» – ПЕ *šo?* «верх, вверху, вверх» + ПЕ *jə/je* «идти, двигаться, становиться, исполняться (о возрасте)». Переход ПЕ *š-* в «s» характерен для аринского.

9. ПС *jet³ra* «быть горячим» – ПЕ *!ɔʔt* «очаг, семья, жена, хозяйство, освоенное пространство» + ПЕ *bə/wə* «делать(ся)» (в кот. отражается в виде *ri/re/ra/pai/rei*).

10. ПС *jasã* «стрелять» – ПЕ *!as* «охотиться, добывать, промыслять; ловить зверя» или ПЕ *!es/!as* «вовне, в сторону» + ПЕ *a* «идти, двигать(ся)», ПЕ *a* «делать».

II. Субстантивированные составные глаголы.

1. ПС *junte* «лошадь» – ПЕ *un* «верхний, верх» + ПЕ *de/da* «идти, ехать, становиться».

2. ПС *kãjta* «болезнь» – ПЕ *qɔ/qɔʔ* «смерть» + ПЕ *de/da* «идти, двигаться, становиться». В кот., асс., ар. ПЕ «d» переходит в «t». Болезнь в енисейском шаманстве – «малая смерть», «смерти становление», когда шаман вылечивал.

3. ПС *kãa* «умирать» – ПЕ *qɔ/qɔʔ* «смерть, умирать».

III. Субстантивированные причастия от составных глаголов.

1. ПС *uɕraje* «указательный палец», «наперсток» – ПЕ *uɕ/oɕ* «видеть, провидеть» + ПЕ *bə/wə* «делать» + ПЕ *ja* – причастный суф. (сохранился в ар. *kar-tu-ja* «ворона», букв: «кар-произносящая»).

2. ПС *riŋkaja/riŋkaja* «качели» – ПЕ *rəp* «сидеть» + ПЕ *ge/ga* «идти, двигаться» + ПЕ *ja* – прич. суф. В итоге имеем «сидя/при сидениидвигаемое», чем качели и являются.

3. ПС *raja* «кривой» – ПЕ *ru:si/ruʔsi* «кривой». И ПЕ и ПС образованы посредством разных аффиксов (*ja* и *si*) – случай морфологического дуплетизма.

IV. Субстантивированные предикативные образования на -та. Этот предикативный суффикс сохранился в ар., ср. ар. термина «слабо» при юг. ту:г «низовье (реки)» (> «низ, нижний»), семантическое соотношение «низкий, маленький, слабый» – обычно.

1. ПС *pit³mä* «брюки», букв: «нижнее сурь» (в отличие от рубахи или парки/шубы) – ПЕ *руса* «вниз» (> «нижний») в кет. *hyta*, юг. *фуcej* «вниз».

2. ПС *tirämä/türämä* «рыбья икра» – ПЕ *turam* «новый» (> «молодой, потомство, дети, икра», обычное соотношение).

3. ПС *ponsa* «чужой» – ПЕ *bap* «особенный, отдельный». В ПС отражен другой предикативный суффикс ПЕ *se/si/sa*. Аффикс ПЕ *sa* сохранился в ар. в виде -са.

V. Существительные с семантикой суффиксов и полусуффиксов «вместилище»/«освоенное пространство».

1. ПС *jentasä* «Енисей» – ПЕ *!en/!an* «вода, волна, увлажненное место, луг, влажный, прохладный» + ПЕ *d/da/t* – генитивные суффиксы + ПЕ *se-j* «место, освоенное пространство» (*j* – суф. ед.ч.). У кетов известно другое название Енисея Улс/Улч/Ул'с «большой водоем» с такой же внутренней структурой, но с другим корнем – *ul'* «вода».

2. ПС *arṁa* «север» – ПЕ *?ug* «вода, влажный, осадки», ПЕ *?ug₁* «вода, влажный», ПЕ *ig* «осадки, вода, река» + *ta* – локативный суффикс. Семантическое соотношение «вода, осадки, влажный, прохладный, холод» – обычно (особенно в южных и средних широтах).

3. ПС *antaj* «лодка, шлюпка» – ПЕ *!en/!an* «вода, волна, увлажненное место, луг, влажный, прохладный» + ПЕ *tej/taj* – полусуффикс со значением «вместилища».

4. ПС *kājma* «костный мозг» – ПЕ *kᵛ/gᵛ?* «мозг» + ПЕ

та – локативная частица, суф. освоенного пространства.

5. ПС *kunkaj* «трахея» – ПЕ в кот. *konkoj/kankoj* «горло». Кот. слово хорошо этимологизируется на енис. почве: ПЕ *qɔn* «рот, зевать» + ПЕ *qoj/quj* – полусуф. для обозначения дырообразных объектов и частей тела, ср. асс. *hohuj* «рот», ар. *timkuj/timquj* «окно», *utkuj* «ухо», *arquj* «нос».

6. ПС *perkä/pirkä* «живот» – ар. *p'horga/aperga* «брюхо, ср. кет. *hɫI'e* «внешняя часть живота» (ПЕ *porga/pərga/pərgə* «живот», где – *ga* – суф. частей тела в енис. языках).

7. ПС *räjmä* «сапог» – ПЕ *ruj* «конечность, нога», в ар. *lanruj* «крыло» + ПЕ *ta* – лок.суф./редкий суф. освоенного пространства. Отметим интересные параллели в ительменском: зит. *rajmad*, вит. юит. *rajman* «чулки» («*d*» и «*n*» – суф.-сы мн. ч.). У номадов Центральной Азии длинные кожаные сапоги или сапоги-брюки/сапоги-штаны служили и обувью и чулками.

8. ПС *jäpra* «длинный, долгий» – ПЕ в кет. *omba* «затем, потом», где ПЕ *ba* (> *pa*) суф. наречий, а также освоенного пространства у существительных.

VI. Существительные с вариацией суффиксов ед. и мн. ч.

1. ПС *kå* «лось» – ПЕ *qa:jə* «лось» – *qe:n/qi:n* «лоси» в кет. *qi:n*, юг. *xe:n* «сохатые», ср. зит. *kaju* «дикие олени».

2. ПС *pa* «дрова, дерево, лес» – ПЕ *patə* «верхушка, макушка, заросли, холмик, исток (речки), родник, верховье», ПЕ *pa-gəŋ* «ветви». ПЕ слова маркированы разными суффиксами мн. ч.

3. ПС *səŋka* «кожа, шкура, оболочка» – ПЕ *šə?əŋ* «волосы, шерсть, мех» («*ŋ*» – суф. мн. ч., вариант без «*ŋ*» сохранился в кот. *olša* «одежда», *ol* – «оболочка, вместилище»).

VII. Морфологический дуплетизм. Частично такие случаи уже отмечены в предыдущих разделах. Здесь приводим допол-

нительные примеры. 1. ПС *kəpta* «смородина» – ПЕ *еруг* «брусника, черника». Используются разные суффиксы мн.ч.: *ta* и *r*. 2. ПС *paĵa* «кривой» – ПЕ *pyʔ-si/py:si* «кривой». Используются разные причастно-предикативные суффиксы: *ja* и *si*. 3. ПС *rakta*, ПЕ *bɔksej* «прыщ». ПС и ПЕ слова оформлены разными суффиксами освоенного пространства: *ta* и *sej*. 4. *tüaj* «рукав» при ПЕ *tuʔ-(ŋ)/toʔ-(ŋ)* «бок, конечность, пальцы, суффикс десятков» (*ŋ* – суф. мн.ч.). ПС слово оформлено суффиксом освоенного пространства/вместилища *aj*. 5. ПС *ruĵe* «трут» – ПЕ *rəʔŋ/ruʔŋ* «опухоль, опухать» (> «нарост, гриб, плесень»). ПС и ПЕ слова оформлены разными суффиксами причастий: *ja* и *ŋ*.

VIII. Существительные-композиции. 1. ПС *jaŋkaj* «ловушка» – ПЕ *a:ŋ* «веревка» + ПЕ *ka/ga* – освоенное пространство + ПЕ *j* – суф. ед.ч. 2. ПС *remt¹ä* «длинные волосы на шее оленя» – Ар. *rema* «шея» + Е *čəʔəŋ* «волосы, шерсть, мех» (*ŋ* – суф. мн.ч.). 3. ПС *jepra* «одежда» – кот. *amra* «шкура оленя (подстилка)» (< ПЕ *am* «шуба, местилище; то, что покрывает» + ПЕ *pɔʔ* «мех, пух»). 4. ПС *je₁s₃n₂/je₁san₂/je₁säj_n* «силок, ловушка» – ПЕ *!as* «ловить зверя, добывать, промышлять» + ПЕ *an* – суф. освоенного пространства. 5. ПС *munt¹ajt³sən/? munt¹ajt³śan* «борода» – ПЕ *bunč/bənč* «лицо» + *a* (соединительный гласный) + ПЕ *čəʔəŋ* «волосы». В енис. языках запрещен стук из трех консонантов, поэтому используется соединительный гласный. В слове «волосы» вместо «*ŋ*» использован другой суф. мн.ч. – «*n*».

IX. Конверсия. 1. ПС *äj* (? *ääj*) «нога» – ПЕ *ej/aj* «идти, двигаться». 2. ПС *ĵakka* «чесаться» – ПЕ *joĵa* «вошь». 3. ПС *je* «пятка» (> «ступать») – ПЕ *je/jə* «идти, двигаться, становиться, исполняться (о возрасте)». 4. ПС *t¹i* (? *tij*) «лететь» – ПЕ *tu* «верх, верховье, верховский». 5. ПС *t¹ij* (? *t¹ia*) «садиться (в сани, в лодку, на лошадь)» – ПЕ *čyʔ* «голова, верх, верхний, высокий».

Судя по морфологическим признакам енисейского ингредиента в ПС, источником заимствований был какой-то параринский язык. Это прежде всего наличие причастия суффикса *ja* в словах субстантивированного причастного происхождения. (ПС *uŋraja* «указательный палец», «наперсток», *puŋkaja/piŋkaja* «качели», *raja* «кривой», *ruje* «трут»). Также показательно наличие древнего предикативного суффикса *-ma*, что характерно для аринского (ар. *terma* «слабо»), ср. ПС *pit³mä* «брюки», букв: «нижнее-суть», *tigämä/tügämä* «рыбья икра», букв: «молодое-суть».

Из фонетических соответствий наиболее показательны следующие.

1. Е ?- (*x*- – по С.А. Старостину (Старостин 1982: 162–163) (ар. *k-/0-*, пумп. *h-/0-*, остальные *0-*), ср. ПС *käpta* «смородина» – ПЕ ?еруг «брусника, черника» (слова оформлены разными суффиксами мн.ч.; ПС *keaj* «язык» – ПЕ ?ej «язык, звук, речь, голос, звать».

2. ПС *j-* – ПЕ *!-* (ар. *j-/č-*, остальные *0-*), «!» был, видимо, особым гортанным звуком и отличался от «?», в ПЕ эти звуки часто совпадали и выпадали, остались разрозненные рефлексy в ар. и пумп. Данное звукосоответствие покрывает почти пятую часть всего корпуса прасамодийско-енисейских лексических сходжений. Ср. ПС *jäm* «море» (/«большая река, Обь») – ПЕ *!ᵀmar* «яма, канава» (‘Умар-татарлар’ – самоназвание обских татар), ПС *jeta/jita* «сосуд» – ПЕ *!əʔt* «колчан, освоенное пространство,местилище»; ПС *jzjwå* (? ПСС *jåjwå*, ПЮС *jojwå*) «сирота» – ПЕ *!oʔ* «чужой» (в ар. *oj-če* «мачеха», *oj-akelja* «падчерица», *oj-akelbala* «пасынок»), в енис. языках звуки «!» и «?» были неустойчивы и не всегда фиксировались в материалах, также как и «h-».

3. ПЕ dž- – ПС s- в ПС sä/se «смола, деготь» – ПЕ džik «смола, сера» (в ар. «-k» часто выпадает). Переход ПЕ «dž-» в «s» характерен для ар.

4. ПЕ č- – ПС c/s/t¹/t³/t³s. ПЕ čy? «голова, верх, верхний, высокий, нечто торчащее» – ПС сіса «против течения плыть», ПЕ čə?əŋ «волосы, шерсть, мех» – ПС сеҗка «кожа, шкура, оболочка», ПС соҗа «родиться, расти, рожать» – ПЕ чо? «верх, вверху» + ПЕ је/јə «идти, двигаться, становиться»; ПЕ čy? «голова, верх, верхний, высокий» – ПС t¹ij/t¹ia «садиться (в сани, в лодку, на лошадь)»; ПЕ руҗа «вниз» (> «нижнее») – ПС ріт³mä «брюки», букв: «нижнее суть»; ПЕ čə?əŋ «волосы, шерсть, оболочка» (ŋ – суф. мн. ч.) – ПС компонент t³sɯn/t³šan в ПС мунт¹aj-t³sɯn/t³šan «борода», букв: «лица-волосы». Такая вариация в рефлексах может косвенно свидетельствовать о довольно сложной лингвистической ситуации на юге Сибири и о сильных контактных процессах родственных языков при формировании прасамодийского лингвоэтноса. Наряду с ариноязычными группами могли участвовать и кетоюгские и кето-ассанские этносы.

5. Интересное соответствие в вокализме: енис. звуки «и», «ɔ», «o», часто переходят в «i», «e», «a», «ä», «å» (почти так же и в ар.). Ср. ПЕ du? «дым» – ПС tia «облако, тень» (переходное значение «пар»), ПЕ sur «плохая погода» (в кот. šurgan) – ПС sårå/såra «идти (о дожде)», ПЕ por/pər, ПС perkä/pirkä «живот, ПЕ !oj «чужой» – ПС jɟjwå (ПСС jåjwå, ПЮС jojwå) «сирота», ПЕ qo? «умирать, смерть» – ПС kaa «умирать», ПС jəm «море» – ПЕ !om-ag «яма, канава» (ag – суф. сущ-ных) и т.д.

6. В сфере просодии ПЕ слова со вторым тоном или восходящим к нему четвертым тоном или пятым акцентным типом часто отражаются в ПС в виде слов с дифтонгами с глайдами

«а» иди «j». Звук «ʔ» – признак второго тона в енисейских языках. Примеры. ПС kaa, ПЕ qɔʔ «умирать», ПЕ duʔ «дым, пар» – ПС tia «облако, тень», ПЕ čyʔ «голова, верх, верхний, высокий» – ПС t¹ij/t¹ia «садиться (в лодку, в сани, на лошадь)»; ПС op/? oap «один» – ПЕ ⁵ɔpɔŋ «здоровый» (> «целый, весь»); ПС keaj «язык» – ПЕ ?ej «язык», мн.ч. юг. ⁴ε:hj, кет. кур. ⁴ε:hl, бак. сур. ⁴ε:jə/εjə, ю.-имб. ⁴εjə (в ПС отражена форма мн.ч.).

Прочие звукосоответствия между ПС и ПЕ неинформативны (в плане лингвоэтнологоического диагностирования) и тривиальны. ПЕ b/p – ПС p, ПЕ d/t – ПС t, ПЕ k/g/q/G – ПС – k ПЕ, ПС m, ПЕ n – ПС n, ПЕ ŋ – ПС ŋ, ПЕ s – ПС s-, -c-/-s-, ПЕ r – ПС r, ПЕ l/l – ПС l, ПЕ -j – ПС -j.

В заключение можно сделать вполне определенный вывод: в этногенезе прасамодийцев принял участие какой-то параринский народ, скорее всего суннуского происхождения.

Литература

- Старостин 1982 – Старостин С.А. Праенисейская реконструкция и внешние связи енисейских языков // Кетский сборник. Л. 1982. С. 144–237.
- Старостин 1995 – Старостин С.А. Сравнительный словарь енисейских языков // Кетский сборник. М. 1995. С. 176–315.
- Терентьев 1982 – Терентьев В.А. К вопросу о реконструкции прасамодийского языка // Советское финно-угроведение. 1982. № 3. С. 189–193.
- Филимонов 1988 – Филимонов М.В. Некоторые проблемы праенисейской реконструкции // Фонетика и грамматика языков Сибири. Новосибирск 1988. С. 159–164.
- Филимонов 1989 – Филимонов М.В. Заметки по сравнительной фонетике енисейских языков // Звуковые системы сибирских языков. Новосибирск 1989. С. 134–139.
- Филимонов 2004 – Филимонов М.В. Проблемы сравнительной енисейской фонетики // VIII Всероссийская конференция

- студентов, аспирантов и молодых ученых (с международным участием) // Наука и образование. 2004. 19–23 апреля. Т. 2. Ч. 2. С. 73–79.
- Филимонов 2003 – Филимонов М.В. К вопросу о параенисейских и паракетошумерских ингредиентах в самодийских языках // Самодийцы: Материалы IV Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9–11 декабря 2003 г. Тобольск). Тобольск, 2003. С. 77–80.
- Филимонов 2005 – Филимонов М.В. Прасамодийская культурная лексика енисейского происхождения // Материалы международной конференции «Первые исторические чтения Томского государственного педагогического университета». Томск, 2005. С. 373–378.
- Филимонов 2005а – Филимонов М.В. Енисейский и кетошумерский анау-бактрийский ингредиенты в прауральском и проблема прауральской прародины (в защиту кельтеминарской гипотезы В.Н. Чернецова) // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. Материалы XIII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск, 2005. С. 284–287.
- Филимонов 2007 – Филимонов М.В. Енисейский ингредиент в прасамодийском // В печати. Томск, 2007.
- Janhunen 1977 – Janhunen J. Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedischen Etymologien. Helsinki 1977.
- Verner, 2002 – Verner H.K. Vergleichendes Wörterbuch der Jenissej-Sprachen. Wiesbaden, 2002. В. 1; В 2; В 3.

О.В.Ханина
Институт эволюционной антропологии Макса Планка,
г. Лейпциг, Германия,
А.Б.Шлуинский
Институт эволюционной антропологии Макса Планка,
г. Лейпциг, Германия &
Институт языкознания РАН,
Москва

К ВОПРОСУ ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ В ФОНОЛОГИИ ЛЕСНОГО ДИАЛЕКТА ЭНЕЦКОГО ЯЗЫКА

В работах (Хелимский 2007) и (Урманичева, в печ.) было представлено состояние фонетики и фонологии лесного диалекта энецкого языка во второй половине XX века. Было показано, что по сравнению с лесным диалектом начала века, а также с более поздним состоянием тундрового диалекта современный лесной энецкий характеризуется большим количеством фонетических изменений и разрушением фонологической системы как таковой. Наше субъективные аудиальные впечатления во время короткой экспедиции осени 2005 года также подтверждали наличие большого количества фонетической вариативности между говорящими, и даже в пределах словоупотреблений одного и того же говорящего. Таким образом, задачей нашей полевой работы 2008 года было описание «разрушения системы».

Для этой цели нами был составлен список из 260 слов, который содержал основные фонологические и фонетические противопоставления, которые фиксировались в лесном энецком предыдущими исследователями. В частности, в него были включены все упоминавшиеся минимальные пары для гласных и согласных. В экспедиции мы записали этот список слов в произношении 14 энцев, соблюдая стандартные правила записи для

фонетических целей (а именно, как минимум три произношения каждого слова по отдельности и три произношения в фиксированной фразе).

Обработанные на настоящий момент данные показывают, что фонологическая система безусловно наблюдается как таковая. Более того, вопреки ожиданиям о его перестройке, фонемный инвентарь за небольшими исключениями совпадает с инвентарем, описанным в работах исследователей фонетики и фонологии энецкого языка Я.А.Глухого и В.А.Сусекова – см. (Глухий 1978), (Сусеков 1978) и другие публикации этих авторов¹. Многочисленные фонетические изменения по сравнению с системой предыдущего поколения, фиксировавшаяся в 1970-е гг., при всем их индивидуальном характере и вариативности в произношении одних и тех же слов у одних и тех же дикторов, связаны с реализацией фонем.

Наиболее яркие фонетические изменения состоят в появлении вариативности в реализации «сложных» фонем. Под «сложными» фонемами мы здесь понимаем такие фонемы, которые отсутствуют в русском языке, оказывающем, наряду с ненецким языком, наиболее сильное контактное влияние на энецкий. Как и следовало ожидать, имеет место сильная тенденция к тому, чтобы вместо изначального стандартного фонетического варианта таких фонем использовались их ближайшие русские фонетические аналоги. В итоге оба звука, исходный энецкий и ближайший к нему русский, оказываются либо сво-

¹ Основное отличие зафиксированной нами системы состоит в том, что для современного состояния энецкого языка релевантно противопоставление фонем /e/ ~ /ɛ/. Но хотя противопоставление этих двух фонем не проводится В. А. Сусековым, оно безусловно было актуально для предшествующего исследуемому нами состоянию энецкого языка и описано еще в (Терещенко 1966).

бодными вариантами этой фонемы, либо ее аллофонами, каждый из которых оказывается закреплен за определенной фонетической позицией (первый вариант в пределе ведет к полному исчезновению исходного фонетического варианта с сохранением только инновационного).

Приведем соответствующие примеры:

Если изначальный артикуляторный вариант фонемы похож на единственный русский звук, то русский вариант появляется в добавление к изначальному в разной степени у разных носителей. Так, в частности, фонемы /s/ и /z/, наряду с изначальными артикуляторными вариантами [θ] и [ð] соответственно приобретают русифицированные варианты [s] и [z], причем некоторые носители предпочитают консервативные варианты, а некоторые – инновационные, хотя систематически фиксируются оба варианта в произнесении одного и того же слова одним и тем же носителем. Фонема /d/, наряду с консервативным палатальным вариантом [ʃ], реализуется как соответствующий русскому палатализованному согласному вариант [dʲ], причем у подавляющего большинства носителей, от которых были собраны списки слов, последний вариант является единственным².

Если изначальный артикуляторный вариант фонемы сходен с двумя различными русскими фонемами, то возникает трой-

² Весьма вероятно, что в случае фонем /ŋ/, /ʎ/ мы наблюдаем полную победу русифицированного палатализованного варианта над исходным палатальным. Все предшествующие исследователи – ср. (Терещенко 1966), (Глухий 1978), (Лабанаускас 2002), (Сорокина 2005) – единогласно описывают /ŋ/, /ʎ/, /d/ и неаффрицированный вариант /č/ как палатальные согласные, тогда как в настоящее время /ŋ/ реализуется как [nʲ], а не как [ŋ], /ʎ/ – как [lʲ], а не как [ʎ], /č/ – как [tʃ] либо как [tʲ], но не как [c], и лишь /d/ реализуется у некоторых носителей как [ʃ]. Вопрос о переходе палатальных в палатализованные, однако, нуждается в дальнейшем исследовании.

ная вариативность, поскольку наряду с изначальным энецким вариантом фонемы используются оба русифицированных варианта. Так, например, в современном энецком языке сохраняется описанная в (Терещенко 1966) тройная фонематическая оппозиция гласных заднего ряда /u/ ~ /o/ ~ /ɔ/³, но реализация /o/ не является однозначной и допускает наряду с исходным энецким произношением [o] русифицированные варианты [u] и [ɔ], тогда как фонемы /u/ и /ɔ/ имеют единственно возможные варианты [u] и [ɔ] соответственно. Методологически, в конкретных словах мы идентифицируем фонему как /o/ либо в том случае, когда она произносится как [o], либо в том случае, когда вариант [o] не зафиксирован, но у одного и того же носителя наблюдается в этом слове вариативность между [u] и [ɔ]. Сходная, но более сложная ситуация имеет место с реализацией фонемы /ɛ/⁴, изначальный произносительный вариант которой [æ] похож как на русское [e], так и на русское [a] (в том варианте [a], который представлен в русском языке после палатализованных согласных). И хотя фонема /e/ также имеет у некоторых говорящих естественную для русского языка произносительную вариативность [e]-[ɛ], она на фонематическом уровне очевидно противопоставляется /ɛ/, вариативность которой гораздо шире: [e], [ɛ],

³ В литературе иногда для /ɔ/ используется стандартная латинская или кириллическая графема o, тогда как для /o/ используется ö.

⁴ Как показано в (Хелимский 2007), оппозиция /e/ ~ /ɛ/ сама по себе является в лесном диалекте энецкого языка относительно новой и возникшей в результате стяжения дифтонгов. В нашем случае, однако, существенно, что эта оппозиция фиксируется еще в (Терещенко 1966) и позднее подтверждается в (Mikola 1984) на материале данных 1970-х гг.

[æ], [a]. Методологически, идентификация /ɛ/ в конкретных словах сходна с идентификацией /o/: если у одного и того же носителя наблюдается в одной и той же позиции либо только æ-образные звуки, либо вариативность е-образных звуков с æ-образными, то в этой позиции представлена фонема /ɛ/, если же нет, то /e/. При этом важно сделать акцент на том, что несмотря на единую фонологическую систему, фонетическая система энецкого языка в его современном состоянии различается у разных носителей. Ярчайшим примером является реализация описанных выше фонем /e/ и /ɛ/. У одних носителей реализации этих фонем вообще не пересекаются, так как /e/ всегда реализуется как [e], а /ɛ/ имеет дополнительно распределенные варианты [ɛ] и [æ / a]. У других носителей /e/ имеет варианты [e] и [ɛ], а /ɛ/ имеет варианты [e], [ɛ] и [æ / a], причем их дистрибуция либо свободна, либо будет выявлена позднее. При дальнейшей обработке материала могут быть выявлены и другие способы распределения фонетических вариантов этих фонем.

Таблица 1. Согласные лесного диалекта энецкого языка

	Г/г	П/язычные (альвео- лярные)	П/язычные (постальве- олярные)	Ср/яз	З/я	Гор т.
Взры- вные	b p	d, ɟ [d', ɟ] t, ʈ [t', tʃ]			k g	ʔ
Носо- вые	m	n, ŋ [n']			ŋ	
Дро- жа- щие		r				
Фри- ка- тивны е		z s	ʃ [ʃ, ʃ'] ⁵		x	
Ап- про- ксима нты				j		
Боко- вые апро- ксима нты		l, ɭ [l']				

Комментарии к Таблице 1.

Для графем, отличающихся от стандартной фонетической записи, в квадратных скобках приводятся их фонетические соответствия в символах МФА.

Фонемы /d/, /t/, /n/, /l/, и возможно, /ʃ / имеют парные фонемы,

⁵ Заметим, что имеются некоторые данные, свидетельствующие о возможной фонематической оппозиции /ʃ/ [ʃ] ~ /ʃ, / [ʃ']. Этот вопрос требует дальнейшего исследования.

которые отличаются от них палатализованностью, а именно /d/, /č/, /ɲ/, /ʎ/, и возможно /ʃ,ʎ/. Как можно заметить, пара к /t/ записывается как аффриката, а не как взрывной согласный, т.к. именно это произнесение наиболее частотно (эта фонема находится в строке «взрывные» из системных соображений).

Таблица 2. Гласные лесного диалекта энецкого языка

	Передний ряд		Средний ряд	Задний ряд
Высокий подъем	i [i]			u [u]
Средне-высокий подъем	e [e, ε]			o [o, u, ɔ]
Средне-низкий подъем		ε [e, ε, æ, a]		ɔ [ɔ]
Низкий подъем			a [a]	

Комментарии к Таблице 2.

Для всех фонем в квадратных скобках приведены их фонетические реализации.

Одни говорящие противопоставляют фонемы /e/ и /ε/ следующим образом: e [e] vs. ε [a, æ, ε], в то время как другие имеют отличную оппозицию: e [e, ε] vs. ε [a, æ, ε, e].

Литература

- Глухий В. А. 1978. Консонантизм энецкого языка (диалект бай) по экспериментальным данным. АКД. Л.
 Лабанаускас К.И. 2002. Краткий справочник по энецкому языку. // Лабанаускас К.И. Родное слово. СПб.: Просвещение.
 Сорокина И.П. 2005. Энецкий язык. // Виноградов В. А. и др.

- (ред.). Языки Российской Федерации и соседних государств. Т. III. М.: Наука.
- Сусеков В. А. 1978. Вокализм энецкого языка (экспериментально-фонетическое исследование на материале диалекта бай). АКД. Л.
- Терещенко Н.М. 1966. Энецкий язык. // Лыткин В.И., Майтинская К.Е. (ред.). Языки народов СССР. Финно-угорские и самодийские языки. М.: Наука.
- Хелимский Е.А. 2007. Фонетика и морфонология энецкого языка в условиях языкового сдвига // Вахтин Н.Б. (ред.). Языковые изменения в условиях языкового сдвига. СПб.: ИЛИ РАН.
- Урманчиева А.Ю. В печ. Заметки по энецкой диалектологии. // Сб. научных статей памяти Е.А.Хелимского. Гамбург, в печати.
- Mikola T. 1984. Einige Probleme der Enzischen Phonologie. // Hajdú, P., Holti, L. (eds.). Studien zur phonologischen Beschreibung Uralischer Sprachen. Budapest: Akadémiai Kiadó.

III. ЭТНОГРАФИЯ, МУЗЫКОВЕДЕНИЕ

О.Э. Добжанская

Городской центр народного творчества,
г. Дудинка

ШАМАНСКАЯ МУЗЫКА САМОДИЙСКИХ НАРОДОВ КАК УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ЯЗЫК ОБЩЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА С ДУХАМИ СВЕРХЪЕСТВЕННОГО МИРА

Традиционная культура самодийских народов в начале XXI века находится в критическом состоянии. Это обуславливает актуальность изучения шаманской музыки как исчезающего культурного феномена, нуждающегося в немедленной фиксации и научном осмыслении.

Шаманские обряды самодийских народов как своеобразные проявления этнической культуры привлекали внимание путешественников и ученых, начиная с XVIII века. В трудах Г.Н. Грачевой, Б.О. Долгих, М.А. Кастрена, Т. Лехтисало, Г.И. Пелих, А.А. Попова, Г.Н. Прокофьева, Е.Д. Прокофьевой, П. Хайду, Л.В. Хомич и др. имеются описания ритуальных атрибутов, шаманских обрядов, связанных с шаманизмом верований, фрагменты текстов и т.д. Этномузыковедческое описание обрядового интонирования и публикации нотаций шаманских песен самодийцев были осуществлены в последней четверти XX в. (И. Богданов, О. Добжанская, Т. Дорожкова, Я. Ниemi, Н. Скворцова, Ю. Шейкин). Сравнительный аспект изучения шаманской музыки самодийских народов до сих пор практически не затрагивался.

До 30-50-х гг. XX века шаманизм играл важную роль в общественной жизни самодийских народов. *Функции шамана*

(*татыны/ тодыбы* сельк., *тадебя* ненец., *тадабе* энец, *ца*” нган.) – врачевателя, жреца-распорядителя сезонных обрядов, гадателя, предсказателя будущего для членов рода, толкователя снов – подробно описаны в этнографической литературе [1, 9]. Шаман как посредник между миром людей и миром духов обладал способностью перемещаться в сверхъестественные миры, выполняя связующую функцию между членами своей социальной группы и божествами. Контакт шамана с другим миром был возможен только в *ритуальной обстановке камлания*.

С точки зрения шаманизма как особого типа мировоззрения, ритуал необходимо рассматривать как некую «точку» пересечения реального и сверхъестественного миров. Шаманский ритуал детерминирован многочисленными строго обусловленными факторами: конкретными пространственно-временными координатами (местом и временем, длительностью проведения ритуала), элементами и атрибутами обрядового действия. Ничего «лишнего», «не работающего» в обряде быть не может. С этой точки зрения, музыкальный аспект шаманского ритуала должен играть в нем существенную роль для достижения стоящих перед шаманом задач.

В настоящем докладе музыка самодийских народов рассматривается как особый язык (т.е. знаковая система, обладающая свойством социальной предназначенности): язык шаманской музыки рассматривается как определенная система выразительных средств, обладающая строго определенными семантическими свойствами, обеспечивающими успешность коммуникации шамана со сверхъестественным миром.

Необходимо добавить также, что музыка в культуре самодийских народов – это не искусство (так как искусство с его доминирующей эстетической функцией еще не выделилось из

синкретического комплекса культурной деятельности). Применительно к культуре аборигенов Сибири необходимо употреблять термин «**музыка**» в широком смысле слова - как *культурно осмысленное звучание*, имеющее определенную функцию (коммуникативную, знаковую, магическую, обрядово-мифологическую, эстетическую и др.). Сакральная роль звука в культуре шамодийцев ярко проявляется в шаманском обряде, где звук является средством коммуникации людей с миром духов, средством манифестации шаманских духов-помощников, имеет целительную силу.

Принимая во внимание вышесказанное, автор рассматривает *шаманский ритуал* как *синкретическое¹ музыкально-драматическое обрядовое действие*, в котором соединяются пока не выделившиеся в самостоятельные виды художественной деятельности синкретические аспекты обряда (пение, стихи, обрядовые церемонии, театральное действие, танец, пантомима и др.) и сосредотачивает свое внимание на музыкальном аспекте шаманского ритуала. С этой точки зрения, *шаманский обряд* является крупной *музыкально-драматургической формой*, подчиненной особым принципам организации целого.

Перечисленные ниже драматургические принципы организации шаманского ритуала являются обобщением аналитической работы автора над существующими зафиксированными образцами шаманских обрядов шамодийцев. Они, а также музыкальный стиль шаманского пения изучался автором на основе нганасанского шаманского обряда (как наиболее полно доку-

¹ Термин «синкретизм» употребляется в значении, традиционном для русскоязычного литературоведения, искусствоведения и фольклористики, и приведенном в словаре С.И. Ожегова: «Слитность, нерасчлененность, характерная для первоначального состояния в развитии чего-н.» [5].

ментированной самодийской культуры) на примере шаманских ритуалов династии Костеркиных (два ритуала Тубяку 1989 г., ритуал Демниме 1977 г., ритуал Дюлсымаку 1990 г.) [2, 3]. Для сравнительного анализа привлекались опубликованные образцы ненецкого и селькупского шаманского пения [6, 10, 11, 12] и отдельные фонограммы шаманских песен селькупов (полевые аудиозаписи А. Айзенштадта, И. Богданова, О.Казакевич, А. Лекомт, Ю. Шейкина).

Сравнение музыкальных текстов показало, что не существует двух одинаковых шаманских обрядов. Даже у одного шамана обряды, исполненные с перерывом всего в несколько дней, представляли самостоятельные сюжетные фабулы и музыкальные композиции. После анализа сюжетной структуры нганасанских шаманских ритуалов автор доклада пришла к заключению, что *правилом организации обряда является трехчленная сюжетная структура* (1) вступление «Призывание шаманских духов», (2) центральный раздел «Путешествие шамана», (3) заключение ритуала «Роспуск шаманских духов». В типичном строении ритуала отражаются выявленные Е.С. Новик сюжетные блоки «Начало противодействия» – «Посредничество» – «Ликвидация недостачи» [4].

Музыкальная композиция шаманского ритуала имеет ряд существенных особенностей. Духи-помощники шамана на самодийских языках называются дямада (нган. ‘зверь’, ‘медведь’), *тадебцо* (ненец. дух-помощник шамана), *лоз* (сельк. ‘дух, черт’); они имеют зоо- или антропоморфный облик (олени, медведи, гуси, лебеди, гагара, дочери солнца, и т.д.). Важнейшим отличием речи шаманских духов является ее *омузыкаленность*. Каждому шаманскому духу-помощнику сопутствует определенная мелодия, строго закрепленная за ним в качестве индивиду-

ального музыкального маркера-"лейтмотива", по которой его безошибочно узнают участники обряда, знакомые с шаманской традицией.

Музыкальная драматургия шаманского обряда связана с последовательным чередованием разных мелодий, соответствующих разным духам-помощникам. Характерной особенностью протяженных музыкальных эпизодов является рост эмоционального напряжения, сопровождающийся *постепенным ускорением темпа, повышением тональности пения, усилением динамики и напряженности интонирования*, зачастую доходящий к концу раздела до экзальтированной песни-пляски. Прием контрастного сопоставления является основным принципом музыкальной драматургии ритуала: он используется при введении напева, представляющего нового духа-помощника (своего рода «театральный» эффект «прибытия нового персонажа»). С другой стороны, *мелодии, репрезентирующие одного и того же духа, вводятся обычно друг после друга неконтрастно, в качестве продолжающего развития* (подчеркивая тем самым неизменность обрядовой ситуации).

Названия шаманских песен фиксируются обрядовой традицией нганасан не только по принадлежности духам-помощникам (например, *Сыр селу балы* 'Белого оленя песня'), но и по их функциональному значению (*тарарса балы* 'дорожная песня', *хоситанся балы* 'гадательная песня' и др.), что свидетельствует о зарождении «первичной национальной теории».

Главным маркером шаманского пения является *многоголосие*. В то время как для повествовательных и песенных жанров фольклора ненцев, энцев, нганасан, селькупов характерно сольное одноголосное пение без сопровождения какого-либо музыкального инструмента, шаманский обряд исполняется кол-

лективно (многоголосно). Организующим принципом обрядового многоголосного пения является *респонсорий* – пение по типу запева-отклика, при котором чередуются партии шамана и помощников. Респонсорное пение (чередование солиста и хора) характерно для обрядового пения в енисейском и центрально-сибирском регионах. Для музыковедческого описания стиля шаманского пения возможно опереться на понятие *гетерофонии*² как принципа организации музыкальной ткани. Однако гетерофония шаманского пения самодийских народов имеет ряд особенностей: в совместном пении не регламентируются темп, высота и место вступления голосов, а также длина текстовой/музыкальной строки. Слух воспринимает своеобразное «звуковое облако», с трудом расчлняемое на отдельные партии. Плотность музыкальной фактуры является, согласно верованиям, необходимым условием для осуществления мистического полета шамана (голоса подпевающих дают шаману силу для полета и поддерживают его в шаманском путешествии).

Ритуальная функция определяет использование в шаманском обряде определенных типов интонирования: пение под аккомпанемент обрядовых инструментов перемежается с речитативными эпизодами, прозаическими диалогами, и сосуществует с развитой системой звукоподражательных сигналов, представляющих зооморфных духов-помощников. С этой точки зрения шаманский обряд можно расценивать как своеобразную «энциклопедию типов интонирования», так как в нем сочетаются все *пять основных типов интонирования*, имеющиеся в культуре самодийских народов (а именно: *вокальный, вокально-речевой, вербальный, инструментальный, сигнальный*). Важнейшим

² Гетерофония - букв. «разнозвучие» - первичная форма полифонии [7].

компонентом звуковой ткани шаманского обряда является *сигнальное интонирование* (звукоподражания голосам зооморфных духов-помощников – медведю, волку, гагаре, гусям и т.д., пастушеские сигналы по управлению оленьим стадом и др.).

Лингвисты отмечают, что в культуре самодийцев существует противопоставление метрических типов - 8-сложного (характерного для обрядовой поэзии) и 6-сложного (использующегося в лирических песенных жанрах). Ритуальные тексты шаманских обрядов строятся в соответствии с правилами *метрической организации* ненецкого и нганасанского обрядового стиха, представляющей 8-сложную строку с делением на 4+4 посредством цезуры между словами [8]. 8-сложный метрический тип, детерминирующий *ритмическую организацию* ритуальной мелодики, кристаллизуется в 4-сложных ритмических формулах мелодий нганасанских, ненецких и селькупских шаманских ритуалов.

Специфика *тембровой организации* шаманского пения связана с использованием маркированных тембров (специфические тембровые приемы, относящиеся к имитации голосов зверей и птиц).

Музыковедческий анализ самодийских шаманских обрядов показывает, что *музыкальная композиция обряда и основные стилевые характеристики шаманского пения детерминированы ритуальной функцией музыки в шаманском обряде.*

Музыкальное мышление самодийских народов возможно представить в едином метафорическом образе, концентрирующем основные смыслы этого понятия. Это образ Мирового дерева – космическая вертикаль, связывающая все уровни мироздания. Подобно Мировому дереву, «музыка» соединяет сферы реальной и духовной жизни самодийских народов, является но-

сителем космической (транс-культурной) информации, сверхъестественным инструментом для установления контакта между мирами людей и духов.

Литература

1. Грачева Г.Н. К этнокультурным связям нганасан // Этнокультурные контакты народов Сибири. Л., 1984. С. 84–98.
2. Добжанская О.Э. Песня Хотарэ. Шаманский обряд нганасан: опыт этномузыковедческого исследования. СПб.: изд-во «Дрофа», 2002. –224 с.
3. Костеркина Н.Т., Хелимский Е.А. Малые камлания большого шамана. Первое камлание. Второе камлание. // Таймырский этнолингвистический сборник. М., 1994. Вып. 1. С. 21.
4. Новик Е.С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме: Опыт сопоставления структур. М.: Наука, 1984. –304 с.
5. Ожегов С.И. Словарь русского языка.: изд. 20 / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1988. С. 586.
6. Скворцова Н.М. О музыке традиционных ненецких песен // Фольклор ненцев / Сост. Е.Т. Пушкарева, Л.В. Хомич. Новосибирск: Наука, 2001. С. 50–86. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 23).
7. Харлап М.Г. Народно-русская музыкальная система и проблема происхождения музыки // Ранние формы искусств. М., 1972. С. 251.
8. Хелимский Е.А. Does the language of spirits influence the development of human language? // Shamans and Cultures. Ed. by M. Noppal & K.D. Howard. Budapest, 1993. P. 210–214.
9. Хомич Л.В. Шаманы у ненцев // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири. Л., Наука, 1981. С. 5–41.
10. Юнкеров Ю. Старинные и современные селькупские песни / Сост. и муз. редактор Ю. Юнкеров. Салехард: ЗАО «СПЭЙБ», 1999. –64 с.

11. Niemi J. Dream songs of the Forest Nenets // Shamanhood: Symbolism and Epic, ed. J.Pentikdјnen. – Budapest: Akadђmiai Kiady, 2001. P. 135–154.
12. Niemi J. The Nenets songs: A structural analysis of text and melody. Tampere, University of Tampere, 1998. –226 p.

О.Э. Добжанская

В.К. Биче-оол

Н.В. Левочкина

Городской центр народного творчества,
г. Дудинка

«ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ НГАНАСАН» - МУЛЬТИМЕДИЙНЫЙ ПРОЕКТ

Проект мультимедийного издания «Энциклопедия художественной культуры нганасан» является коллективным трудом авторов, изучающих отдельные аспекты культурного наследия этого народа. В частности, специализацией О.Э. Добжанской является музыкальная культура и фольклор нганасан, В.К. Биче-оол на протяжении нескольких лет изучает хореографическое творчество, Н.В. Левочкина – изобразительное искусство нганасанского народа. Базой для подготовки проекта является Кабинет культуры коренных народов Таймыра в Городском Центре народного творчества.

Культура нганасан – аборигенного этноса Таймыра – рассматривается авторами как синкретическое явление, в котором художественное творчество существует в неразрывном единстве с материальной и духовной культурой этноса. Именно в последних авторы ищут истоки современной художественной культуры нганасан. Поэтому изобразительное искусство рассматривается в связи с национальной одеждой и орнаментом, хореография – в связи с обрядами, музыкальная культура и фольклор – в единстве с духовной культурой этноса.

Энциклопедия художественной культуры нганасан структурирована по следующим разделам: Фольклор, Традиционная

музыка, Декоративно-прикладное и изобразительное искусство, Обрядовые танцы и хореография, Персоналии, Библиография. Она содержит 90 статей по различным видам и жанрам художественного творчества нганасан, персоналий, исследовательских материалов, 300 фотографий и иллюстраций, 30 фонограмм фольклорных произведений, инструментальной и танцевальной музыки, 8 видеофрагментов, библиографический список (более 250 названий).

В разделах «Фольклор» и «Традиционная музыка» дается характеристика основным жанрам устного народного творчества нганасан (эпические сказания *ситабы*, бытовые предания *дюрымы*, песни *балы* и их разновидности, иносказательные песни *кэйнгэйрся*, шаманские обрядовые тексты и песнопения, короткие жанры фольклора), приводятся тексты фольклорных произведений и фонограммы звучащих образцов. Приводятся биографии выдающихся сказителей и песенников Тубяку Дюходовича Костеркина, Нумуму Хурсаптеевича Турдагина, Дюлсымяку Демнимеевича Костеркина, Валентины Бинталеевны Костеркиной, Хеллы Лаймореевны Порбиной, Деньчуде Нутеевича Мирных и др.

Рассматриваются народные музыкальные инструменты, которые разделены на две группы. К обрядовым инструментам относятся бубен *хеньдир*, колотушка *бубна хета'а*, шаманский посох *чире/чере*, крюк для подвешивания котла *хоу*, наборы подвесок-погремушек на шаманской одежде – большой *каха* и малый *хе*; к необрядовым инструментам – хордофоны (*койнгинта динта* ‘поющий лук’, *сечи киририэ* ‘звенящая струна’), жужжалки (вихревой аэрофон *сани херы* ‘игрушка-юла’, вращаемый аэрофон *биэ херы* ‘ветер-юла’), свистки разных типов (*дебту чуэ сючарса* ‘из гусяного пера свисток’, *лянса сючарса*

‘тальниковый свисток’, *аника нётэ сючарса* ‘большой травяной свисток’), многочисленные самозвучащие инструменты (колокольчик *саңку*, бубенец *сиңэри*, комплексы металлических подвесок на одежде *бадямуо*, *хоңэ*, *быдылаң*, *дябтуза*, дуга колыбели *кэбтиси*). Представлены фотографии музыкальных инструментов, фонограммы наигрышей.

В разделе «Декоративно-прикладное и изобразительное искусство» дана развернутая информация о нганасанских художниках и мастерах. Здесь представлены биографии молодых художников Андрея и Владимира Турдагиных, Владислава Яроцкого, Александра Мойбо и др. Особое место отведено первому нганасанскому художнику Мотюмяку Турдагину, его биографии и характеристике этапов творчества. Список персоналий мастеров декоративно-прикладного искусства представлен именами Виктории Момде, Сыку Яроцкой, Надежды Турдагиной, Лодун Турдагиной, Любови Клинг, Алексея Чунанчара и др.

Жанры изобразительного искусства, в которых работают нганасанские художники и мастера, представлены бытовым, анималистическим, религиозно-мифологическим, пейзажным и портретным жанрами. Работы мастеров декоративно-прикладного искусства представлены изделиями из меха и кожи (одежда, украшения), работами из дерева, кости и бивня мамонта, металла.

Разнообразие технических средств в арсенале нганасанских художников представлено в основном графикой (акварель, простой карандаш, тушь, гуашь, линогравюра, офорт, акватинта), реже встречаются работы, выполненные маслом. Изделия декоративно-прикладного искусства также достаточно разнообразны по технике: меховая мозаика, раскраска кожи и замши, инкрустация. Одним из оригинальных средств орнаментации

нганасанской одежды является меховая мозаика, которая основана на взаимно проникающих узорах, вырезанных из светлых и темных камусов. Орнамент вырезали острым ножом, сложив полосы темного и светлого камуса вместе и сметав. Затем заготовки разъединяли и складывали уже орнамент разного цвета, сшивая их. Некоторые виды одежды и утвари украшают отделкой из подшейного волоса оленя (эти длинные волосы берут только со шкуры убитого оленя). Выдергивая из большого пучка по несколько волосков, женщины смачивали их слюной и накладывали на украшаемый предмет. Эти пучки прикрепляли одним стежком, перегибали, и полученный двойной пучок пришивали сухожильными нитками винтообразным швом. Эта работа требовала большого мастерства. Кость и бивень мамонта, дерево обрабатываются, как правило, способом резьбы. Одним из способов обработки металла у нганасан является чеканка.

В разделе также представлена подробная информация о тамгах, знаках посвящения и орнаментах нганасан. Тамги (родовые знаки) и знаки посвящения являются своеобразным способом метки оленей, которые выстригались на шерсти животных. Тамги обозначали принадлежность оленя к определенному роду, знаки посвящения обозначали принадлежность животного к определенной стихии (вода, солнце и т.д.). Орнаменты служили не только средством украшения одежды, но и выполняли охранительную функцию. Например, мужской орнамент койкарака (т.е. ‘подобный идолу, шайтанообразный’) — нашивался на чехол для лука, позднее для ружья. Название указывает на магическое значение орнамента, олицетворявшего мужские фетиши, помогающие охоте на диких оленей.

Раздел содержит иллюстрационный материал (репродукции с картин художников, фотографии изделий декоративно-

прикладного искусства, фотографии исследователей, художников, мастеров).

В разделе «Хореография» представлены материалы по истории развития таймырской профессиональной хореографии и сохранения танцевальных традиций нганасан. Рассмотрена история развития и репертуар ансамблей «Хэйро», «Таймыр», студии Таймырского колледжа, фольклорно-этнографических групп «Хенсу», «Нгамтусуо», «Дентадиэ». Особое место в разделе отводится истории становления ансамбля «Хэйро», который отметил в 2004 году свой 35-летний юбилей. Таймырский ансамбль песни и танца народов Севера «Хэйро» был создан в 1969 году. Создание этого коллектива было продиктовано новой идеологической линией в национальной политике, проводимой среди коренного населения Севера партийным руководством страны в лице Таймырского окружного комитета КПСС. Однако, несмотря на все изменения в социально-политической жизни страны, и на сегодняшний день «Хэйро» является самым популярным и известным на Таймыре национальным ансамблем.

Здесь также приведены описания движений, рисунки, либретто и нотный материал танцев «Беттирие», «Нарка бетирся», «Хотарэ бетирся»; представлены имитационно-подражательные, бытовые, обрядовые и шаманские виды танца. Как правило, танцы нганасан, как и многих других аборигенных народов, основаны на подражательных движениях животным (оленям, медведям).

Отличительными чертами нганасанского танца являются: круг как основной рисунок танца (наиболее удобная форма танца, символ солнца, имеющий магическое значение); подражание пластике медведя – священного животного нганасан; парный танец.

Статьи раздела «Хореография» сопровождаются цитатами известных ученых-исследователей нганасанской культуры. Особое место уделяется работам А. Миддендорфа, А. Попова, Ю. Симченко, М. Жорницкой. Раздел «Хореография» содержит множество фотографий, иллюстраций, рисунков.

Мультимедийное издание «Энциклопедия художественной культуры нганасан» предназначено для школьников, учащейся молодежи, работников культуры и образования Таймыра, а также для широкого круга людей, интересующихся проблемами этнической культуры коренных народов Сибири и Севера.

Л.Р. Павлинская
Музей антропологии и этнографии РАН им. Петра Великого
(Кунсткамера)
г. С-Петербург

ШАМАНСКИЙ КОСТЮМ В СВЕТЕ МИФОЛОГИИ

Среди значительного числа исследований, посвященных изучению семантики ритуального облачения сибирских шаманов наиболее фундаментальными представляются две работы – это труд М. Элиаде «Шаманизм: архаические техники экстаза», вышедший в Париже в 1951 году (Eliade 1951), и обширная статья Е.Д. Прокофьевой «Шаманские костюмы народов Сибири», появившаяся в свет в 1971 году (Прокофьева 1971). Судьбы этих двух независимых друг от друга исследований различны. Работа Элиаде вызвала во всем мире настоящий взрыв интереса к проблеме символического языка как атрибутов шамана, так и шаманской ритуальной практики в целом, что воплотилось в появлении многочисленных новых публикаций. Однако до начала 90-х годов она оставалась почти известной в России. Статья же Прокофьевой, представляющая собой наиболее серьезное исследование данного феномена, не получила широкого резонанса среди этнографов и до настоящего времени остается достоянием, главным образом, российских ученых. Сегодня эти два исследования, прекрасно дополняющие друг друга, представляют основной фундамент анализа шаманского облачения сибирских народов.

Мирче Элиаде характеризует шаманский костюм как «религиозный микрокосмос, качественно отличающийся от окружающего мирского пространства. С одной стороны, он состав-

ляет почти полную символическую систему, а с другой, в связи с посвящением, он насыщен разнообразными духовными силами, прежде всего «духами». Благодаря самому факту одевания - или манипуляции заменяющими предметами - шаман преодолевает мирское «пространство», готовясь войти в контакт с духовным миром» (Элиаде 2000: 154). К близкому по смыслу выводу приходит и Екатерина Дмитриевна Прокофьева – «шаманский костюм является материальным выражением религиозных представлений конкретного общества, создавшего его, также как и изображения духов, сложные погребальные сооружения и т.п. Все это говорило о попытках человека создать осязаемое подобие воображаемого мира, о попытках низвести на землю фантастические религиозные образы» (Прокофьева 1971: 7). При рассмотрении общей семантики шаманского костюма основное внимание Прокофьева уделяет образам двух сакральных животных – птицы и оленя (лося), доказывая, что основная символика ритуального шаманского облачения воплощается в едином образе птицы-зверя. Такое совмещение, по мнению автора, стало возможным в силу того, что эти два персонажа в мифологии народов Сибири относятся к верхней, небесной сфере Вселенной, и, таким образом, «шаманский костюм был принадлежностью шаманов с определенной функцией – камланием в «верхний мир», помещаемый на небе (на ярусах неба)» (Прокофьева 1971: 7). Несколько позднее, как полагает Прокофьева, с развитием представлений о «нижнем мире» в костюме появляется образ медведя, именно в этом облачении шаман отправлялся только в мир грозных подземных божеств. Происхождение шаманского облачения исследователь возводит к верованиям и ритуальной практике древних охотничьих коллективов, когда во время обрядов, проводимых с целью обеспечения удачной охоты, «уча-

стники надевали на себя цельные звериные шкуры» (Прокофьева 1971: 8).

Трем основным образам ритуального шаманского облачения – птице, оленю и медведю - уделяет внимание и Элиаде, однако, центральное место он отводит образу птицы, который, с его точки зрения, является основой шаманского камлания – мистического полета шамана в небесные сферы Вселенной. В этом мистическом полете к верховному небесному божеству, в основе которого лежал экстатический опыт как явление, свойственное эмоционально-психической природе человека, Элиаде видит истоки шаманства. (Элиаде 2000: 462–464).

Однако эта триада образов в шаманском костюме была открыта учеными еще в конце XIX - начале XX в. Новым в работах Элиаде и Прокофьевой явилось изучение символического языка и образности шаманского облачения, их генезиса и встроенности в мифологические представления народов Сибири. Именно это направление исследования и представляется наиболее интересным и продуктивным на современном этапе. Однако шаманский костюм народов Сибири разнообразен, и охватить весь регион в одном кратком сообщении не представляется возможным. Здесь речь пойдет о ритуальном шаманском облачении «больших», главным образом, так называемых «черных» шаманов, которое характерно для самодийских народов, кетов, эвенков и эвенов, юкагиров, долган, якутов, тофаларов, тувинцев-тоджинцев и бурят и которое обладает определенным единством, несмотря на генетическое различие создавших его народов.

Итак, полное ритуальное облачение «больших» шаманов воплощает в себе сложный символический образ, содержащий основной блок представлений человека о мироздании. Его три основных элемента – головной убор, кафтан и обувь символизи-

руют три сферы Вселенной – верхний, средний и нижний миры, отражая одну из основных идей архаического сознания о тождестве макро- и микрокосма. Пространство костюма наполнено изображениями духов, олицетворяющих различные сферы мироздания и являющихся в то же время духами-помощниками шамана. Центральное место в его внешнем оформлении занимает изображение скелета, расположение которого анатомически совпадает с телом шамана: на рукавах кафтана – изображения костей плеча и предплечья, на полках – грудной кости и ребер, на обуви – костей голени. Названия элементов скелета выявляет его сложную семантику. В большинстве известных нам костюмов – это образы оленя, птицы, медведя и антропоморфный образ духа-предка шамана. Последний – хронологически более поздний образ и представляет особую тему. Существовало также и особое облачение, в котором шаман камлал в нижний мир и где образ медведя был доминирующим.

Итак, в основе шаманского облачения большинства народов Сибири лежат три образа – олень, птица и медведь, которые воплощены в его материале, крое и внешнем оформлении.

Образ оленя занимает значительное место в ритуальном облачении сибирских шаманов. Это рога оленя на головном уборе, иногда на плечах кафтана, детали скелета, но, прежде всего, он представлен в материале, из которого изготавливались основные элементы костюма. Из шкуры дикого оленя шили шаманский кафтан и обувь энцы, нганасаны, селькупы, кеты, тофалары, тоджинцы, северные якуты, эвенки и эвены, частично удэгейцы и негидальцы, юкагиры, оленные чукчи и коряки. Но самым важным является тот факт, что у всех этих народов, за исключением тувинцев-тоджинцев, чукчей и коряков, шаманский кафтан был цельнокроеным (по Прокофьевой – тип А). Цельно-

кроенным был также и костюм, сшитый из шкуры медведя, в котором шаман камлал только божествам нижнего мира. В конце XIX в. эти костюмы были очень редки, но, тем не менее, известны селькупам, кетам, эвенкам, долганам и якутам (См. Прокофьева 1971). Тот же принцип существовал и при изготовлении головных уборов. У эвенков известны шаманские головные уборы из цельной шкуры с головы оленя, снятой вместе с рогами. Эти уборы со временем сменили металлические «короны», увенчанные изображением рогов, характерные для большинства перечисленных народов. У якутов с медвежьим кафтаном шаман надевал шапку из шкуры, снятой с головы этого зверя «чулком». (Прокофьева 1971: 99-100).

Е.Д. Прокофьева и другие исследователи относят цельнокройные шаманские костюмы из шкуры оленя и медведя к наиболее архаическому типу, соотносящемуся с идеей перевоплощения человека в сакральное животное, что было характерно, по их мнению, для древнейших охотничьих магических ритуалов.

Однако, учитывая высокий символизм архаического мировоззрения, определяющего наполненность сакральным смыслом всех реалий жизни и сохраняющего их неразделенность с представлениями космогонического и космологического уровней, можно предположить, что основные животные образы в шаманском ритуальном облачении связаны с идеей более высокого уровня, чем обеспечение удачной охоты.

Так, образы оленя и медведя, как известно, являются ключевыми персонажами мифа о «небесной охоте», существовавшего в большинстве культурных традиций Северной Азии (Янкович 1980: 348). В этом мифе, воплощающем в себе основу космического порядка: смену дня и ночи, света и тьмы, жизни и смерти и т.д., образ оленя символизировал солнце, а медведь

выступал олицетворением хтонических сил. Сюжет мифа в наиболее архаичной форме сохранился в XIX в. в фольклорной традиции ангарских эвенков.

Тунгусы рассказывают, что медведь гнался за лосем (токи) по снежной дороге, что пересекала ночное небо с востока на запад, и задавил его на середине пути. Вертук лосиный остался влево возле тропы – «токи дууки» (Орион), а нога валяется на правой стороне – «токи Халганин (Большая медведица) По этой ноге тунгусы считают ночное время. Потом медведь ушел на запад, уже усталый и обожравшийся так, что под конец даже едва ноги волочил – из одной тропы сделал две (Млечный Путь) (Титов 1923: 96).

В более поздних вариантах мифа образ медведя заменяется образом охотника. Так, согласно эвенкийскому мифу видимое небо не что иное, как тайга верхнего мира, в которой обитает священный лось Хэглэн.

Однажды он выбежал из тайги и увидел на горном хребте солнце, он подцепил его на рога и унесся с ним чащу. На средней земле наступила ночь и люди очень испугались. Тогда богатырь Маин, надев крылатые лыжи, через отверстие сангар проник в верхний мир (угу буга) и погнался за лосем. К полночи он настиг его и стрелой поразил зверя. Так богатырь вернул людям солнце, но сам остался на небе. С тех пор каждый вечер лось Хэглан уносит на рогах солнце в чащу тайги, а Маин надевает свои лыжи и несется за ним,

*пока не достигнет его к полуночи и не вернет
людям светило* (Анисимов 1959: 12).

В близких вариантах этот мифологический сюжет был зафиксирован у балаганских бурят (Хангалов 2004, III: 12), у казымских хантов (Сенкевич-Гудкова 1949: 157). Образ оленя-солнца хорошо прочитывается также в обрядах жертвоприношения белого оленя верховному божеству Нуму у ненцев (Костриков 1930: 119), в сказке «Олень-золотые рога» у долган (Окладников 1964: 60). Отголоски пребывания медведя в верхнем небесном мире тоже сохранились в мифологии многих народов Сибири. Наиболее ярко это отражено в культурах Южной Сибири, где медведь выступает в ипостаси божества грома, представляя воплощение небесных грозовых явлений (Потанин 1882: 317). По воззрениям хантов медведь был сыном верховного небесного божества Торума, который его спустил на землю (Сенкевич-Гудкова 1949: 158). Сыном божества верхнего мира (верховьев реки) медведя считали также и кеты (Алексеев 2001: 120–126).

Логично предположить, что, если образы оленя и медведя в шаманском облачении связаны с космологическим мифом о «небесной охоте», то сюжет этот должен был получить воплощение в конкретном ритуальном действии. Следы этого ритуала достаточно отчетливо прослеживаются в обряде «оживления» шаманского бубна, т.е. вселения во вновь изготовленный бубен «души» мифического оленя. Здесь необходимо напомнить, что бубен, как один из основных атрибутов шаманского камлания, прежде всего, репрезентировал именно образ мифического оленя, основного духа-помощника шамана и его ездового животного при

«путешествиях» в иные миры. Наиболее полно ритуал «оживления» бубна записан Г.Н. Прокофьевым у селькупов.

Во второй день (церемонии, после того как добыт олень – Л.П.) шаман отыскивает в лесу то место, где родился олень, шкура и лоб которого взяты на изготовления бубна и колотушки. Шаман тщательно высматривает все места, где олень этот в течение всей своей жизни ходил и был убит. ... Некоторыми шаманами при добыче души «бубенного оленя» устраивается изображение его из веточек березы и шаман имитирует охоту на оленя, стреляя в него из маленького лука (Прокофьев 1938: 369).

Аналогичный обряд существовал у шорцев. Вот как описывает его Л.П. Потапов:

Бубен-олень оживает и устами шамана рассказывает присутствующим о своем рождении, о детстве и зрелом возрасте, о том, где он жил, чем питался и т.д. Олень доводит рассказ до того момента, когда он был пойман или сражен пулей охотника и заканчивает обращением хорошо служить шаману. Во время рассказа оленя шаман изображает момент охоты на данного оленя или марала, воспроизводя движениями типичные приемы охоты на данного зверя (Потапов 1938: 141–142).

С точки зрения выдвинутого положения о связи обряда «оживления» бубна с ритуалом, воспроизводящим небесную охоту, важным является два момента. Первый – передача в действии или рассказе жизненного пути оленя, что представляет

собой поэтическую метафору, сопоставляющую этапы жизни мифического оленя с фазами движения светила по небосводу. Второе – шаман проходит весь жизненный путь оленя, фактически следуя за ним и преследуя его от момента его рождения до смерти.

Здесь логично вспомнить об обряде испрашивания охотничьей удачи *икэнипкэ*, проводимого сымскими эвенками, в котором участники воспроизводили мистерию-погоню за мифическим оленем-порозом (Василевич 1957: 151–162). Это дает основание поставить вопрос – а не лежит ли в основе охотничьих обрядов о промысловой удаче все тот же миф о «небесной охоте»?

Таким образом, представляется наиболее достоверным связывать образы оленя и медведя в шаманском ритуальном облачении с древнейшим комплексом идеологических представлений, в котором они воплощали один из основных космологических мифов Северной Евразии – миф «о небесной охоте».

Возможность соотнесения этих двух образов шаманского костюма с сюжетом одного из основных космологических мифов заставляет несколько иначе отнестись и к образу птицы, которая всегда рассматривалась подобно звериным образам как дух помощник шамана, репрезентирующий небесную сферу Вселенной. Однако некоторые данные о функции птицы в практике шаманских камланий заставляют взглянуть на этот образ иначе. Во-первых, у большинства народов в шаманском костюме представлена водоплавающая птица, которая как дух-помощник являлась ездовым животным и разведчиком пути шамана. Во-вторых, основным направлением ее полетов был не столько верхний, небесный мир, куда шаман отправлялся на олене (у бурят – на коне), а подводный/нижний мир. Эта осо-

бенность функции образа птицы позволяет высказать предположение о ее генетической связи с мифом о сотворении земли. Однако это тема самостоятельного исследования.

Литература

- Алексеев Е.А. (составитель, автор предисловия и комментариев). Мифы, предания, сказки кетов. М., 2001.
- Анисимов А.Ф. Космологические представления народов Сибири. М.-Л., 1959.
- Василевич Г.М. Древние охотничьи и оленеводческие обряды эвенков// Сб.МАЭ, 1957. Т. XVII.
- Костриков Л. Боговы олени в верованиях хасово// СЭ, 1930. № 1–2.
- Окладников А.П. Олень золотые рога. М., 1964.
- Потанин Г.Н. Громовник по поверьям и сказаниям племен Южной Сибири и Монголии// Журнал Мин.нар.просвещения, 1982, Январь/февраль.
- Потапов Л.П. Следы тотемистических представлений у алтайцев// СЭ, 1935. № 4–5.
- Прокофьев Г.Н. Церемония оживления бубна у остяк-самоедов// Известия Лен.Гос.Университета, 1938. Т. II.
- Прокофьева Е.Д. Шаманские костюмы народов Сибири// Сб.МАЭ, 1971. Т. XXVII.
- Сенкевич-Гудкова В.В. Мамонт в фольклоре и изобразительном искусстве казымских хантов// Сб.МАЭ, 1949. Т. XI.
- Титов Е.И. Некоторые данные по культуре медведя у нижнеангарских тунгусов киндинского рода// Сибирская живая старина. Иркутск, 1923. Вып. I.
- Хангалов М.Н. Собрание сочинений (В трех томах). Улан-Удэ, 2004. Т. III.
- Элиаде М. Шаманизм: архаические техники экстаза. Киев, 2000.
- Янкович М. Мифическое животное на звездном небе// Скифо-Сибирское культурно-историческое единство. Кемерово, 1980.
- Eliade. Le Chammanisme et les techniques archaiques de l'extase. Paris, 1951.

Г.П. Харючи
Институт истории и археологии УрО РАН,
Ямальский филиал
г. Салехард

ЗАЩИЩАЮЩИЕ ПРИРОДУ ТАБУ

В статье рассматривается табу как определенные правила, как система, регулирующая взаимоотношения человека и природы. В ненецком традиционном обществе сложно выделить только защищающие природу табу, так как все обряды взаимосвязаны и все предназначены для защиты человека, природы, общества.

Табу - полинезийское слово, означает «запрет, налагаемый на какое-нибудь действие, слово, предмет, употребление и упоминание которых в представлениях некоторых народов неминуемо карается сверхъестественной силой (Ожегов, Шведова 1995: 775).

З. Фрейд отмечает, что табу с одной стороны – святой, освященный, с другой – жуткий, опасный, запретный. Табу выражается по существу в запрещениях и ограничениях, бывают постоянные и временные (Фрейд 1913: 35). В нашем материале к постоянным можно отнести всё, что связано с шаманами, покойниками и всё, что им принадлежит. Временные табу связаны с известными состояниями женщины и родами, с деятельностью рыбака и охотника.

По исследуемой теме на ненецком материале имеется специальная лингвистическая работа Н.М.Терещенко «Слова табу в ненецком языке» (1967), где автор приводит имена животных, иносказательные слова, связанные с охотой, названия болезней,

подставные имена. Автор опирается на основные положения, высказанные Д.К.Зелениным в специальной этнографической работе, посвященной словам табу. Д.К.Зеленин подразделяет словесные запреты на две группы: запреты на охоте и иных промыслах, запреты в домашней жизни (1929; 1930). В труде Т.Лехтисало «Мифология юрако-самоедов» (1924) есть раздел «Духи чума – нечистота и очищение». Для нашей работы представляет интерес и труд К.Ф.Карьялайнена «Религия югорских народов» ((1921, 1922, 1927), раздел «Особое положение женщины». Большое внимание уделяет запретам в промысловых культурах З.П.Соколова в книге «Животные в религиях» (1998). Взаимоотношения человека с природой у коренных народов исследованы А.В. Головнёвым у ненцев, хантов и селькупов (1995), В.М. Кулемзиным у хантов (1984), И.И. Крупником у эскимосов (1989).Л.В.Хомич, А.В.Головнев, М.А.Лапина в своих работах касались этих вопросов в связи с исследованиями по материальной и духовной культуре. Многочисленные запреты у ненцев в материальной и духовной культуре рассмотрены мною в монографии «Традиции и инновации в культуре ненецкого этноса» (2001).

На ненецкий язык *табу* можно перевести как *хэвы* – грешно, *хэбяха*, *хэбяхад* – грех. *Хэбидя* - священный, святой, *хэбяхася(сь)* – быть не признающим греха, *хэбяхасяда-* не признающий греха (Терещенко 1965: 797). *Ваңы* – наказание, посылаемое человеку (за совершенное им наказание), *ваңымда(сь)* – насыпать на кого-либо наказание (за совершенное им преступление), *ваңымдамба(сь)* – насыпать на кого-либо наказание (за совершенное им преступление), *ваңыць* – обладать способностью насыпать на кого-либо наказание (за совершенное им преступление) (Терещенко 1965: 44).

В ненецком традиционном обществе с первыми словами ребенок усваивал слово *хэвы*. Чтобы дети росли здоровыми, родители должны были соблюдать определенные табу. Это касалось всего окружающего пространства, пространства чума, взаимоотношений людей между собой, в обрядах и т.д

На ненецком материале рассмотрим слова табу:

1. подставные, запретные названия;
2. в охотничьей этике;
3. в отношении священных рыб, животных.

Запретные названия животных у ненцев связаны прежде всего с такими сильными и опасными в условиях тундры хищниками, как медведь и волк (Терещенко 1967: 123).

Больше всего описательных и подставных имён у медведя: *Париденя* или *париденяко* (букв.: чёрный или чёрненький).

Пэдарэй (букв.: лесной).

Пэдарахы (букв.: к лесу относящийся).

Ваңгутахана мэна (букв.: в берлоге находящийся).

Ям' мядота или *ям' мядотако* (букв.: использующий вместо чума землю).

Ири (букв.: дед) - для бурого медведя.

Сэр' или *сэрако* (букв.: белый или беленький).

Ямгы (букв.: к морю относящийся) - для белого медведя.

Слово *сармик* имеет также значение “зверь”

Сармик - волк.

Ты' сармик (букв.: оленин зверь).

Пихий (букв.: уличный).

Цылека (букв.: сверхъестественное существо, вызывающее болезнь).

Тэва' ямб (букв.: длиннохвостый).

Пивня ядэрта или *пивня ядэрта ири* (букв.: по улице ходящий или по улице ходящий дед).

О табуировании названий болезней говорят эвфемизмы и идиоматическая лексика. Если *вэва хабця* плохая болезнь – так называли раньше холеру и сибирскую язву, то теперь так называют онкологические заболевания, от которых не вылечивают. А.И. Кузнецова, опираясь на материалы Н.М. Терещенко, отмечает, что эвфемизмы и идиоматическая лексика относятся к реликтовым элементам в языке, отражающим древние поверья народа (2001: 277).

На самых ранних этапах существования общества система табу являлась универсальной формой регламентации общественной жизни. В современном понимании табу можно рассматривать как своеобразную духовную сферу экологии человека и общества, выраженную в массовом представлении о мире.

Запреты как жизненные установки, правила лежат в основе оленеводческой, охотничьей морали ненцев.

Как отмечает С.А. Токарев «речь идет о древнейших формах общественного регулирования производства и потребления: было чисто стихийное требование соблюдать определенные сроки начала охоты, рыбной ловли, собирания пищи. До наступления назначенного срока и добывание и потребление определенных видов пищи, так же как охотничьей добычи запрещалось обычаем. В определенный же срок это временное «табу» снималось. Снятие табу облекалось в обрядовые формы. Само разрешение пользоваться первыми плодами после запрета, съедание первой добычи после периода воздержания обставлялось, вероятно, как торжественная церемония, а в дальнейшем эта церемония осмысляется как жертва первинкам духам или богам» (Токарев 1999: 170–171).

Экологический аспект традиционных религиозных верований прослеживается в защищающих природу табу. Например, не засорять озера, реки, не бросать острые предметы, так как можно попасть в глаз духа – хозяина водоёма. Оставлять чумовище чистым, так как после отъезда людей приходит дух *Мядында*, который собирает все брошенные вещи и может через них наслать на человека порчу.

Эти запреты более всего прослеживаются в охотничьих обрядах. Л.П. Потапов относительно охотничьей этики алтайцев отметил, «оказалось, что охотничий промысел – это не только хозяйственное занятие, обеспечивающее существование алтайцев, но и своеобразный быт, тесно связанный с духовной культурой. Уже сборы на промысел, путь к месту охоты, обустройство жилища охотников, добывание пищи и т.д. были насыщены различными поверьями, приметами, запретами, правилами поведения людей на охоте (Потапов 2000: 80). Все это относится к охотничьей этике и у ненцев. Регламентировалось поведение женщин, детей, когда охотники уходили на охоту. Нельзя было говорить о них, смотреть в их сторону, если охотники охотились недалеко от чума. Все это распространялось и на саму организацию промысла, дележа добычи и т.д.

Мировоззренческие и поведенческие стереотипы в отношении окружающей среды рассматриваются в монографии М.А. Лапиной, которая подчеркивает: «Гармония, царящая в природе, накладывала свой отпечаток и на народную этику. Этические представления находили свое отражение в житейской философии и морали и были связаны с метеорологическими, астрономическими и другими наблюдениями за окружающей природой. Природа являлась главным фактором, объединяющим в единое целое комбинированные воздействия на поведение лю-

дей, их образ жизни» (Лапина, 1998: 23). Известную классификацию запретов В.Ф. Зыбкобца исследовательница дополнила хантыйским материалом, в частности о запретах, связанных с телом человека, а также относящихся к природе, животному миру.

Промысловая этика ненецких оленеводов, рыболовов и охотников была ориентирована на то, чтобы проводить благодарственные акты в сезонных обрядах и по случаю добычи священного животного.

Ряд правил, входящих в систему питания ненцев, имеет ритуально-культурный характер. Наглядным примером таких ограничений являются постоянно действующие запреты употребления некоторых видов рыб, например, осетра, щуки, налима. Исследование в отношении традиций и трансформаций запретов у ненцев в отношении животных, рыб имеется в моей монографии (2001). Для дополнения можно отметить следующее. Почти в каждой семье стараются иметь в священной нарте кусочек с медвежьей шкуры, лапы или медвежий клык. Хозяева, имеющие эти части раз в месяц или два раза в год проходят обряд очищения со священной нартой или ящиком с культовыми предметами. Женщина не могла наступить на след медведя, должна была или снять след (вместе с землёй, со снегом) железной лопаткой, или замести колотушкой *яңгабць* (для стряхивания снега с чума), так как верили, что иначе её муж на промысле не заметит медведя и *варк маядаңгуда* – ‘медведь его замучит. Или же она должна выдернуть с головы волос, наложить поперек следа и перейти по этому «мосту». Если медведь нарушал захоронение или раскидывал вещи в оставленных грузовых нартах с зимними вещами – значит, были в роду нарушения запретов относительно медведя. Раньше ненцы сами не убивали медведя ни ради

охоты или в силу необходимости, когда зверь представлял угрозу, боясь прогневить его дух, просили это сделать русских. Мясо убитого медведя заносят со священной части чума, приподняв край покрывки. Среди ненецких орнаментов есть «медвежий след». Мастерицы вырезают и пришивают этот орнамент только семь раз за всю жизнь. Одежда или изделие не оставляется с покойником или же такой орнамент выпаривается с одежды, иначе медведь разгромит гроб.

Священные рыбы служили предметом, с помощью которого проводился обряд проклятия. Человек резал ножом живую рыбу поперек со словами заклания «пусть эта рыба станет гибелью вашего рода, до последнего ребенка». Тот на кого насылались проклятья не резал рыбу, но пытался дать отпор словами: «пусть твое проклятие обернется против тебя же» (информация Н.С. Салиндер). В ненецком эпосе встречается мотив превращения людей в рыб, в частности в щуку, например, в обличье Рогатой щуки ходит дух воды *Ид Ерв*, железная щука *Есядавы Пыри*.

Ненецкое традиционное общество было построено на строжайшем разделении сфер «мужского» и «женского». Женщина занимала в нём особое положение, она считалась существом, тесно связанным с сакральным миром, следовательно, от её поведения зависели судьбы людей. Женщина выполняла важные функции по созиданию, сохранению, передаче социального и культурного опыта. Одним из механизмов реализации этих функций и являлась система запретов (табу), которые регулировали её поведение.

Существует много запретов в родильном, похоронном обрядах. Женщинам нельзя сушить свою обувь и вешать на шесты и нарты, кроме специальной нарты *сябу* - где перевозятся доски для пола. Выводя оленей для аргиша из загона, сначала женщи-

на проходит под верёвкой, затем те, кто держит верёвку, опускают её до земли и она выводит оленей уже через верёвку. Нельзя было сильно радоваться удаче, жаловаться на свою участь, называть некоторые вещи и животных своими именами. В религиозных представлениях животные наделялись сверхъестественными свойствами. Считалось, например, что звери и птицы могли понимать человеческую речь. Поэтому, отправляясь на промысел, охотники старались не говорить о предстоящей охоте на зверя.

Есть установки и запреты в отношении употребления мяса и шкуры жертвенных оленей. Мясо жертвенного оленя, посвященного Нуму, съедается на месте проведения обряда.

При жертвоприношениях Солнцу мясо жертвенного животного в чум вносить нельзя, так как оно чистое, освященное жертвенной кровью, и женщины его обычно не едят. Если мало мужчин и они не в состоянии выполнить основные условия обряда, требующего немедленного употребления мяса на месте, зовут гостей из других стойбищ.

Шкура посвященного оленя не используется на постель. Л. Костиков (1930: 118) утверждает, что она идёт на изготовление *со"ок* (*савак*) – верхней мужской одежды или ею покрывают мужские сани. По моим сведениям, шкура такого животного никогда не используется для утилитарных целей. У современных тундровых ненцев – оленеводов такая шкура служит покрывалом священной нарты или её оставляют на священном месте.

Мясо посвященного покровителю *Илебям' нэртя* оленя едят, из шкуры делают *тынзя'* – аркан, череп и кости кладут на священное место.

Есть установки при разделке туши медведя. Для перевозки разделанного медведя принято использовать семь нарт: на одну грузят позвоночник, на другую – ребра, на третью и четвертую – две лопатки с лапами, на пятую и шестую – задние лапы, на седьмую – жир. Голову и шкуру временно оставляют на месте разделки. Медвежью голову и лапы с костями охотник везёт на святилище (Головнёв, 1995:457).

Оберегом служат шкуры священных животных: медведя, соболя, выдры, белки, горностая. Особое отношение к белке и к горностаю зафиксировано у многих народов, в том числе у ненцев (Харючи, 2001:121.). Предохранительная сущность этих зверей обуславливались тем, что они могли отпугнуть злых духов. Но в основном для оберега использовали шкурки горностая или кусок от шкуры бурого медведя. В чуме шкурки этих животных вешают на шест.

Регламентации (запреты) в отношении оленьего мяса: кончиком уха убитого оленя при жертвоприношении мажут лоб тому, в честь кого принесена жертва, а хвостом, обмазанным в кровь жертвенного оленя, рисовали солнце на снежном круге. Сердце оленя нельзя резать поперёк, а только вдоль. Иначе будет болеть сердце у того, кто резал.

В повседневной жизни невольно приходится по тем или иным причинам нарушать некоторые табу - ограничения и запреты. Смягчить категоричность многих запретов помогают некоторые правила, выработанные народом. Например, женщине нельзя разделять шуку, осетра, налима, т.к. они считаются священными. Но в отсутствие мужчины ненецкой женщине допускается это делать, сказав при этом *ваңыда яңгоя* - пусть не будет греха, *хэбяхамда' вунива*” *хорбю* – делаем это не для того, чтобы увидеть, будет ли грех.

Универсальным средством снятия вины за нарушение запрета или полученной сакральной нечистоты (скверны) было очищение. Как уже было отмечено, “нечистоту” - *ся*”*мэй* снимают металлические предметы. Средством для удаления “нечистоты” является окуривание или очищение - *нибтрава*. Для обряда очищения необходимо заранее заготовить настой чаги *тюнабць*’. Предварительно чагу измельчают, сжигают и в горячем виде бросают в сосуд с водой, растворяют, настаивают. Для очищения настоем брызгают на чугунную сковороду.

Каждая женщина имеет в сумочке *туця*’ очищающий предмет *торабт*”. Это может быть *лидяңг* - кусочек бобровой или выдровой шкурки, высушенная и вывернутая жировая кишка дикого оленя или внутреннее сало оленя, косточка бобра или выдры. Раньше обменивали *торабт*” на Обдорской ярмарке, сейчас заказывают в другие районы, где добывается бобр или выдра. При камланиях очищающим предметом может служить прозрачный жёлтый камушек – *яра’ нэ*.

У ненцев существует следующие виды очищения: перед отъездом на священное место, после похорон, послеродовое или ежемесячное, обряд очищения после долгой разлуки (по полевым материалам автора).

1. Обряд очищения перед поездкой на священное место.

В литературе приводится описание этого обряда очищения. В.П. Евладов пишет, что перед выездом их нарты окуривали. Под каждой нартой женщина держала жестянку с дымящимся оленьим салом, каждый должен был сидеть на нарте, держа *тюр* - хорей в руке, как в пути (Евладов, 1992:127). Обряд сейчас строго соблюдается. Участвовавшие в погребальном обряде, не прошедшие обряд очищения не могут посещать святилище. Этот запрет действует и во время траура.

2. Обряд очищения после погребального обряда.

Все участники погребального обряда считаются *ся"мэй* - нечистыми, т.к. они отправляли покойного в Нижний мир. После кладбища останавливаются недалеко от чума. К ним выходит женщина с заранее заготовленным настоем чаги. Все должны пройти обряд очищения – *нибтрава*. Распрягаются олени, к ним *ся"мэй* - нечистота не пристаёт, однако нарты и упряжь требуют очищения. Женщина обрызгивает всем лица, руки, одежду настоем чаги. Затем очищаются посредством *торабт*". *Торабт*" - это сожжённый на сковороде кусочек шкурки бобра или шерсть вместе с внутренним салом дикого оленя. Все сидят на нарте, очищаются, сковорода ставится под нарту, упряжь также очищается. Только после этой процедуры можно входить в чум, касаться вещей, людей.

Послеродовое или ежемесячное очищение женщин, девушек.

Настоем чаги, паром, очищают детей, люльку. Настоем чаги моют детям лицо, руки. В последнюю очередь женщина очищает себя, моет лицо, руки тоже настоем чаги. Затем обрызгивает чум, постель.

Мужчины окуривают священные нарты, к которым ветер мог унести "нечистый" мусор. После этой процедуры также используют *торабт*".

После очищения женщина зимой может употреблять в пищу осетра в мороженом виде, но чистить, разделывать рыбу положено только вдоль. Женщины рода Ядне, Худи не едят осетра. Мужчины едят рыбу на улице, так как в чум заносить осетра нельзя.

Обряд очищения после долгой разлуки.

Очищение после долгой разлуки, например, детей, приехавших из интерната. Их очищают только посредством *торабт*". Дети жили в другом сакрально «нечистом» жилище, на их вещи, на одежду могли наступать женщины, девушки.

Как отмечает Н.М. Терехин (1998: 34) трудовая и пищевая табуация были лишь частью той системы запретов, которыми определялись границы женского поведения. Например, запрет переходить перед священным шестом *симзы* и священной нартой. Девушкам и женщинам нельзя наступать и перешагивать через вещи. Нельзя ездить на мужские священные места. Старики строго следят, чтобы женщины не наступали а вещи и не ходили вокруг чума перед священной нартой. Здесь осознаётся особое положение женщины, от поведения которой зависит благополучие данной семьи, рода. По сведениям А.Д. Евсюгина о европейских ненцах, в обрядах жертвоприношения женщинам разрешалось быть на жертвенном месте при условии, что она положит в пимы какой-нибудь медный предмет (Евсюгин 1979: 19). У тундровых ненцев медная пластина в обуви использовалась женщинами при посещении священных островов.

Таким образом, можно отметить, что многочисленные табу, выработанные культурой на протяжении веков и существующие в жизни ненцев практически до сего дня – это традиционный комплекс знаний, поверий, способов и правил поведения, целью которых было поддержание взаимовыгодных отношений с природой. Подобное поведение позволяло – с точки зрения ненцев – не только оберегать человека, свою семью, свой род, но и заботиться об окружающей среде. Экологичность подобного мировоззрения и поведения может показаться «вторичной», однако для традиционного мышления мифологического типа это было естественно, поскольку человек воспринимал Природу как

живое и себе подобное, но, вместе с тем, более значимое, чем он сам, производшее его и дающее возможность выживания.

Литература

- Головнёв А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров . Екатеринбург, УрО РАН, 1995. С. 295–329.
- Евладов В.П. По тундрам Ямала к Белому острову. Экспедиция на Крайний Север полуострова Ямал в 1928–1929 гг. Ин-т проблем освоения Севера СО РАН. Тюмень, 1992. –281 с.
- Евсюгин А.Д. Ненцы Архангельских тундр. Архангельск, Северо-Западное книжное изд-во, 1979. –157 с.
- Зеленин Д.К. 1929. Табу слов у народов Восточной Сибири и Северной Азии. Ч.1. запреты на охоте и иных промыслах - Сб.Музея антропологии и этнографии. Т.8. ч.П. Запреты в домашней жизни //Сб. Музея антропологии и этнографии. 1930. т. 9.
- Костиков Л.В. Боговы олени в религиозных верованиях хасово // Этнография. 1930. № 1–2.
- Кузнецова А.И. Отражение народных обычаев и верований в самодийских языках и фольклоре (по селькупским и ненецким материалам) // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Материалы XII Западно-Сибирской конференции. Томск, изд-во Томского университета, 2001. С. 276–278.
- Кулемзин В.М. Человек и природа в верованиях хантов. Томск, ТГУ, 1984. –192 с.
- Крупник И.И. Арктическая этноэкология. М.: Наука. 1989. – 272 с.
- Лапина М.А. Этика и этикет хантов. Томск, изд-во Томского университета, 1998. –115 с.
- Лехтисало Т. Мифология юрако-самоедов (ненцев)/ Пер. с нем. Н.В.Лукиной. Томск, Томского университета, 1998.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. Российская

- АН; Российский фонд культуры; 2-е изд., исп. и доп. М., АЗЪ, 1995. –928 с.
- Потапов Л.П.. Охотничий промысел алтайцев (Отражение древнетюрской культуры в традиционном охотничьем промысле алтайцев). СПб, 2001. 167с.
- Соколова З.П.. Животные в религиях. СПб, Изд-во «Лань», 1998. –288 с.
- Теребихин Н.М. Традиционная модель мира ненцев (к постановке проблемы) //История и культура ненцев европейских тундр (историко-краеведческий сборник). Нарьян-Мар, 1998. С. 15–39.
- Терещенко Н.М. Ненецко-русский словарь. М.: Советская Энциклопедия, 1965. 942 с.
- Терещенко Н.М. Слова табу в ненецком языке. // Советское финно-угроведение. Т.Ш.ч.2. Таллинн, 1967. С. 123–130.
- Токарев С.А. О жертвоприношениях // Избранное. Теоретические и историографические статьи по этнографии и религиям мира. В 2-х томах. Том 2. М., 1999. С. 167–184.
- Фрейд З. Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии. Москва–Петроград: Государственное издательство. 1913.
- Харючи Г.П. Традиции и инновации в культуре ненецкого этноса. Томск, Изд-во Томского университета, 2001. 228 с.
- Хомич Л.В. Материалы по народным знаниям ненцев // Социальная организация и культура народов Севера. Изд-во «Наука», 1994. С. 231.